

Лекции по Церковному Праву

Заслуженного профессора
Протоиерея В.Г. Певцова.

Предварительные понятия

Отдел I. Источники церковного права.

Общие источники.

Священное Писание. Священное и церковное предания. Законодательство Церкви. Церковные обычаи. Государственные законы относительно Церкви. Толкователи канонов. Сборники канонов и номоканоны греческой Церкви.

Особые источники Права и его сборники в русской Церкви.

Добавление.

Отдел II. Устройство церковного управления.

Управление в древней вселенской Церкви.

Церковная иерархия, клир. Епископ и его округ. Митрополит и его округ. Патриарх и его округ. Соборное управление.

Управление в русской Церкви.

Центральное управление.

Св. Синод.

Состав Св. Синода. Права и обязанности членов Св. Синода и присутствующих в нем. Значение Св. Синода в Церкви и в государстве. Власть Св. Синода.

Лица и учреждения при Св. Синоде.

Обер - Прокурор Св. Синода. Управления и Канцелярии. Синодальные Канторы. Канцелярии. Синодальная. Хозяйственное Управление. Контроль. Духовно-учебный Комитет. Училищный Совет. Местное управление. Епархии. Епархиальный архиерей. Его избрание и утверждение. Значение, права и власть архиерея.

Учреждения и должностные лица при епархиальном архиерее.

В древней Церкви. Приходы.

Вне-епархиальные духовные ведомства.

Управление в других православных автокефальных Церквях.

В Константинопольской Церкви. Болгарская Церковь. Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская Церкви. Церковь в Эллинском Королевстве.

Церковь в Сербском Королевстве. Церкви в Австро-Венгрии. Церковь в Румынском Королевстве. Церкви в Черногории, на Синае и на о. Кипр.

Управление в иноверных Церквях.

Устройство управления в Римско-Католической Церкви. Устройство управления евангелическо — лютеранской Церкви в России. Церковные Советы и Попечительства. Церковно-правительственная власть. Управление армяно-грегорианской Церкви в России.

Отдел III. Общественное богослужение и священнодействия.

Общие постановления.

О богослужении. О священных местах. О священных вещах. О священных временах.

Крещение.

Миропомазание и присоединение иноверных.

Исповедь и причащение.

Посвящение в церковные степени.

Церковные степени и виды посвящения. Правила возведения на церковные степени. Последствия посвящения. Оставление духовного звания и неповторяемость посвящения.

Монашествующее духовенство.

Сущность и возникновение монашества. Поступление в монашество. Пострижение в монахи. Правила, касающиеся внешнего поведения монахов. Учреждение, устройство и управление монастырей. Оставление монашества.

Брак.

Его существо и цели. Законы о брачном союзе. Условия для вступления в брак. Условия брачного союза. Заключение брачного союза. Венчание. Время и место совершения таинства брака. Повторные браки. Прекращение брака. Незаконные браки. Расторжение браков.

Погребение умерших.

Добавления.

Закон об укреплении начал веротерпимости. Метрические записи и другие церковные документы.

Отдел IV. Церковный суд.

Область церковного суда.

Суд Церкви, относящийся к преступлениям.

Общий для всех христиан. Церковный суд над духовными лицами. Церковный суд по другим (спорным) делам. Церковное судопроизводство.

Отдел V. Церковное имущество.

Средства содержания и способы их приобретения. Частные пожертвования. Другие способы приобретения Церковью материальных средств. Особые права церковного имущества. Управление церковным имуществом.

Предварительные понятия

Церковь Христова по происхождению, целям и своим средствам, по условиям своего внешнего существования, отлична от других человеческих сообществ, политических или гражданских.

а) Создатель ее есть Богочеловек И. Христос: (Матф. 16:18), Который неразрывной связью соединил Себя с нею, как с телом Своим, и невидимо ею управляет, как Глава (Ефес. 1:22-23).

б) Цель Церкви состоит в том, чтобы воспитать людей до возможного совершенства, до меры возраста Христова (Ефес. 4:13), и таким образом подготовить их и привести к вечной жизни.

в) Средствами, которыми Церковь обладает для достижения своей цели, служат: 1) завещанное ей божественное учение веры и нравственности, которое она должна сохранять в чистоте и распространять; 2) дарованная ей благодать Св. Духа, которую она преподает своим членам для их освящения и в помощь их духовным силам.

г) В своем существовании на земле Церковь не ограничена известным временем (она пребывала непрерывно от своего начала и пребудет вечно), или известной территорией или народностью (может охватывать собой несколько государств и включать в себя несколько национальностей). Живя в государстве, Церковь как Христово царство *не от мира сего*, не зависит от государства и его власти; непризнанная, даже гонимая им, она может жить, развиваться, процветать.

Столь отличное от всех других человеческих сообществ, вполне самостоятельное и независимое от них, живущее своей особой жизнью, церковное общество имеет также и свое особое право, самостоятельное, независимое от всякого другого светского права.

Какую же сторону Церкви охватывает собой церковное право? — Церковь есть не один только внутренний духовный союз людей одинаковых религиозных убеждений, но и видимое, внешнее сообщество. Поэтому в ней существует видимое устройство и твердо установленный внешний порядок, необходимый для того, чтобы она могла беспрепятственно выполнять свое предназначение. В ней есть правительство, облеченное своими полномочиями, ее члены поставлены в определенные отношения к ней, к ее управлению, друг к другу. Кроме того, Церковь, как видимое общество, с необходимостью вступает в видимые отношения с другими человеческими сообществами и союзами, а также с лицами, ей не принадлежащими. Этот видимый строй и порядок церковной жизни, независящий от личного произвола, как раз и относится к церковному праву.

Итак, церковное право (в объективном смысле) представляет собой совокупность всех норм или законов, которыми управляются жизнь и отношения Церкви, как видимого самостоятельного общества. В смысле субъективном, оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам Церкви сообразно с их различным положением в церковном обществе.

Дело науки церковного права: изучить содержание церковных законов в их основании и в историческом развитии, представить их в систематическом порядке и во взаимной связи, показать соответствие действующих правил целям и свойствам Церкви, основным законам ее жизни, а также — их практическую применимость.

Отдел I.

Источники церковного права.

Нужно различать источники *материальные*, т.е. причины производящие право, или законообразовательные силы и органы, его определяющие (основания права), — и *формальные* источники, т.е. те памятники законодательства, из которых мы получаем знание о праве.

Источниками церковного права, понимаемыми в первом смысле, признаются: а) божественная воля Основателя и Главы Церкви, выраженная Им Самим непосредственно, или через Его ближайших учеников; б) воля Церкви, выражающаяся или посредством установленных в ней органов власти, или в церковной жизни и практике; в) верховная государственная власть (относительно внешнего положения Церкви в государстве).

Источниками второго рода, т.е. выражающими в себе законодательную волю, служат: а) священное Писание и священное Предание; б) памятники церковного законодательства и церковный обычай; в) государственные законы, относящиеся к Церкви.

Общие источники.

Священное Писание.

Главным и основным источником для определения основных начал церковного устройства и управления должно служить св. Писание нового завета.

В св. Писании главным образом содержатся истины веры (догматы) и нравственности. Сами по себе они не составляют церковного права или юридических постановлений; но они служат основанием церковного законодательства, облакаются через него в юридическую форму, и в этом смысле относятся к источникам церковного права.

Но, кроме истин веры и нравственности, в новозаветном св. Писании мы находим еще постановления И. Христа, касающиеся Церкви, как внешнего общества.

Так, напр., в нем указаны Спасителем: учреждение апостольского служения и полномочия, данные ему (Матф. 28:19-20; 18:18; Иоан. 20:23); установление свящ. иерархии (Ефес. 4:11-12); правила об отношениях Апостолов между собой (Марк. 9:35); установление таинств крещения и причащения (Марк. 16:16; Лук. 22:19; 1 Коринф. 11:23-25); учение о разводе (Матф. 5:32; 19:3-10); наставления касающиеся обращения с согрешившим братом и о церковном суде над ним (Матф. 18:15-17), об отношении к верховной власти (Матф. 22:21) и др.

В новозаветных свящ. Книгах есть правила и распоряжения Апостолов, касающиеся церковного устройства, служащие раскрытию божественных правил Спасителя и применению их к нуждам современного Апостолам общества.

Так, напр., мы видим в этих книгах учреждение в Церкви степеней епископа, пресвитера и диакона (1 Тимоф. 3 гл.; Тит. 1:5); и правила введения их в сан (2 Тимоф. 1:6; 5:22; Деян. 6:6); правила об обеспечении содержания служащих Церкви (1 Коринф. 9:7-14), о суде епископа над пресвитерами (1 Тимоф. 5:19), об отлучении от Церкви недостойных членов ее (1 Коринф. 5:3-5), о порядке в церковных собраниях (1 Коринф. 14:26-40), о разводах (1 Коринф. 7:10-17), о вторичном браке (1 Коринф. 7:30; 1 Тимоф. 5:14), о раз-

решении взаимных споров и тяжб между христианами (1 Коринф. 6:1-7). Наконец, в св. Писании указан руководящий пример для церковной власти в действиях Апостолов, как первых ее иерархов, в отношениях их к пастве, и т.п. Так, показан пример, каким способом должны разрешаться важнейшие церковные вопросы (Деян. Гл. 15), пример пастырской заботы о пастве (Деян. 20:18-21, 31-35), обращение пастырей с пасомыми (1 Солун. 2:3-12; 2 Коринф. 6:3-6) и друг.

Что касается церковных правил, заключающихся в ветхозаветных свящ. Книгах, то нужно сказать, что с окончанием ветхого завета прекратилась обязательная сила и этих законов; это указано и в новозаветном учении (Евр. 8:10; Деян. гл. 15). Они могут иметь лишь историческое значение в науке церковного права. Если некоторые из них приняты христианской Церковью, то свой авторитет они получают от ее законодательной власти (напр. законы о родстве, о неупотреблении в пищу крови, удавленины; см. Деян. 15:19).

Но и указанные в новозаветных свящ. книгах церковные правила и установления, все ли должны быть неизменными и оставаться неприкосновенными для церковного законодательства? Что неразрывно связано с существом Церкви и ее учением, что относится к ее существенным целям и средствам, что представляет собой общие, основные правила ее устройства и жизни, то всегда остается в ней неизменным, как неизменны в ней истины веры и нравственные правила. Но видимое положение Церкви в его частностях подвержено изменениям соответственно различным обстоятельствам места и времени. Поэтому не могут оставаться вечно неизменными такие церковные установления, указанные в св. Писании, которые состоят только в применении основных начал церковного благоустройства к внешнему положению Церкви, и имеют значение только частное.

Так, например, предписание Апостола о суде перед язычниками (1 Коринф. 6:1-6), или о покрывалах женщин (1 Коринф. 11:5-10), или о сборах пожертвований для Церквей (16:1-2), — очевидно, имело отношение к обстоятельствам, среди которых находилась первенствующая Церковь, или к обычаям народа; следовательно, они не могут быть принимаемы как правила обязательные для христиан всех мест и времен. С изменением внешних условий церковной жизни изменены или заменены правила Апостолов, напр., о публичном обличении согрешающих (1 Тимоф. 5:20), о порядках в церковных собраниях (1 Коринф. 14:26-31), о том, чтобы епископ был мужем единой жены (1 Тимоф. 3:2), о служении в Церкви вдовиц или диаконов (1 Тимоф. 5:9-14), о вечерах любви (1 Коринф. 2:20-22).

Что именно в церковных установлениях, указанных в свящ. Писании, должно быть безусловно обязательно и неизменно, это может быть определено только самой Церковью, как верной хранительницей божественных истин.

Священное и церковное предания.

Не все правила церковного устройства и порядка, данные И. Христом и Апостолами, заключены в апостольских писаниях; многие из них, даже большая их часть, переданы Апостолами устно, введены в Церковь личными их распоряжениями (1 Коринф. 11:34), Иное, чего они не успели устроить непосредственно, поручили докончить своим ближайшим приемникам - ученикам (Тит. 1:5).

Каждая из основанных Апостолами Церквей тщательно хранила и передавала последующим поколениям своих членов не одни только писания Апостолов, но и все то, что она слышала от них, что в ней было учреждено ими лично (апостольские предания). Путем взаимных постоянных сношений между Церквами, даже отдаленными друг от друга,

эти апостольские предания распространялись, становились общеизвестными. Ближайшие к Апостолам их приемники, продолжая отстраивать Церковь, развивали апостольские постановления в соответствии с потребностями вверенных им христианских сообществ. Это развитие и применение апостольского предания также укреплялось в церковной жизни (предание церковное, отеческое).

Таким образом апостольское и церковное предание служили в первые века христианства главным, после священного Писания, основанием и источником церковного права.

“Если какое-либо правило (говорит Тертуллиан, церковный писатель II - го века) не определено Писанием, однако повсюду соблюдается, значит оно утверждено обычаем, основанным на предании. Если же кто скажет, что и в предании нужно какое-либо письменное свидетельство, то мы со своей стороны укажем на многие установления, которые сохраняются без всякого писания, авторитетом одного только предания и силой обычая.” Указав затем на некоторые обряды и церковные обычаи, Тертуллиан продолжает: “если бы кто-то захотел искать письменный закон на эти и многие другие установления, то не нашел бы его. Здесь имеет свою силу предание, как основание, — обычай, как утверждение, — вера, как его охранение” (De corona milit. с.3). Св. Василий Великий приписывает преданию такую важность, что если бы мы отважились отвергнуть его, то незаметно повредили бы Евангелию в главных положениях, и даже более того, — от апостольской проповеди оставили бы одно пустое имя (см. В Простр. Катех. В главе о св. предании).

Поэтому, если относительно вопросов веры и церковного устройства было недостаточно прямого указания в свящ. Писании, то обращались к преданию.

“Все желающие видеть истину (говорит св. Ириней II—го века) могут во всякой Церкви узнать предание Апостолов, открытое для всего мира. Если бы возник спор о каком-либо важном вопросе, то не следовало ли обратиться к древнейшим Церквам, в которых обращались Апостолы, и от них получить то, что есть достоверного и ясного относительно этого вопроса” (против ересей кн. III главы 3 — 4).

Как видно из приведенного свидетельства, вернейшим признаком истинности предания и его авторитетности считались распространенность этого предания и согласное признание его различными Церквами, особенно теми, которые были основаны самими Апостолами (римской, антиохийской, иерусалимской и др.).

Признавая за преданиями особенную важность, Церковь в последующие времена, когда стала развиваться ее собственная законодательная деятельность, ограждала своими законами целостность и чистоту преданий и ставила их в основу своих законоположений.

Так, например, вселенские и поместные Соборы многие свои правила основывают на древних преданиях, “последуя древним правилам апостольского благоустройства и порядка, апостольским и отеческим преданиям” (Трул. 13, 29), и подтверждают: “да не преступаются правила отец (3-й Всел. 8), да бывают в Церкви (т. е. соблюдаемы) вся принятая от божественных Писаний и апостольских преданий” (Гангр. 21); преступающих же предания подвергают отлучению от церкви (7-й Всел. 7).

Посредством церковного законодательства апостольские и церковные предания приняли форму писаного закона и таким образом для действующего церковного права имеют значение историческое.

Законодательство Церкви.

Церковь с первых веков устроила свою жизнь еще и собственным законодательством на основаниях, положенных И. Христом и Его Апостолами, по дарованным ей от И.

Христа полномочиям. Органом ее законодательной власти является Собор ее представителей, — вселенский и поместный.

Вселенские Соборы представляли собой власть Церкви вселенской; поэтому их постановления имеют общеобязательное значение положительных законов для всех членов Церкви. Такие правила даны следующими шестью вселенскими Соборами.

1) Никейским 1-м, созванным по случаю ереси Ария, в 325 году, при Константине Великом. Кроме вероопределения, или символа веры, он дал 20 правил церковного благоустройства.

2) Константинопольским 1-м, созванным по случаю лжеучения Македония в 381 году при Феодосии Великом. Кроме дополнения Никейского символа веры, он составил семь церковных правил.

3) Ефесским, созванным для осуждения ереси Нестория в 431 году, при Феодосии втором. Названные именем этого Собора 8 церковных правил составляют извлечения из окружного послания Собора ко всем Церквам о Нестории и его единомышленниках. К ним присоединено одно послание Отцов Собора к одному поместному Собору. Правила Ефесского Собора неизвестны в римской Церкви.

4) Халкидонским, созванным в 451 г., при Маркиане для осуждения монофизитской ереси. Он дал 30 церковных правил.

5) Трулльским, бывшим в 691 г. При Юстиниане II. Этот Собор был созван вскоре после 6 вселенского (Константинопольского III) Собора, бывшего в 680 г. по случаю монофелитского лжеучения. Главным предметом занятий Трулльского Собора было устройство церковного благочиния. Он составил 102 правила. Название свое он получил от царских палат со сводами (τρούλλοι), в которых он собирался.

Так как он был собственно продолжением IV вселенского Собора, то его правила носят имя последнего. Называют его еще *пято-шестым* Собором, потому что он служил как бы дополнением не только шестого, но и пятого вселенского (Константинопольского 2-го) Собора, созванного в 553 году для подтверждения осуждения несторианства; оба эти Собора занимались исключительно догматами веры и не оставили после себя церковных правил. Римский папа (Сергий), современный Трулльскому Собору, не подписал его определений, так как некоторые из них шли вразрез с обычаями и взглядами, утверждавшимися в римской Церкви (напр., запрещение поста в субботу, запрещение священнослужителям разлучаться с их женами, подтверждение равноправности константинопольского Патриарха с римским). С тех пор и доселе римская Церковь не признает Трулльского Собора за вселенский и его правила обязательными для себя, утверждая, что на нем не было ее представителей.

6) Никейским 2-м, созванным в 787 году при Константине Парфирородном и матери его Ирине против иконоборства. Он установил 22 церковных правила.

Вселенскими Соборами утверждены и даны в руководство всей Церкви постановления некоторых из поместных Соборов, бывших в период вселенских Соборов (за исключением, впрочем, весьма немногих правил, отмененных вселенскими Соборами). Следовательно, эти постановления имеют в церковном праве значение, равное с постановлениями вселенских Соборов.

Таковы правила следующих восьми поместных Соборов 1) Анкирского (314-315 гг). — 25 правил; 2) Неокесарийского (315 г). — 15 правил; 3) Гангрского (340 г). — 21 пр.; 4) Антиохийского (341 г). — 25 пр.; 5) Лаодикийского (около 364 г). — 60 пр.; 6) Сардикийского (347 г). — 20 пр.; 7) Карфагенского — 147 пр., и присоединенное к ним по-

слание. Правила Карфагенского Собора составляют свод постановлений многих прежних Африканских поместных Соборов, пересмотренный и подтвержденный на Карфагенском Соборе в начале 5-го века (421 г.); 8) Константинопольского (394 г). — 1 пр. Правила всех поименованных Поместных Соборов “запечатлены согласием” Трулльского Собора.

Вместе с этими правилами были приняты вселенской Церковью (на Трулльском Соборе) и получили общеобязательную силу: а) правила св. Апостолов, числом 85; б) правила некоторых знаменитейших Отцов Церкви, извлеченные из их различных посланий, бесед, постановлений, распоряжений и т.п.

Трулльский Собор поименовывает следующие правила св. Отцов,— III —го века: Дионисия Александрийского, 4 правила; Петра Александрийского, 15 правил; Григория Неокесарийского, 12 прав.; Отцов IV — го века: Афанасия Александрийского, 3 послания; Василия Великого, 92 пр.; Григория Нисского, 8 пр.; Григория Богослова, 1 пр.; Амфилохия Иконийского, 1 пр.; Тимофея Александрийского, 18 вопросов и ответов; Феофила Александрийского, 14 пр.; Отцов V — го века: Кирилла Александрийского, 5 пр.; Геннадия Константинопольского, 1 послание. Эти правила восточных отцов Церкви римская Церковь не признает обязательными для себя.

К вышеозначенным правилам поместных Соборов и св. Отцов Церковь присовокупила после 7 вселенского Собора: а) послание константинопольского Патриарха Тарасия (председателя 7 вселенского Собора) и б) правила двух поместных Константинопольских Соборов, бывших при Патриархе Фотии. Первый из них (в 861 г). называется двухкратным, потому что собирался два раза, после перерыва, для обсуждения одного и того же предмета (по делу Фотия); он постановил 47 правил. Второй (в 879 г). назван у нас бывшим в храме Премудрости Слова Божия (т.е. в Софийском): он происходил также по делу Фотия и постановил 3 правила. Римская Церковь не признает этих Соборов.

Среди памятников законодательства вселенской Церкви указаны (см. выше) *правила*, известные под именем св. Апостолов. Хотя они и носят такое название, их составителями нельзя признать самих св. Апостолов. Это видно из содержания многих правил, а именно: а) в них упоминается о таких церковных должностях и порядках, существование которых нельзя предполагать во времена Апостолов (напр., об иподиаконах, чтецах, певцах, о главных в областях епископах, о двукратных в году Соборах); б) некоторые правила не были известны в Церкви во 2-м и 3-м веках, что не могло бы быть, если бы эти правила принадлежали Апостолам (так, во 2-м веке не было бы места продолжительному и горячему спору о Пасхе между Мало-азийскими и Западными Церквами, если бы эти правила были известны Церквам, — или, по крайней мере, одна из спорящих сторон сделала бы тогда ссылку на них. Папа Виктор сослался только на предание предшественников, а не на апостольское правило (7-е). то же самое необходимо сказать и о споре относительно еретического крещения, бывшем в 3-м веке, — споре, который мог бы быть разрешен 46 правилом Апостолов); в) сборник этих правил не помещен в список апостольских писаний в 85-м правиле самого этого сборника (да и само это правило очевидно не принадлежит Апостолам). Наконец, г) Трулльский Собор, утвердивший их значение в Церкви, называет их только *преданным именем Апостолов*. Но несомненно, что они весьма древни, во всяком случае, существовали до 1-го вселенского Собора. Можно заметить, что этот Собор имел их в виду, делая некоторые из своих постановлений (напр., 15 пр.; сравни Апост. 14 и 15). Поместный же Антиохийский Собор (341 г). явно заимствует свои правила из Апостольских правил, распространяя их редакцию, и даже следует им в порядке расположения предметов. Сам подбор Апостольских правил показывает, что их список создавался не

за один раз и не одним лицом, а слагался постепенно, либо заимствовался из различных сборников (в них, напр., встречаются повторения одних и тех же правил с незначительными расхождениями). Полагают, что одни из правил действительно представляют предания Апостолов и установления, идущие от апостольского века и сохранившиеся в жизни, в обычаях различных частных Церквей; другие же представляют собой постановления разных поместных Соборов в первые 3 века, основанные на этих преданиях. Стало быть, в полном своем объеме Апостольские правила выражают собой практику церковной жизни до 4 века.

Первоначальные сборники правил св. Апостолов заключали в себе неодинаковое число этих правил,— одни 50, другие 85. В конце 5 века римский аббат *Дионисий малый* сделал их перевод с греческого языка на латинский по первому списку, т.е. числом 50, и поместил в своем сборнике церковных постановлений. В таком количестве и принимает их римская Церковь. Восточная Церковь принимает их в количестве 85-ти, как указано и Трулльским Собором.

Примечание. Апостольские правила не нужно смешивать с так называемыми *Апостольскими постановлениями* (διατάξεις τῶν Ἀποστόλων).

В 85 правиле Апостолов они приписаны св. Клименту папе римскому, ученику Апостолов, и отнесены к числу книг весьма чтимых. Кто был их составителем — неизвестно, несомненно только, что они не принадлежат св. Клименту, и что в целом они принадлежат не одному писателю, а представляют собой сборник разновременных сочинений: сперва одна их часть называлась “учения Апостолов,” а другая — “постановления Апостолов.” На основании их содержания и свидетельства церковных писателей 4-го века, следует признать, что они появились ранее 4-го века, но не ранее 3-го века. В Восточной Церкви, где апостольские постановления, вероятно, и составлены, они сперва пользовались постоянной известностью и уважением, служили руководством в церковной практике, имели значение законодательного памятника. Но впоследствии в это сочинение, как сказал Трулльский Собор, “иномыслящие, ко вреду Церкви, привнесли нечто подложное и и чуждое благочестию,” вследствие чего этот Собор “благорассмотрительно отложил оные ради назидания и ограждения христианской паствы, отнюдь не допуская порождения еретического лжесловесия и не вмешивая их в чистое и совершенное апостольское учение” (пр. 2). Впрочем, апостольские постановления имеют важное значение в истории церковного права, так как в них содержится богатый материал для ознакомления с жизнью и практикой Церкви первых 3 веков.

В нашей кормчей книге (I ч. гл 2—4) извлечено из апост. постановлений 36 правил, под именем правил Апостола Павла и вообще — Апостолов.

Для частных Церквей обязательную силу церковных законов имеют: а) постановления их поместных Соборов, представляющих собой власть поместной Церкви; б) правила, исходящие от правительственных церковных властей, существующие для всей поместной Церкви (напр., Патриархов, Экзархов автономных Церквей).

Всем законам, установленным законодательной властью вселенской Церкви, присвоено название *канонов* (κανόν — прямая линейка, правило). Утвердив полный их состав, Церковь признала их неизменным своим уставом и оградила их неприкосновенность своим законом.

Шестой вселенский Собор (Трулльский) в своем 2 правиле говорит: “прекрасным и крайнего тщания достойным признал сей св. Собор, чтобы отныне тверды и ненарушимы пребывали нам преданные именем св. Апостолов 85 правил,” — и затем он перечисляет

правила предшествовавших вселенских Соборов, некоторых поместных Соборов и св. Отцов. Далее, он говорит: “никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменять или отменять (по буквальному переводу — подделывать и отвергать), или кроме предложенных правил принимать другие, с подложными надписаниями” и пр. То же, только в общих выражениях, повторил и 7 вселенский Собор (в 1 правиле): “божественные правила с услаждением приемлем и всецелое и непоколебимое содержим постановление сих правил, изложенных от св. Апостолов, и от шести вселенских Соборов и поместно собиравшихся для издания таковых заповедей, и от св. Отцов наших.”

Но такие постановления относятся к частным членам Церкви и к отдельным ее властям, ограничивая их произвол по отношению к канонам, запрещая подделку, подлог или извращение установленных Церковью правил; потому что в наказание за это определяют те же епитимьи, которые полагаются за преступления, обозначенные в извращаемом правиле. Что же касается самой Церкви, то ей несомненно всегда принадлежит право изменять и отменять законным порядком в своих правилах то, что она найдет требующим изменения. Это право неразрывно связано с существом законодательной власти, присущей Церкви. В содержании канонов необходимо отличать основные правила церковного устройства и дух управления от тех правил, которые, очевидно, относятся к его внешним историческим формам, к временным и местным условиям церковной жизни, — отличать общие правила от частных, от применения первых к временным потребностям Церкви, вызываемым известными ее обстоятельствами. Оставляя в них неприкосновенными основные церковно-правовые нормы и принимая их за руководящее начало, Церковь видоизменяла или совершенно отменяла в канонах то, что имело частный, временный характер и не соответствовало в данное время ее нуждам, было неприменимо к ее обстоятельствам. Потому значительная часть канонов или совсем утратила свою силу в действующем церковном праве, или изменилась.

Таковы, напр., каноны о созыве ежегодных областных Соборов, об областной системе церковного управления, о порядке назначения епископов (Ант. 19), о суде над епископами, пресвитерами и диаконами (Карфаг. 12, 29), о возрасте назначаемых в пресвитеры и диаконы (Неокес. II ; Каро. 22), и др.

Церковные обычаи.

В первые времена христианской Церкви многие церковные обычаи имели самую тесную связь с апостольским церковным преданием, выражали его в себе и укрепляли собою в Церковной жизни. Само собой разумеется, что происходящие из такого источника обычаи имели в церковном праве одинаковое с преданием значение.

Но в Церкви, как в первые века, так и в последующие времена в особенности, были и бывают еще и такие обычаи, в основании которых лежит одно лишь убеждение большей или меньшей части христиан в том, что все, соблюдаемое этими обычаями, есть право. Убеждение это выражается в долговременном соблюдении чего-либо не определенного положительным законодательством или не указанного преданием.

Уважение к обычаю мы встречаем и в свящ. Писании (Коринф. 11:16). Законодательство древней Церкви также с уважением относилось к обычаям, если разделяло убеждение в их справедливости и целесообразности, или, по крайней мере, не видела в них противоречия ее духу и основным ее правилам. Древность обычая, как досточтимая седина, внушала к нему особенное благоговение (Васил. Вел. 92 пр.). Такое уважение вырази-

лось в том, что Соборы подтверждали многие обычаи своими правилами, или основывали на обычаях свои постановления.

Так, напр., на основании древнего обычая 1-й вселенский Собор подтверждает преимущества епископов Рима, Александрии, Иерусалима, (прав. 6 и 7); осуждая некоторый беспорядок, допущенный в иных Церквах; тот же Собор замечает, что он не основан ни на правиле, ни на обычае (пр. 18); 2-й вселенский Собор, говоря о порядке управления в некоторых Церквах, предписывает им следовать соблюдавшемуся до ныне обыкновению Отцов (пр. 2).

Трульский Собор вообще замечает, что “богоносные Отцы наши разсудили, да будут соблюдаемы обычаи каждой Церкви” (Прав. 39). Впрочем, различая обычаи согласные с христианскими правилами, сообразные с духом Церкви, и обычаи противоречащие им, Церковь строго возбраняла последние, не взирая на их древность (Трул. 33, 62, 65 и др.).

И в действующем церковном праве церковные обычаи должны иметь значение, когда они являются толкователями законов, или восполняют их, определяя такие частные случаи, которые не определены положительным законом (*consuetudo secundum leges, praeter leges*). Бывают в Церкви, однако, и такие обычаи, которые входят в некоторое противоречие к положительному закону, ослабляют его силу, даже вытесняют его из употребления (*contra leges*). Они возникают вследствие осознания их необходимости и полезности для Церкви, коль скоро закон признается неприменимым к изменившимся условиям жизни и нецелесообразным. Такого рода обычаи не могут не приниматься во внимание, когда церковная власть, не возводя их в закон, придаст им силу своим согласием, либо допущением. Во всяком случае, никакой обычай не может иметь места в церковном праве, если он противоречит истинам религии, основным принципам церковного управления, не основан на справедливости; иначе он будет только старым заблуждением.

По обширности своего действия или распространенности, обычаи бывают общие, относящиеся ко всей поместной Церкви, и частные, действующие в какой-либо одной ее части. Большая или меньшая распространенность, а также давность известного обычая, придает ему больший или меньший авторитет.

Государственные законы относительно Церкви.

Значение государственных законов в церковном праве имеет тесную связь с положением, которое занимает Церковь в государстве, с их взаимными отношениями. Вообще же, православная Церковь признает обязательными для себя государственные законы страны, когда они относятся к той внешней, человеческой стороне церковного устройства и управления, к которой Церковь соприкасается с государственным устройством, и когда эти законы не противоречат существенным целям Церкви, ее внутренним богодарованным правилам, ее свободному распоряжению своими духовными средствами.

Для истории права православной восточной Церкви важное значение имеет законодательство христианских греко-римских и византийских императоров. С 4-го века, когда христианская Церковь вошла в мирный союз с государством, греко-римские христианские императоры принимали близкое участие в церковных делах. С одной стороны они, устраивая государственный быт по духу и правилам христианской веры, придавали церковным постановлениям силу государственных законов; с другой стороны, издавали от себя, в согласии с церковной властью, различные законы относительно внешнего благосостояния и внутреннего благоустройства Церкви. Церковь не только не отказывала госу-

дарственной власти в таком участии, но и обращалась к ее защите, покровительству, содействию (напр., Карфаг. 104); впрочем, она также устанавливала, и своими законами ограничила границы вмешательства светской власти в церковные дела.

Принятые Церковью законоположения государственной власти (по греч. νομοί) становились, наряду с церковными канонами, источником церковного права. Соединение тех и других получило название *Номоканона*.

Важнейшими памятниками христианского, греко-римского и византийского законодательства о Церкви служат: а) кодекс императора Феодосия 2-го (438 г.), в котором собрана большая часть постановлений предшествующих императоров по церковным делам; — б) законы императора Юстиниана Великого, принимавшего в церковных делах особенно живое участие. В его кодексе (529 г.), в первых 13-ти титулах 1-й книги, помещены законоположения императоров (после Феодосия 2-го), относящиеся к Церкви. Многие его новеллы (до 28) также касаются исключительно церковных дел; — в) обширный кодекс, известный под названием базилик; в нем первые 4 книги содержат законы о Церкви; — г) руководство к законам (*πρόχειρον τῶν νομῶν*) императора Василия Македонянина (изд. 870); в нем до 13-ти титулов (из 40) касаются церковных дел; — д) Эклоги императоров Льва и Константина.

Толкователи канонов.

К источникам церковного права можно, до некоторой степени, отнести толкования церковных канонов, получившие авторитет через постоянное употребление их в церковной практике. Таким авторитетом в православной Церкви пользуются объяснения канонов, составленные законооведами греческой Церкви (12 века): Зонарой, Аристом и Вальсамоном.

Иоанн Зонара — сперва вельможа византийского двора, потом Афонский монах. Толкования его на все каноны (изд. В 1120 г.) ограничиваются указанием на прямой и ближайший смысл правил; весьма редко обращаются к гражданским законам.

Алексий Аристен, диакон и эконо́м константинопольской Церкви, написал (1160г.) толкования на сокращенное изложение церковных правил (синопсис). Эти толкования весьма кратки, иногда только перефразируют текст правил, или объясняют их грамматический смысл; иногда же ограничиваются замечанием, что правило ясно само по себе. Этот труд Аристена был в широком употреблении в русской Церкви (помещены в кормчей).

Федор Вальсамон был Антиохийский Патриарх и знаменитейший из законоведов греческой Церкви. Кроме многих канонических сочинений, он оставил (1192) комментарий на полный свод церковных правил (Фотиев Номоканон). Его толкования обширны и подробны; местами дополняются разрешением вопросов практического свойства. Главная цель этого труда — разъяснить темные места канонов, указать и устранить встречающиеся между ними разночтения и противоречия с государственными постановлениями. Кроме того, он исправил в Фотиевом Номоканоне ссылки на государственные законы, согласно их новым сводам (по Базилика́м) и дополнениям.

Сборники канонов и номоканоны греческой Церкви.

Списки соборных постановлений обыкновенно уносились присутствовавшими на Соборах епископами, или рассылались по Церквам (Карф. 1 пр.). Постановления позднейших Соборов присоединялись к прежним; таким образом составлялись сборники кано-

нов. Сперва они не могли быть полны и одинаковы по своему составу, пока Трулльский Собор не указал и не утвердил полного состава канонов, которые должны быть приняты к руководству всеми Церквами. По мере накопления государственных законов, относящихся к Церкви, оказалось необходимым, для практического руководства ими, свести и сопоставить их с канонами, — составить *номоканоны*.

Первым составителем номоканона в восточной Церкви считается *Иоанн Схоластик*, — сперва юристконсульт, потом пресвитер в Антиохии, наконец, Патриарх Константинопольский (578 г.). Он составил два сборника церковных законов. Первый, под заглавием: *собрания канонов* (συναγωγή τῶν κανόνων) включает в себе правила (85) св. Апостолов, правила первых 4-х вселенских; 6 поместных Соборов и правила (68) св. Василия Великого. Все эти каноны расположены не по порядку Соборов, а по предметам правил или по сходству их содержания, для удобства их практического употребления. Весь их состав разделен на 50 разделов или титулов. Другой сборник, под названием *свод государственных законов* относительно Церкви (συλλογή τῶν νόμων), разделенный на 87 глав, представляет из себя извлечение из Юстиниановых новелл, касающихся церковных дел.

Сборники Схоластика вскоре подверглись переделке (неиз. лицом), были соединены вместе (с заменой канонов одними их цитатами), и в таком виде были долгое время в употреблении в восточной Церкви. После И. Схоластика появились новые, более полные сборники канонов и церковно-гражданских законов. Особенной известностью стал пользоваться Номоканон под названием: *Синтагма в 14 титулов*, — первоначально составленный неизвестным лицом в начале 7-го века; обработанный и дополненный в конце 9-го века позднейшими законами, он получил название *Фотиева Номоканона*.

В этом Номоканоне сперва указаны, в одних цитатах, каноны и церковно-гражданские законы, расположенные в систематическом порядке и разделенные на 14 разделов или титулов (с подразделениями на главы); потом приведены (в хронологическом порядке) все каноны; далее представлены извлечения из Юстиниановых законов, относящиеся к церковным делам. Он подвергался дополнениям и в последующие времена.

Заслуживают еще внимания сборники 14-го века Матфея Властаря и Константина Арменопуло. Монах *М. Властарь* составил Синтагму, или Свод церковных законов, в виде алфавитного энциклопедического словаря; вместе с изложением канонических постановлений, он приводит извлечения из государственных законов, касающихся излагаемого предмета. *К. Арменопуло* составил сокращение канонов, расположенных по темам в 6-ти отделах. Оно составляет одну из 6-ти частей его сочинения: *Руководство к законам*. Указанные сборники были в употреблении и в России.

Особые источники Права и его сборники в русской Церкви.

Каноны вселенской Церкви перешли в Россию из Греции вместе с христианством, также как и церковно-гражданские постановления византийской империи. Те и другие приходили в Россию через Номоканоны греческой Церкви, в переводе на славянский язык (переводы заимствовались из Болгарии, частично же делались в России). Эти Номоканоны послужили основанием для сборника церковного права в России, получившему название *Кормчей книги* (т.е. книги церк. управления).

Но кроме того, что было взято из греч. номоканонов, в славянских Кормчих книгах помещались еще чисто гражданские постановления, взятые из византийских сборников (напр., судный закон и Прохирон имп. Василия Макед.): конечно, это делалось для ознакомления правит. власти новопросвещенных христианством народов с византийской гражданственностью, начала которой вводились в стране вместе с христианством. В русские Кормчии иногда вносились Уставы великих князей, касающиеся церк. дел (напр., Уставы Владимира и Ярослава) и разные статьи канонического и литургического характера, заимствованные из греч. Церкви, также — и русского происхождения.

Первоначально Кормчие книги были довольно разнообразны по своему составу; вообще же, с 13 века, для всех их списков стали служить прототипами две редакции Кормчих книг, — так называемая *рязанская* (или *иосифовская*, написанная в конце 13-го века, для рязанского епископа Иосифа) и *софийская* (*новгородская*, сделанная для новгород. архиепископа Климента, в конце 13 века, и положенная им в Софийском соборе).

Митрополиту Кириллу 2-му, по его просьбе, была (1262 г). передана от деспота Якова Святислава сербская славянская Кормчая (перевод греч. номоканона и других добавлений к нему, сделанный сербским архиепископом Саввой); рязанская Кормчая есть список с этой Кормчей митроп. Кирилла. В ней каноны приведены в сокращении, по Аристену, с его толкованиями. В софийской Кормчей, — кроме того, что взято из Кормчей Митр. Кирилла (сербской), — помещены статьи русского происхождения: уставы Владимира и Ярослава, Русская Правда, правила Владимирского Собора и др.): каноны приведены не в сокращенном, а в полном их тексте, по древнему переводу номоканона, первоначально бывшего в России (вероятно, перевод этот был сделан в России при Ярославе). Позднейшие списки Кормчих подходят под одну из указанных двух Кормчих. Впрочем, появлялись еще и так называемые *сводные* Кормчие, заимствовавшие статьи из разных других списков Кормчей.

В 17 веке, при патр. Иосифе, было сделано первое печатное издание Кормчей (1650г.). Основанием для него послужил рязанский список (с опущением некоторых статей и с добавлением других). При патр. Никоне (1652г.) оно было подвергнуто соборному пересмотру и напечатано в исправленном виде. Впоследствии, в конце 18-го века (1787г.), Кормчая вновь была слегка исправлена и напечатана. С этого последнего издания делались и все последующие.

По последнему своему изданию, Кормчая книга состоит из двух частей. В первой части, после нескольких исторических статей (напр., о поставлении в России первых Патриархов и о Соборах), помещены: извлечения из книги апостольских Постановлений, затем Правила св. Апостолов, вселенских и поместных Соборов и св. Отцов; все в сокращении, с толкованиями Аристена и, кое где, — Зонары. Всего в ней 41 глава.

Содержанием второй части служит, главным образом, византийское государственное законодательство, как церковное, так и чисто гражданское. Так, в ней помещены: Юстиниановы церковные законы (из номоканона Иоанна Схоластика и выдержки из Фотиева Номоканона); законы о браках и обручении, под именем царей Леона Премудрого и Константина “верною царю,” (эклоги); прохирон Василия Македонянина, под названием *закона градского*; три новеллы Алексея Комнина, законы под именем “закона судного людем” царя Константина Великого (переделка эклоги Льва Исавр. и Константина Копрони-ма). Кроме того, во второй части помещены: “о тайне супружества” (составленная на основании греческих канонистов) и о незаконных браках (постановления греческих патриархов); затем, — еще несколько статей, касающихся церковной дисциплины, богослуже-

ния, и т.п., и принадлежащих греческим патриархам и церковным учителям, частично же имеющих русское происхождение (напр., из сочинений Кирилла Туровского). Всего во 2-й части 29 глав. Счет глав идет общий с 1-й частью. — Заключительную статью в Кормчей представляет подложная грамота Константина Великого к Папе Сильвестру (дарственный акт) и рассказ о “римском отпадении.” К каждой части приложен предметный указатель в алфавитном порядке. Вторая часть Кормчей книги теряла значение источника действующего права по мере развития самостоятельного церковного законодательства в России.

Кроме Кормчей книги, многие канонические правила помещались в богослужебных книгах (уставах, служебниках, требниках) и в различных сборниках, довольно многочисленных и разнообразных по содержанию.

В русской Церкви развивалось и самостоятельное законодательство, через ее поместные Соборы. Из множества Соборов, издававших общие постановления для русской Церкви, наиболее заметными были: а) Владимирский Собор, созванный в 1274 г. Митрополитом Кириллом 2-м по случаю замеченных им многих неурядиц в церковной жизни после татарского погрома. — б) Московский Собор, названный *Стоглавым*, созванный при Иоанне 4-м в 1551 г. для исправления различных церковных неурядиц. Постановления его чрезвычайно разнообразны (разделение их на сто глав дало название Собору). — в) Московские Соборы 1667 г., 1675 г. и 1681 г., установившие многие правила церковного управления и благоустройства. На первом из них, между прочим, было наложено проклятие на упорных противников церковной власти — неразумных ревнителей мнимой старины (раскольников-старообрядцев) и отменены некоторые постановления Стоглавого Собора, служившие опорой старообрядческих заблуждений (о крестном знамении, о брадобритии и др.). Постановления других упомянутых русских Соборов имеют в настоящее время только историческое значение; но, несомненно, они оказывали влияние на последующее церковное законодательство и на действующее право.

С учреждением Св. Синода, заменившего собой не только патриархов, но и поместные Соборы русской церкви, его определения стали одним из источников действующего права русской Церкви.

К историческим памятникам русского церк. права принадлежат также постановления и решения различных церк. вопросов, изложенные некоторыми иерархами русской Церкви.

Из древних памятников заслуживают особого внимания следующие: церковное правило всероссийского Митрополита Иоанна 2-го (1080 г.), написанное в ответ на вопросы некоего черноризца Иакова (Было внесено в Софийскую Кормчую.); б) ответы новгородского владыки Нифонта на вопросы некоего инока Кирика (12 века).

Византийскими государственными законами относительно Церкви, перенесенными в Россию через Номоканон, руководствовались в начале и русские Государя в определении прав и ведомства русской Церкви; но при этом принимались во внимание особые потребности русского общества и Церкви, которых не было в Византии. Первыми памятниками законодательства русских В. Князей, касающегося Церкви, служат: а) церковный Устав св. Владимира; содержание его касается великокняжеской десятины, данной Церкви, и церковного суда (указываются лица, подлежащие церковному суду, и дела, изъятые из ведомства светского суда); б) Устав Ярослава, подтверждающий и раскрывающий Устав Владимира. По их примеру и образцу некоторыми удельными князьями давались местные Уставы и грамоты.

Во все последующие времена русская государственная власть, покровительствуя православной Церкви, принимала близкое участие в церк. делах и в своих законах заботилась как об ограждении ее внешнего благополучия, так и о ее внутреннем благоустройстве, причем всегда действовала в согласии с канонами вселенской Церкви и с правит. церковной властью. Поэтому исторические памятники государственного законодательства могут служить такими же памятниками и для церковного права.

К этим памятникам принадлежат: а) Судебники Иоанна III (1497 г.) и Иоанна IV (1551 г.), заключающие в себе несколько статей, касающихся церковного суда; б) Уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.), в котором некоторые главы касаются церк. благочестия, церк. властей, суда над духовными лицами и др.; в) отдельные указы, дополнительные к этим постановлениям, а также множество различных грамот, дававшихся разным церковным учреждениям и властям; наконец, г) все позднейшие многочисленные законы, относящиеся к церк. делам, данные Верховной Властью (большая их часть помещена в Полн. Собр. Законов).

Практическими источниками действующего в русской Церкви права служат:

1) Закон Божий, предложенный в св. Писании.

2) *Каноны или правила св. Апостолов, св. вселенских и поместных Соборов, и св. Отцов.* Их сборник, заключающийся в первой части Кормчей книги, издается ныне (с 1839 г.) в полном, а не сокращенном (как было в Кормчей книге) тексте, но без толкования. В конце сборника приложен алфавитный предметный указатель.

3) *Духовный регламент.* Он составлен по поручению императора Петра I особой комиссией, главным образом известным архиепископом Феофаном Прокоповичем, рассмотрен и подписан духовными властями и сенаторами, утвержден Государем в 1720 г. и дан в руководство новоучрежденному тогда Св. Синоду. В регламенте три части: 1) о причинах учреждения Св. Синода; 2) о делах, подлежащих управлению Св. Синодом; 3) о должностях духовных правителей. По своему характеру он представляет из себя не столько собрание законов по делам Церкви, сколько инструкцию для нового церковного правительства и для церковных властей.

4) *Последовавшие за дух. регламентом Высочайшие указы и определения Св. Синода;* а также особые уставы, специально касающиеся отдельных частей церковного управления, и отдельные положения. Главное место среди этих уставов принадлежит *Уставу Духовных Консисторий*, как систематическому своду законов по предметам епархиального управления. В 1841 г. он был Высочайше утвержден, а в 1883 г. был пересмотрен, согласован с последовавшими по его составлению законами и, таким образом исправленный, введен в действие по Высочайшему повелению. В этом уставе, после нескольких общих положений о границах, органах и основаниях епархиального управления, указаны: а) предметы епархиального управления (православная вера, богослужение, благоустройство церквей, духовенство, приходы, церковное хозяйство); б) предметы епархиального суда (проступки и преступления духовных лиц, жалобы на них и спорные гражданские дела между ними, дела о браках, об удостоверении действительности события брака и рождения, о наложении эпитимий); в) устройство Консистории и делопроизводство в ней.

5) *Действующие в государстве законы,* в тех статьях, которые могут касаться церк. дел и церковного управления; в частности — Свод Законов Российской Империи.

Добавление.

Особенности учения об источниках церковного права в римско-католической Церкви и в протестантских общинах.

I. В римско-католической Церкви источниками церк. права, — кроме св. Писания, св. Предания, а также обычного права или церк. практики, — признаются каноны (за указанными выше исключениями), принятые восточной Церковью до времени отделения от нее западной. К ним присоединяются постановления других, бывших на западе (и одного на Востоке (В Константинополе, 869г., по случаю распри Патр. Фотия с Папами).

Соборов, из которых до 14-ти Соборов признаются в римско-католической Церкви за вселенские: Константинопольский (вышеуказанный); 4 Латеранские (1123, 1139, 1179, 1215 гг.); 2 Лионских (1245 и 1274 гг.); Венский (1311г.); Констанцский (1414г.); Базельский (1431г.); Флорентийский (1438г.); Латеранский пятый (1512г.); Тридентский (1545г.); Ватиканский (1869г.). Сверх того, все многочисленные, под различными наименованиями, постановления римских первосвященников, как Глав Церкви, признаются в ней одним из главных источников права для всей церкви.

Собрание церковных правил (сделанное сперва, в форме системы церк. права, монахом Грацианом в 12 в. и потом продолженное, по приказанию Пап (Григория IX (13в.), Бонифация VIII (13в.), Климента V (14в.)), присоединением последующих папских декретов) носит название *Congregatio juris canonici* и признается общеобязательным руководством церковного права.

Государственным законам страны римско-католической церковное право придает значение настолько, насколько они будут признаны обязательными церк. властью. Ввиду сохранения мирных отношений между Церковью и государством, в некоторых странах правительства заключали с Папой соглашения или договоры (*конкордаты*), в которых определялись отношения Церкви к государству и участие государственной власти в церк. делах. Такие соглашения также принадлежат к основаниям местного церковного права.

II. Протестантские общины предоставляют государств. власти страны устанавливать церковно-правовые нормы на основании тех начал, которые указаны в новозав. свящ. Писании и изложены в протестантских символических книгах (т.е. в сочинениях, представляющих главные вероисповедные положения, как бы символы вероучения. Таковы: Аугсбургское исповедание, его Апология, Шмалькальденские члены и др.; также — Катехизисы. Таким образом, кроме св. Писания (объяснение которого не ограничено церковным авторитетом) и этих символических книг, главным источником церковного права у протестантов служат, в общем, государств. законы страны, — в частности, уставы о протестантской церкви, данные светским правительством.

Примеч. Уставы церквей иностранных исповеданий помещены в XI томе Свода Законов.

Отдел II.

Устройство церковного управления.

Управление в древней вселенской Церкви.

Православная Церковь в своем управлении разделяется на большие или меньшие части (частные Церкви), которые все в совокупности составляют единую вселенскую Церковь. Рассмотрим историческое происхождение этих частей единой Церкви и управление ими, также как и всей вселенской Церкви.

Церковная иерархия, клир.

Основатель и Глава Церкви дал все духовные полномочия в ней Своим Апостолам (Иоанна 20:21), которые были ее первыми правителями. Когда она начала расширяться, Апостолы учредили в помощь своему служению должности сперва *диаконов* (διάκονος — служитель), потом *пресвитеров* (πρεσβύτερος — старейшина). Первым было вверено служение материальным нуждам христианской общины — распоряжение ее благотворительной кассой и раздача пособий бедным; поручено было также служение при совершении таинств. Вторые получили *пастырскую* духовную власть, — должны были заботиться об удовлетворении духовных потребностей христиан учением, нравственным руководством и священнодействиями.

Но так как Церковь должна, по обещанию Христову, пребывать до скончания века, то и полнота правительственной власти, дарованная от Христа Апостолам, должна была не окончиться с их смертью, а оставаться в Церкви вечно. Поэтому, Апостолы передали избранным преемникам свои полномочия с тем, чтобы они продолжались в Церкви *преемственно* и неизменно. Этим лицам, получившим название епископов (ἐπίσκοπος- блюститель), Апостолы поручили высший надзор и управление (*архипастырство*) в основанных христианских общинах, — то, что Апостолы не могли всегда оставлять за собой лично, будучи обязанными распространять христианство во всем мире. В апостольские времена звания епископа и пресвитера не были строго разграничены, — и пресвитеры, как обязанные надзирать за христианским обществом, иногда назывались епископами (См. Деян. 20:17-28).

Так образовалась в первой Церкви *иерархия* (священноначалие). Призванные в нее лица составляли особый разряд членов Церкви, названный впоследствии *клиром* (κλήρος- жребий, доставшийся по жребию удел или доля. Название церковного служения жребием мы находим в св. Писании (Деян. 1:17-25). Прочие члены Церкви назывались *братией*, потом — *мирянами* (λαϊκοί — принадлежащий к народу). При учреждении в Церкви других низших должностей (чтецов, придверников и пр.), они также были причислены к клиру и составляли его низший разряд.

Таким образом, высшая в собственном смысле правительственная власть в Церкви поручена Апостолами епископам — их преемникам; другие же чины иерархии поставлены быть только помощниками епископа в церковном управлении; а прочие члены клира — служебными лицами.

Епископ и его округ.

Каждая христианская община, имевшая своего епископа, представляла собой особую частную Церковь. Ее составлял обычно город с принадлежащими к нему селами, которые получили от него христианство. Впрочем, некоторые христианские общины образовывались и в селах, независимо от своих городов, и имели своих епископов, или *хорепископов*.

Первоначально каждый епископ был самостоятелен в управлении своей частной Церковью (О правах и власти епископа будет сказано при рассмотрении действующего права, так как эта должность в Церкви постоянна.) но впоследствии, для объединения сельских Церквей с городскими, в соответствии с зависимостью сел от городов в административном отношении, церк. законы упразднили независимость хореепископов, подчинив их епископам окружных городов, и, наконец, совершенно упразднили епископов в селах, заменив их уполномоченными пресвитерами городских епископов. И не только в селах, но и в малых городах правилами Церкви было запрещено ставить отдельных епископов, чтобы звание епископа не унижалось незначительностью управляемого им округа (Сард. 6).

Епископские округа получили позднее название епархий (Апост. 34). Это название заимствовано от административного деления римской империи (от Константина Великого).

Имея высшую духовную власть в своей епархии, епископ не имел права в непринадлежащей ему области распоряжаться церковными делами без разрешения ее собственного епископа, или без особого поручения от высшей церковной власти; в противном случае его распоряжения считались недействительными (Апост. 35; I вселенск. 15 и др.). Также как епископ, представляющий собой единство Церкви и полноту церковной власти, был один для каждой частной Церкви, так и состоящий при нем клир был сперва общим для всей епархии епископа. Но потом, с увеличением числа христиан, в епархиях стали образовываться меньшие их части или общины, которые получили от своего епископа, из состоящего при нем клира, своих пресвитеров и других низших чинов клира (церковный причет). Такие части епархии назывались *приходами*; этим наименованием в административном отношении назывались части епархии (уезды).

Митрополит и его округ.

Через своего епископа каждая частная Церковь поддерживала единство с прочими частями единой вселенской Церкви и вступала с ними в связь. По примеру апостольского Собора, епископы нескольких соседних епархий собирались для взаимных советов и составляли общие определения по церковным делам. Посредством таких собраний из нескольких епископских областей образовались особые крупные части Церкви, как бы округа. Центрами этих округов и местами Соборов были главные города в различных частях империи, которые не только в политическом, но и в церковном отношении имели большее значение, как *матери* для других *городов* при распространении христианства, или *митрополии*. Епископы этих городов — митрополий пользовались большим уважением перед остальными епископами менее важных городов одного и того же округа, были среди них первыми, или архиепископами, и председательствовали на Соборах. С 4-го века в восточных Церквах им было присвоено наименование *митрополитов*. В некоторых странах епископы, имевшие значение митрополитов, назывались *примасами*.

К авторитету, которым пользовались митрополиты по значению своих городов, Церковь присоединяла и власть, чтобы упрочить союз отдельных Церквей и укрепить единство церковного управления. Так, митрополитам было предоставлено право не только созыва областных Соборов и председательства на них, но и высшего надзора за церковными делами их округов; епархиальные епископы должны были считать своего митрополита своим главой и не имели права предпринимать без него ничего важного, превышающего их власть. (Апост. 34; Ант. 9). Он заботился о замещении вакантных епископских мест (4 всел. 25); утверждал избрание епископов (1 всел. 4; Лаод. 12) и ставил их на должность с

епископами своего округа (4 всел. 28); поставленный в епископы без разрешения митрополита не должен был оставаться епископом (1 всел. 6). С его разрешения и с его грамотой епископ мог отправляться в путешествие вне пределов митрополии (Карф. 32). Митрополит принимал апелляции на суд епископа от его клира (Карф. 37 и 139) и обвинения на него (Карф. 28). Окружные епископы обязаны были помянуть при священнослужениях имя своего митрополита, в знак их общения с ним (Двукр. 14). Но власть митрополита была ограничена местным Собором его округа (Апост. 34; Ант 9). До учреждения патриаршества, митрополит ставился Собором епископов округа (Сард. 6) и мог быть судим таким же Собором вместе с соседствующими митрополитами (3 всел. 1).

Некоторым епископам давался иногда титул митрополита без власти. Пользуясь правом чести, они должны были в порядке церковного управления подчиняться тому митрополиту, к округу которого принадлежали их епархии; напр., епископ иерусалимский, до возведения своего в патриаршеское достоинство, был в зависимости от кесарийского митрополита (1 вел. 7).

Патриарх и его округ.

Уже в первые три столетия некоторые из митрополитов обладали большим авторитетом и влиянием в Церкви, в соответствии со значением своих городов; таковы были митрополиты Рима, Александрии и Антиохии Сирийской. Эти города в политическом отношении были главными в империи. С точки зрения распространения христианства их Церкви были материнскими для многочисленных Церквей востока, юга, запада; округа их митрополитов были обширнее других. Притом, эти города были по преимуществу *апостольскими кафедрами*, так как Апостолы особенно долго пребывали в них и трудились над утверждением христианства. После основания Константинополя, новой столицы империи, или нового Рима, его епископу дана не только власть митрополита, но и было предоставлено на 2-м вселенском Соборе (пр.3) преимущество чести и старшинства после римского епископа.

За этими первенствующими митрополитами, или, как их называли иногда, *эксархами* (начальниками) великих областей, церковные законы утвердили высшую власть над митрополитами нескольких округов; с 5 века (со времени Халкидонского Собора) им присвоено почетное название *патриархов* (начальники отцов). Римские патриархи чаще назывались именем папы (отца), присвоенного им народным обычаем.). К ним был присоединен, с таким же наименованием и властью, митрополит г. Иерусалима, принимая во внимание ту честь, которую имел в глазах христиан этот святой город, — мать всех Церквей в мире. Таким образом, относительно своего управления Церковь разделилась на *пять частей* или патриархатов, отчасти соответствовавших диоцезам Римской империи.

По постановлению Трулльского Собора (пр. 36), порядок патриарших кафедр, относительно старшинства, был следующий: первое место принадлежало римской кафедре, второе, равное с римской, константинопольской, третье — александрийской, четвертое — антиохийской, наконец, пятое — иерусалимской.

Некоторые из митрополитов, при этом разделении на патриархаты, сохранили независимое (*автокефальное*) положение от патриархов; напр. кипрский, миланский, аквилейский, грузинский и др. В последующие времена получали автокефальность части Церкви, входившие прежде в состав того или иного патриархата; напр., русская, сербская, Эллинская Церкви и др.

По правилам Церкви, патриархи поставлены в такое же положение по отношению к митрополитам своего патриархата, в каком находились последние по отношению к подчиненным им епископам. Они созывали Соборы из представителей всех частных Церквей своего округа и их митрополитов; эти Соборы имели, конечно, более высокое значение, чем Соборы округов митрополитов. Патриархам предоставлено право ставить митрополитов своего округа (4 всел. 28), принимать апелляции на них (4 всел. 9; Сард. 3, 4, 5) и судить их на своем Соборе. Вообще патриарх имел право высшего надзора в церковных делах своего патриархата и представлял собой высшую судебную инстанцию. Подчиненные патриарху митрополиты были обязаны при священнодействиях поминать его имя (Двукр. 15). Сам же патриарх утверждался в своей должности как императором, так и прочими патриархами, и, как высший духовный судья мог быть судим только Собором своего округа с участием других патриархов, но в своем управлении был независим от них (см. Карф. 37).

В силу различных исторических обстоятельств, патриархи Рима и Константинополя приобрели большее, по сравнению с прочими, значение в Церкви, и патриархаты их были несравненно обширнее. В 6-м веке патриарху Константинополя, как столицы вселенной, дано было название *вселенского*, то есть, высшего перед прочими патриархами, стоящего во главе их. Поротив этого титула сперва горячо возражали римские патриархи, особенно Григорий великий; он, в противоположность названию вселенского, называл себя рабом Божьих рабов (*servus servorum Dei*); но впоследствии папы стали и себе присваивать название вселенского епископа.

С учреждением патриаршества должны были укрепляться еще больше церковное единство и связь между поместными Церквями.

Соборное управление.

Хотя церковное управление и объединялось установлением власти сперва митрополитов, а потом патриархов, однако, это не только не ослабляло влияния первоначальной высшей церковно-правительственной власти, но, наоборот, упрочивало его и содействовало ему. Такая высшая власть в Церкви, как для отдельных ее частей, так и для нее в целом, заключалась в союзе властных функций всех епископов, в их совокупной и согласной деятельности в Церкви, иначе говоря, — в *едином епископстве*, в котором каждый из епископов всецело участвует (по выражению св. Киприана). Этот союз епископов в управлении Церковью с первых ее времен поддерживался через постоянные сношения по церковным делам между епископами частных Церквей. Самым же полным и ощутимым выражением союза и совокупной деятельности епископов в управлении Церковью были поместные и вселенские Соборы.

Поместные Соборы.

Поместными Соборами называются собрания предстоятелей нескольких частных Церквей. Уже с первых веков христианства поместные Соборы начали собираться для решения возникавших в Церкви споров, для осуждения лжеучений, для составления общих определений касающихся учения, богослужения, церковного управления, для избрания и возведения в должность епископов, вообще во всех тех случаях, когда дело касалось не одной частной Церкви, но нескольких. Потом, еще до 4-го века, они сделались постоянным учреждением в Церкви.

Апостольское правило (37) предписывало: “дважды в году да бывает Собор епископов и да разсуждают они друг с другом о догмах благочестия и да разрешают случающиеся церковные прекословия.” Сроком созыва Соборов оно назначило 4-ю неделю после Пасхи, и около середины Октября. Это же подтверждали и вселенские Соборы (1-й в 5 прав. и 4-й в 19), причем Никейский 1-й Собор изменил только время созыва Соборов, которое он назначил на осень, и на время перед четырьдесятницей, “да по прекращении всякого неудовольствия (т.е. через соборное разбирательство) чистый дар приносится Богу (разумеется говение).” Последующие вселенские Соборы разрешили собирать областные Соборы по поводу различных затруднений хотя бы раз в году, но настоятельно требовали, чтобы они были неотложно созываемы между праздником Пасхи и концом Октября (6 всел. 8; 7 всел. 6).

Тот начальник, на котором лежала обязанность созывать Соборы, за пренебрежение ею подлежал церковному наказанию. Право же и обязанность созывать поместные Соборы в округах митрополитов имел только сам митрополит, который мог также назначить место их проведения (Ант. 19, 20; 4 всел. 19; 7 всел. 6), а в патриарших округах — патриарх. Самим епископам, без митрополита, созывать Соборы не разрешалось (Ант. 20).

Членами Собора, как поместного, так и вселенского, с правом решающего голоса, могли быть только епископы, как представители частных Церквей, обладающие полнотой апостольской власти. Церковные правила требовали только их непременно присутствия на Соборах, ничего не упоминая о других лицах; следовательно, только за ними признавалось право решать на Соборах церковные дела (1 всел. 5; 4 всел. 19; Трулл. 8). Постановления Соборов издавались только от их имени (см., напр., Карф. 8, 59, 61, 64 и др. Сард. 1, 5, 9, 11 и др.); только они (епископы) или представляющие их лица подписывали соборные решения и таким образом давали им силу законов. Поэтому и сами Соборы назывались Соборами св. Отцов, правила их — правилами св. Отцов (иногда, с указанием присутствовавшего на Соборе числа этих Отцов, а именно, — числа епископов; см. 4 всел. 1, 28; Трулл. 1, 2 и мн. др.). Другие члены клира, как не имеющие правительственной власти в Церкви, если и допускались на Соборы, то с правом только совещательного, а не решающего голоса; они могли принимать участие в прениях с иномыслящими, оказывать епископам помощь в соборных совещаниях и т.п. (И на свое совещательное участие они получали особое позволение от присутствовавших епископов, а сами по себе на это права не имели. На 4-м вселенском Соборе, когда многие монахи, единомышленники еретиков, самовольно явились на Собор, все епископы воскликнули: “выгнать их отсюда! здесь Собор епископов.”); как показывает история Церкви, право решающего голоса они могли иметь лишь в том случае, если представляли собой уполномочившего их на то епископа, который лично не мог явиться на Собор. Для таких же совещаний приглашались иногда на Собор и мирские люди, напр., законоведы. Присутствие народа на Соборах, по крайней мере в первые века христианства, не возбранялось.

На окружных митрополичьих Соборах обязаны были присутствовать лично все епископы округа, так как эти Соборы должны были представлять всю поместную церковь и каждый из ее епископов должен был заботиться о ее благоустройстве. Притом, Собор давал каждому епископу много поучительного для управления Церковью: “епископам, на Собор призываемым, не подобает небрежи, но идти и вразумляти, или вразумлятися ко благоустроению Церкви и прочаго,” говорится в одном из канонов (Лаод. 40). Пренебрежение кем-либо из епископов своей обязанностью являться на Собор делало его виновным перед Собором (Лаод. 40, Карф. 88); такой епископ сам себя отчуждал от общения с

представителями других Церквей округа (Карф. 87). Только на большие Соборы, напр., патриаршие, первенствующие в округах епископы или митрополиты могли присылать двух или трех уполномоченных епископов своего округа Карф. 27).

Поместные Соборы были высшей законодательной и судебной властью для той поместной Церкви, которую они представляли. Они должны были охранять чистоту христианского учения (Апост. 37; 7 всел. 6); при появлении лжеучений они составляли вероопределения, на основании Слова Божия и предания, и произносили суд над лжеучителями. (См. Карф. 123-130. Гангр. 1,2,3,5,9,10 и др.). Они устанавливали для своей Церкви правила церковного благоустройства или принимали и делали для нее обязательными постановления других частных Церквей.

Вообще, областной Собор должен был заботиться о благоустройстве Церкви своего округа (2 всел. 2), разрешать всякие недоразумения (Ант. 20) и церковные распри (Апост. 37), исправлять в ней допущенные кем-либо погрешности (7 всел. 6). В частности, ему принадлежало право судить и наказывать епископов своего округа (Апост. 37; Ант. 4; 2 всел. 6), разбирать жалобы на них, тяжбы с ними кого-либо (1 всел. 5; Ант. 20; 4 всел. 9) и всякие споры между ними (4 всел. 17; Трулл. 25).

Относительно значения поместных Соборов общим правилом Церкви было то, что Соборы большие (напр., патриаршие) имели преимущество власти перед меньшими (напр., митрополичьими); таким образом, в некоторых случаях допускались апелляции на последние к первым (Ант. 12; 2 всел. 16), и первые могли исправлять постановления последних (Карф. 43).

О своих состоявшихся определениях Собор извещал другие поместные Церкви посредством соборных посланий.

Примечание. Правила о созыве ежегодных поместных Соборов впоследствии не исполнялись в частных Церквях из-за различных неудобств, или из-за отсутствия настоятельной необходимости. Это, однако, не изменило существенной для Церкви формы ее управления, т.е. соборной: по всем тем случаям, которые требовали соборных определений и решений властью Соборов, эти соборы созывались.

Вселенские Соборы.

Вселенскими Соборами называют собрания представителей всех, по возможности, частных Церквей со всей вселенной для решения церковных вопросов.

Название Собора вселенским не означает, впрочем, того, чтобы требовалось безусловное присутствие на нем всех без исключения епископов или их уполномоченных; из истории Церкви мы видим, что некоторые поместные Соборы были многочисленнее по числу своих участников. Характер вселенского Собор получает от того, что: 1) он вполне выражает собой единство вселенской Церкви, представляет ее власть и действует от ее имени. Поэтому, если невозможно бывает присутствие на вселенском Соборе всех епископов или уполномоченных, то безусловно необходимо присутствие на нем законных представителей главных частей Церкви, — патриаршеств и автокефальных Церквей; если невозможно участие в соборных совещаниях представителей всех частных православных Церквей, то во всяком случае требуется признание и принятие соборных постановлений большинством этих Церквей. Это признание может происходить не везде в одно время и не вдруг, но даже по истечении некоторого времени. В случае непризнания постановлений Собора местными Церквями, он теряет авторитет вселенского, как бы он ни был велик (пример: Флорентийский Собор). 2) Действия Собора, как органа вселенской Церкви, рас-

пространяются на всю вселенскую Церковь и на все стороны ее жизни. Таким образом, вселенские Соборы — а) исследовали вновь появившиеся в Церкви лжеучения, произносили над ними верховный окончательный суд, и, определяя истинный смысл св. Писания, а также отделяя подлинное св. предание от ложного, устанавливали неизменные правила веры (3 всел. 7; Труд. 1); причем суд Церкви, как верной хранительницы веры и истины, признавался непогрешимым и внушенным от Св. Духа. — б) Соборы эти издавали обязательные для вселенской Церкви законы, касающиеся ее управления, богослужения и священнодействий, дисциплины и проч., рассматривали действия и правила поместных Соборов и утверждали их, или отменяли. Правилам некоторых из них они давали вселенское значение (Трул. 3), имели право изменять, когда было нужно, даже постановления предшествовавших вселенских Соборов, как равная с ними власть. — в) Вселенскому Собору принадлежит право окончательного высшего духовного суда над всеми членами вселенской Церкви; он мог низлагать и подвергать церковным наказаниям самих патриархов. Например, 6-й вселенский Собор за монофелитскую ересь предал анафеме папу Гонория, даже отлучать от общения с вселенской Церковью поместные Церкви.

Как видимый внешний способ выражения церковной власти в государстве, вселенский Собор не может состояться без содействия верховной государственной власти, которая одна лишь может дать средства для его созыва, обеспечивать безопасность и порядок на заседаниях. Поэтому, в первые три века вселенских Соборов не могло быть, по причине враждебного отношения государства к Церкви: они стали собираться только с 4-го века, когда государство вступило в мирный союз с Церковью. История Церкви свидетельствует, что все вселенские Соборы были созваны христианскими императорами. Так, 1-й Собор в Никее был созван Константином Великим, 2-й Феодосием великим, 3-й Феодосием Младшим, 4-й Маркианом, 5-й Юстинианом Великим, 6-й Константином Погонатом и Юстинианом 2-м, 7-й Ириною и ее сыном. К императорам, как защитникам Церкви, обращались и высшие предстоятели Церквей с просьбой о созыве вселенского Собора, когда настоятельная потребность в этом возникала и осознавалась ими. Между тем, независимо от желаний и требования пастырей Церкви, государям давало право созывать вселенские Соборы уже одно то, что церковные распри провоцировали смуту в государстве и от мирного разрешения церковных вопросов авторитетом вселенского Собора часто зависело государственное спокойствие.

Императоры не только созывали вселенские (а иногда и поместные) Соборы, но и принимали деятельное участие в их заседаниях лично или через своих светских комиссаров. Оно заключалось в том, что императоры, как главы государства и блюстители церковного мира и благочинства, или, по выражению Константина Великого, как *епископы внешних дел церковных*, — а) следили за порядком и правильностью соборных совещаний, предлагали Собору вопросы, требующие рассмотрения и разрешения, вообще руководили внешней стороной дела; — б) утверждали своим согласием, а иногда и своей подписью соборные постановления, давали им силу законов империи и обнародовали их. Но право решающего голоса на Соборах в вопросах веры и во внутренних церковных делах за ними не признавалось: оно (как было сказано выше) принадлежало исключительно епископам. “Бог поставил вас пастырями Церкви; поэтому все, что относится к вере Христовой, вы должны рассматривать,” — говорил Константин Великий Отцам 1-го вселенского Собора. Также, на 4-м вселенском Соборе император Маркиан объявил Отцам Собора, что он захотел присутствовать на нем, по примеру благочестивого Константина, не для того, чтобы быть судьей веры, а дабы вера, Собором определенная, была тверда и безопасна, будучи

ограждена защитой царской власти. Утверждение государями соборных постановлений не было утверждением за ними канонического авторитета, а представляло собой только свидетельство перед народом со стороны верховной власти о законности Собора, признания за соборными правилами обязательной силы для государства, их принятия. Поэтому, деяния вселенских Соборов императоры подписывали не всегда; если же порой и ставили свою подпись, то либо после подписей епископов (напр. на актах 1 и 7 вселенских Соборов), либо с такой оговоркой: “non definiens, sed suscipiens et consentiens,” как подписал Юстиниан 2-й акты 6-го вселенского Собора.

С 8-го века, со времени 7-го вселенского Собора, не было вселенских Соборов, признанных православной Церковью. Их заменили собой взаимные сношения поместных православных Церквей по всем тем предметам, по которым прежде созывались вселенские Соборы. Эти сношения более доступны для Церквей, чем созыв вселенских Соборов, между тем как последнее, по различным политическим причинам, стало более затруднительным, чем в те времена, когда почти вся вселенская Церковь заключалась в пределах одной греко-римской империи.

Управление в русской Церкви.

Исторический обзор управления в русской Церкви.

Со времени введения христианства в России, русская Церковь являлась особым округом митрополита, принадлежавшим к константинопольскому патриархату. Во главе ее управления стоял *Киевский митрополит*, подчиненный царьградскому патриарху. Митрополиты присылались в Россию из Царьграда от патриарха, из числа греков; если же случалось (особенно с 13 века), что кандидаты на русскую митрополию избирались Собором из русских святителей и волею Великого Князя, то избранные ездили к патриарху за утверждением и посвящением.

В период зависимости русской Церкви от греческой история представляет два случая независимого от патриарха назначения митрополитов. При Великом Князе Ярославле (1051), после войны с греками, Бог “князю вложи в сердце” поставить митрополита из русских, Собором русских же святителей, и поставлен был *Илларион*, который, впрочем, испросил себе благословение патриарха. Потом, по случаю церковных смут в Византии и недовольства в России митрополитом Михаилом 2-м, Собором русских епископов был поставлен митрополитом *Климент Смолятич*, при Изяславе Мстиславиче (1147 г.). Последний случай был причиной многих пререканий и церковной смуты в России.

Впрочем, зависимость русского митрополита от патриарха почти только этими и ограничивалась, да еще отправлением патриарху особой дани; вследствие независимости России и ее отдаленности от Византии, русская Церковь была свободна от вмешательства патриарха в ее внутренние дела. Со времени покорения России монголами митрополиты должны были являться к ханам за утверждением в своем сане.

После разорения Киева татарами, кафедра митрополитов была перенесена сперва во Владимир, — город Великого Князя (в 1299 г. при митрополите Максиме), а затем, при св. Петре, в Москву (1325 г.), хотя митрополиты сохраняли свой прежний титул *Киевского и всея России*. Это переселение митрополитов в Москву, сильно содействовавшее ее возвышению и объединению раздробленной России, возбудило недовольство в Польше и Литве, овладевших землями юго-западной России, и привело к разделению одной русской

митрополии на две. По настоянию польских королей (Казимира) и литовских князей (Ольгерда и особенно — Витовта) в 14-м и 15-м веках, патриархи временно ставили в юго-западных русских областях особых митрополитов, так что на Руси появлялись в одно и то же время по два и даже по три митрополита, отчего в русской Церкви происходила великая смута. Однако, не желая окончательного разделения в управлении русской Церкви, патриархи все-таки старались, после такой своей временной уступки, снова объединить ее под властью одного митрополита (Московского). Наконец, в 1458 году литовским князьям удалось окончательно отделить свои русские владения от московской митрополии и утвердить в них особого *Киевского* митрополита, который также находился в зависимости от цареградского патриарха, до времени подчинения киевской митрополии всероссийскому патриарху в 1689 году (после присоединения Малороссии к России).

Между тем, примерно в то же время московская митрополия стала автокефальной, независимой от цареградского патриарха. По причине затруднений в сношениях с Константинополем, осажденным турками, неблагоприятных слухов о верности патриархов православию (после Флорентийской унии), Собором русских иерархов 1448 г. был избран и поставлен в митрополиты, без сношения с патриархом, св. Иона. Также ставились и все последующие русские митрополиты. Таким образом, русская Церковь, не разрывая союза с греческой, сделалась вполне самостоятельной; на такое ее положение были вынуждены согласиться и восточные патриархи; русский митрополит был ими поставлен, в иерархическом порядке, первым после иерусалимского патриарха.

В конце 16-го века русская митрополия возвышается до степени *патриаршества*, по совету царя Федора Иоанновича с духовенством и боярами, и по соборному согласию на это восточных патриархов. Первым русским патриархом был *Иов* (бывший до этого всероссийским митрополитом), поставленный цареградским патриархом *Иеремией* в Москве в 1589-м г. Для приличествующего возвеличения нового патриаршего престола, из прежних епископских епархий были утверждены 4 митрополии и 6 архиепископских кафедр; открыто было также несколько новых епархий. Кроме преимущества чести, новое патриаршеское достоинство не прибавило русскому первосвятителю новой власти и особых прав по управлению русской Церковью, сравнительно с властью и правами прежнего достоинства митрополита. Также и вновь учрежденные в патриаршеском округе митрополиты пользовались только этим почетным титулом, не отличаясь степенью власти от прочих епархиальных архиереев. (Всех русских патриархов было 10: Иов, Гермоген, Филарет, Иосаф, I. Иосиф, Никон, Иосиф II, Питирим, Иоаким, Адриан).

По смерти патриарха Адриана (1700г.), император Петр Великий, уже задумавший преобразование церковного управления в соответствии с государственным, не созвал Собора для избрания нового патриарха, а поручил исполнение патриаршей должности (местоблюстительство) рязанскому митрополиту Стефану Яворскому; а в 1718 г., когда в империи были учреждены, вместо прежних приказов, коллегии, вышел указ учредить и *Духовную Коллегию*. В 1720 году был готов устав для предполагаемого учреждения (духовный регламент), и 14 февраля 1721 года последовало торжественное открытие Духовной Коллегии, которая вскоре была переименована в *Святейший Правительствующий Синод*. О такой перемене в управлении русской Церковью Петр Великий известил своей грамотой восточных патриархов, которые в ответных грамотах (1723 г.) узаконили, утвердили Св. Синод и признали его своим братом во Христе, имеющим равную с каждым из них власть и степень в церковной иерархии. Таким образом, св. Синод приобрел полное каноническое значение во вселенской Церкви.

Причины, побудившие Петра Великого преобразовать единоличное управление в коллегиальное, были высказаны в духовном регламенте. “Соборное правление, — говорится там, — совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же в государстве монаршеском, яково есть наше российское,” потому что: а) надежнее узнать истину и правду многим лицам, нежели одному; б) решение Собора может быть более беспристрастно и более свободно от влияния сильных лиц, чем решение одого лица (“свободный дух в себе имеет к правосудию и не обретается в нем места к пристрастию, коварству, лихоимному суду”); в) соборное решение получает большую авторитетность и нравственно-обязательную силу, чем приговор одного лица; г) при соборном управлении дело идет безостановочно (“непресекомым течением”), между тем, как занятия одного лица могут прерываться его болезнью и смертью. Притом д) коллегиальное духовное управление не представляет возможности кому — либо из духовных правителей стать, в глазах народа, как бы неким вторым монархом, равным Государю, и, следовательно, не дает места опасному для государства самовластию подобного церковного правителя. “Велико и сие, что от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной, но великою высочайшего пастыря честию и славою удивляемый помышляет, что таковой Правитель есть то второй Государь, равносильный Самодержцу, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство, и се сам собою народ умствовати обвыкл. Что же егда еще и плевельные властолюбивых духовных разговоры приложатся и сухому хврастию огонь подложат? И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно, согласуют и льстят себе, что они по самом Боге поборствуют.” В подтверждение этого указано на византийскую историю и на Папское властолюбие. “Да не вспомнянутся подобные и у нас бывшие замахы.” Президент же Коллегии не имеет сам по себе никакой славы, удивляющей народ, не имеет и особенной власти и, в случае суда над ним, “аще бы в чем и знатно погрешил,” не нужно созывать Собора и обращаться на сторону, потому что он подлежит суду той же Коллегии (Дух. Реглам.). “А когда еще видит народ, что соборное сие правительство монаршим и сенатским приговором установлено есть, то и паче пребудет в кротости своей и весьма отложит надежду иметь помощь к бунтам своим от чина духовного.” Наконец — е) соборное правительство представляет из себя как бы школу духовного правления, из которой могут избираться достойные церковные правители, т.е. епархиальные архиереи.

Центральное управление.

Св. Синод.

Состав Св. Синода.

Первоначально, по духовному регламенту, Св. Синод состоял из 11 членов: из президента, двух вице-президентов, 4-х советников и 4-х ассессоров. Первым президентом был *Стефан Яворский*. В числе его членов были архиереи, настоятели монастырей, и из белого духовенства — протоиереи. Для большей свободы голоса всех членов Синода, положено было, чтобы настоятели монастырей и протоиереи не назначались в члены Синода в одно время с их архиереями (“чтобы из двух персон не составила одна персона”). С

1726 года президент стал называться *первенствующим членом*, а прочие членами Св. Синода и просто *присутствующими*.

В последующее время состав Св. Синода изменялся как по числу членов, так и по их сану.

В 1726 году было указано иметь шесть членов Св. Синода и только из архиереев; а по штату 1764 г. было положено иметь в Св. Синоде трех архиереев, двух архимандритов, и одного протоиерея. С конца прошедшего столетия архимандритов перестали назначать в члены Св. Синода. По штату 1818 г. положено иметь в Синоде семь членов.

В настоящее время Св. Синод состоит только из архиереев. Одни из них назначаются для присутствия в Св. Синоде навсегда, другие же (из епархиальных архиереев) призываются только временно. Некоторым из них жалуются Верховной Властью звание *Членов Синода*, которое они сохраняют пожизненно, как почетный титул, даже если они и не вызывались ни разу почему-либо на заседания Синода. Прочие, заседающие в Синоде именуется *присутствующими*. К числу постоянных членов Св. Синода принадлежат все митрополиты и экзарх Грузии (архиепископ карталинский и кахетинский). Впрочем, и постоянные члены Св. Синода не все принимают участие в его заседаниях постоянно, а некоторые вызываются из их епархий для присутствия в Синоде на срок, и затем снова отчисляются из него; другие же, (как экзарх Грузии) вовсе не вызываются, или вызываются редко.

Права и обязанности членов Св. Синода и присутствующих в нем.

1) Вызов членов Св. Синода и присутствующих на его заседания, а также их отстранение от работы в нем, осуществляется по Высочайшему повелению.

2) При своем вступлении в должность каждый член Синода и временно-присутствующий дает присягу в том, что во всех делах он будет искать самую сущую истину и самую сущую правду, и действовать по уставам, определенным согласием духовного правительства и соизволением Царского Величества; — что будет поступать по совести, “не работствуя лицепритию, не болезнью враждою, завистью и упрямством и просто — никаковыми же пленяясь страстями;” — что в случаях недоумения будет искать разумения и ведения от св. Писания и соборных правил и согласия великих древних учителей; — что будет верным, добрым и послушным рабом Государю и Его законным наследникам, всячески охранять Его права и интересы, хранить в тайне и никому не открывать того, что будет повелеваться; наконец, клятвенно исповедует “крайнего судию быти сея духовныя Коллегии Самого всероссийского Монарха,” Государя Императора.

3) Вызванное для присутствия в Св. Синоде лицо обязано являться на все его заседания, которые должны проводиться каждый понедельник, среду и пятницу, исключая летнее время, когда число заседаний сокращается (в Июне и Июле бывает по одному заседанию в неделю, а в Августе — по два), и некоторых недель великого поста.

4) Присутствующие в Св. Синоде члены, постоянные и временные, не освобождаются на время своего присутствия от управления теми ведомствами и учреждениями, которые им поручены; поэтому и указы Св. Синода, касающиеся их ведомств, издаются на их имя.

5) Заседают в Св. Синоде по иерархическим степеням и, при равной степени, — по старшинству руположения; но все, не исключая первенствующего члена (Он занимает первое, но не председательское место), имеют равный голос. Для вынесения решения требуется согла-

сие всех членов; в случае же разногласий, которые не могут быть устранены, по предложению Обер-Прокурора, дело докладывается Государю.

6) Члены Св. Синода имеют право объявлять устные Высочайшие повеления Синоду, который и приводит их в исполнение своими указами.

7) Члены Св. Синода пользуются преимуществами чести перед лицами одного с ними сана.

Значение Св. Синода в Церкви и в государстве.

Заменив собой всероссийского патриарха, Св. Синод в ряду *иерархии вселенской Церкви* занял место равное прочим четырем патриархам и получил их права. “Имеет он власть творити и совершати, елико четыре апостольские святейшие патриаршие престолы,” — подтверждали в своих грамотах восточные патриархи. А потому, там, где в чине богослужения полагается помянуть имя патриарха, поминается Св. Синод. В делах, касающихся вселенской Церкви, он является представителем российской Церкви и от ее имени сносится с правительствами других поместных Церквей.

Относительно собственно русской Церкви Св. Синод получил силу и власть, по выражению духовного регламента, “едва ли не большую, чем патриаршескую, понеже Собор,” то есть, он соединил в себе власть не только патриарха, но и поместного Собора, — высшую административную, судебную и законодательную власть.

“Сие духовное соборное правительство имеет всякия духовныя дела во всероссийской Церкви управлять, — писал в манифесте Император Петр I, — и повелеваем всем верным подданным нашим, всякого чина духовным и мирским имети сие за важное и сильное правительство и у него крайния духовных дел управы, решения и вершения просить и судом его определенным довольствоваться и указов его слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием.”

По отношению к Верховной власти Св. Синод есть высшее учреждение, посредством которого действует в церковном управлении самодержавная власть Государя Императора, который, как христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого святого благочиния в Церкви. (Св. Зак. т. I, Основн. зак. ст. 42 — 43).

В ряду других *правительственных учреждений* в государстве Св. Синод поставлен наравне с Правительствующим Сенатом. По постановлению Петра Великого, в делах, касающихся церковного и государственного ведомства вместе, Синод и Сенат должны были иметь согласие, и их общие решения представлялись на утверждение Государю; а в отсутствие Государя, получали силу решений Верховной Власти. Впрочем, в последующие царствования значение Синода вместе с Сенатом ослаблялось. Так, при Императрице Екатерине I оба они были подчинены Верховному Тайному Совету, и все дела, которые должны были исходить от них к Государю, поступали в этот Совет; у Синода и Сената было даже отнято название “правительствующих.” После упразднения Верховного Совета в такое же положение они были поставлены по отношению к Кабинету Министров, учрежденному при Императрице Анне Иоановне. В это время Сенат получил преобладающее значение перед Св. Синодом, так что считал себя в праве издавать, помимо Св. Синода, постановления по таким делам, которые касались ведомства последнего. В начале царствования Императрицы Елизаветы Петровны, уничтожившей Кабинет Министров, прежнее значение и права Св. Синода и Сената, как высших правительственных учреждений в Им-

перии, и их взаимные отношения были восстановлены. Их конференции прекратились с учреждением Министерств.

Примечание. Св. Синод и Правительствующий Сенат сносятся между собой непосредственно через ведения (Св. З., I. Учр. Сен. 188).

Власть Св. Синода.

Ведомству Св. Синода подлежат все вообще учреждения православной русской Церкви, ее служители и вообще все ее члены, насколько их касаются духовные дела. Равным образом, его ведению подлежат, в некотором смысле, и иностранные духовные лица православного вероисповедания, прибывающие в Россию на жительство. По духовному регламенту, Св. Синод наблюдает главным образом за тем, чтобы в российской православной Церкви все было сообразно с христианским законом, и чтобы православные имели все средства к преуспеянию в вере и благочестии.

Как *законодательная власть* в русской Церкви, Св Синод: 1) издает постановления, касающиеся сохранения, утверждения и распространения православной веры, возвышения религиозно-нравственной жизни православных христиан; он рассматривает и утверждает для всеобщего руководства изложения православного учения (напр., катехизисы); 2) он устанавливает в русской Церкви новые праздники (и в чрезвычайных случаях — посты), исследует и свидетельствует святость скончавшихся Божьих угодников (их канонизация), св. Мощи, чудотворные св. Иконы, и вообще чудотворения, устанавливает чествование Святых, вводит новые церковные службы, молитвословия и церковные обряды (напр., крестные ходы), или исправляет существовавшие; 3) разъясняет каноны вселенской Церкви; согласно с основными положениями и духом канонов издает новые правила церковного благоустройства и управления, уставы различных церковных учреждений. Новые постановления Св. Синода получают в государстве силу закона с соизволения и утверждения Государя. Св. Синод участвует и в государственном законодательстве по предметам, касающимся одновременно и духовных и светских дел.

Как высшей *Правительственной власти*, Св. Синоду принадлежит главное попечительство о благоустройстве и благосостоянии русской Церкви, высший надзор за всеми ее учреждениями и лицами, за духовным просвещением в ней, за церковной собственностью. Он дает окончательные решения в случаях недоразумений, касающихся церковного управления, и во всех важнейших церковных вопросах и делах. Он приводит в исполнение Высочайшие повеления, касающиеся ведомства православной Церкви, и через него восходят к Государю все дела, требующие Высочайшего разрешения и утверждения. (О частных делах, подлежащих исключительно и непосредственно правительственной власти Св. Синода, будет сказано в статьях, касающихся этих дел).

В качестве *высшей духовной судебной власти*, Св. Синод судит (по делам, подлежащим ведению духовного суда), своих членов и архиереев (для них он является единственной судебной инстанцией), выносит решения по апелляциям и частным жалобам на епархиальные духовные суды, в частности к нему восходят в ревизионном порядке (за немногими исключениями) определения этих судов о расторжении браков и о признании недействительности браков; исключительно его власти принадлежит право налагать высшее церковное наказание — отлучение от Церкви.

Как *Представляющий собой русскую Церковь*, Св. Синод сносятся с правительствами других православных поместных Церквей.

Лица и учреждения при Св. Синоде.

Обер — Прокурор Св. Синода.

После учреждения Св. Синода Петр Великий повелел, указом Сенату, избрать в Синод доброго человека из офицеров, который имел бы смелость и мог знать управление синодскими делами, и быть в нем Обер-Прокурором. В инструкции для него, он назван оком государевым и стряпчим в делах государственных. Он был “повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которые к синодскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потери времени, по регламентам и указам отправлял, — дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал, — дабы в Синоде не на столе только дела вершились, но самым действием по указам исполнялись.” Неправильные решения дел он обязан был останавливать и доносить о том Государю. Ему непосредственно подчинена была синодская канцелярия. Впоследствии, после непродолжительного существования министерства духовных дел (с 1817 по 1824 г.), значение и власть обер — прокурора еще более возрасли. Оно было объединено с Министерством Народного Просвещения “дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения.” Министр был поставлен в такое же отношение к Синоду по административным делам, как Министр Юстиции к Сенату, кроме судебных дел, Обер-Прокурор был подчинен Министру, представлял ему меморандумы по заслушанным в Синоде делам. По этим меморандумам Министр мог объявлять свое мнение, и тогда дела возвращались в Синод для пересмотра. Через Министра объявлялись Синоду Высочайшие повеления.

По действующему праву, Обер-Прокурор есть представитель государственной власти по отношению к Св. Синоду и его ведомству, и лицо, посредничающее между ними; кроме того, он имеет в своем непосредственном подчинении некоторые учреждения духовного ведомства.

Как представитель государственной власти в Св. Синоде, Обер-Прокурор 1) наблюдает вообще за движением дел, подлежащих рассмотрению Синода, и за исполнением решенных дел; 2) при обсуждении дел в Св. Синоде следит за законностью обсуждений и решений, предлагает свои заключения; в случае постановлений, несообразных с законами или вообще противоречащих справедливости, он должен тотчас остановить их исполнение и, с объяснением причин, предложить Св. Синоду пересмотреть дело; поэтому он просматривает все протоколы Св. Синода, прежде чем приводить их в исполнение и визирует их своим согласием; 3) дает Синоду собственные предложения, касающиеся различных мероприятий. В случае безуспешности своих предложений он докладывает дело Государю.

Как лицо, посредничающее между Верховной Властью и Св. Синодом, Обер-Прокурор 1) передает доклады Св. Синода на усмотрение Государя; 2) объявляет Св. Синоду Высочайшие повеления; 3) представляет Государю годовые отчеты по ведомству православного вероисповедания, а также доклады о важных событиях, касающихся Церкви. Обер-Прокурору передаются прошения и жалобы по дух. ведомству, (которые относятся к духовным делам и делам управления правосл. Церковью) подаваемые на Высочайшее имя.

Как лицо, посредничающее между церковной и светской властями, Обер-Прокурор 1) сносится с министрами и главными управляющими по делам духовного ведомства и обо

всех делах, касающихся таких сношений, выходит с предложениями в Св. Синод; 2) присутствует в Совете Министров, в Государственном Совете на равных с Министрами основаниях (Высоч. утв. мнен. Госуд. Сов. 1904 г. дек. 6), Обер-Прокурор по своему статусу присутствует в Сенате (Св. 3. I, Учр. Сен. ст. 8); 3) по тяжбам казны и частных лиц (указанных в Св. Зак. I т. 1892 г. ч. 2 ст. 120 п. 8 и ст. 125 п. 4) с духовным ведомством об имуществе и некоторым другим; также, при рассмотрении противоречий (в Кассац. Д-тах), возникающих между общими судебными установлениями и духовными судами о подсудности гражд. дел, требуется заключение синодального Обер-Прокурора.

Обер-Прокурор участвует (с Министрами Внутренних Дел, Юстиции, Народного Просвещения и другими, по принадлежности) в обсуждении и решении впросов о безсрочной приостановке или полном прекращении периодических изданий (Ценз. Уст. 1890 г.).

В ведении Обер-Прокурора, кроме учреждений при Св. Синоде, состоят прокуроры Синодальных Контор и секретари Духовных Консistorий, через которые он следит за исполнением законных постановлений по духовному ведомству. Чиновникам синодального и епархиального управления он собств. властью назначает пособия и пенсии; определяет на должность чиновников дух. ведомства (до 5 класса включительно), и увольняет. Кроме Обер-Секретарей и Секретарей Св. Синода, а также Секретарей Консistorии; о них он дает предложения Св. Синоду.

Обер-Прокурор назначается и увольняется Высочайшим Именным указом на имя Правительствующего Сената. По делам своей службы он ответственен только перед Государем. В ряду высших государственных чиновников он приравнен к Министрам.

В помощь Обер-Прокурору дан (с 1865 г). Товарищ Обер-Прокурора, с правами и обязанностями Товарищей Министров. В присутствии Св. Синода тот или другой заседают за особым столом.

Управления и Канцелярии.

До учреждения Св. Синода при патриархах существовали разные приказы, посредством которых патриархи управляли делами как всей русской Церкви, так, в частности, и делами своей собственной епархии (Московской). В них сидели, главным образом, патриаршие бояре, с дьяками и подьячими и решали дела, докладывая патриарху. Так, при Патриархе Филарете были учреждены приказы: 1) патриарший разряд, ведавший всей судебной частью; 2) казенный и 3) дворцовый, заведовавшие доходами и хозяйством патриарха. После учреждения Св. Синода эти приказы частью были закрыты, частью слились с вновь образовавшимися синодальными учреждениями, в которых также пороисходили различные изменения.

В настоящее время при Св. Синоде существуют следующие подчиненные ему учреждения:

Синодальные Конторы.

Московская Контора.

С первых годов своего существования Св. Синод нередко должен был переезжать в Москву, где и продолжал свои заседания. При возвращении в Петербург, он оставлял в Москве нескольких своих членов для завершения неоконченных дел; эти члены и составляли синодальное отделение. Кроме того, в Москве должно было существовать особое управление для заведывания патриаршей епархией, перешедшей в непосредственное ве-

дение Св. Синода. Таким образом учредилась Синодальная Контора. Некоторое время (1731-1735 гг.) Контора именовалась *Св. Правит. Синодом в Москве*. С назначением для московской епархии (бывшей патриаршей) особого епархиального архиерея (1742г.), из Конторы выделилось управление епархиальными делами, переданное в Московскую дух. Консисторию и Московскому архиерею.

Присутствие Конторы составляют: Первоприсутствующий Митрополит Московский (а в его отсутствие, - его викарий), один или два из настоятелей Московских ставропигиальных монастырей. При необходимости, может быть назначено и большее число членов. Все они назначаются Высочайшими повелениями по представлению Св. Синода. Канцелярия состоит под началом Прокурора Конторы. Подведомственный Конторе круг вопросов невелик. Ей предоставлено управлять так называемыми ставропигиальными монастырями (исключая Соловецкий), Успенским собором и Московским синодальным домом с его церковной библиотекой и ризницей, смотреть за прибывающими в Москву духовными лицами, наконец, снабжать епархии св. Миром. С 1892 г. при Моск. Синод. Конторе учреждено Училище церковного пения.

Грузино — Имеретинская Контора (в Тифлисе).

Учреждена в 1814 г.; состоит из председателя — Экзарха Грузии (архиепископа Карталинского) и 4-х членов (настоятелей монастырей и протоиереев). При ней также есть Прокурор и канцелярия. Круг ее ведомства обширнее, чем у Московской Конторы. Ей принадлежит общее управление церковными делами в Закавказском крае и заведывание там церковным имуществом, избрание и представление Св. Синоду кандидатов на архиерейские кафедры, судебная власть в качестве 1-й инстанции по брачным делам, по проступкам духовных лиц, и по прочим делам, имеющим отношение к дух. суду. Епарх. архиереи края представляют ей отчет по своим епархиям, доносят о важнейших делах и случаях разногласий и т.п. О своих распоряжениях она доносит Св. Синоду.

Канцелярии.

Синодальная.

Посредством ее в Св. Синоде происходит делопроизводство. Она представляет собой учреждение, равное с канцелярией Сената и состоит в ведении синодального Обер-Прокурора, имея во главе Управляющего. Ее деятельность обширна и происходит в порядке, общем для канцелярий высших государственных учреждений. В ней 6 отделений С Обер-Секретарем в каждом, и др. Чиновниками.

б) Обер-Прокурора Св. Синода. По упразднении министерства дух. дел, в ведение Обер-Прокурора перешло одно отделение департамента этого министерства (первое, заведовавшее дух. делами греко-российского исповедания). Впоследствии (в 1839 г.) оно слилось с учрежденной (1836г.) канцелярией Обер-Прокурора. Канцелярия находится в положении, равном с канцеляриями Министров. Состоит из 3-х отделений, под управлением Директора. В ней производятся дела, касающиеся власти и деятельности Обер-прокурора. Кроме того, при канцелярии Обер-Прокурора состоит Юрисконсульт с помощником. Для обсуждения дел особой важности составляется консультация из управляющих центральными синодальными учреждениями, их помощников и Юрисконсульта, под председательством Товарища Обер-Прокурора.

Хозяйственное Управление.

Для управления церковными имениями существовал, еще до учреждения Св. Синода, Монастырский Приказ, учрежденный сперва при патриархах, по соборному уложению. Первоначальный Приказ должен был совершать суд главным образом по гражданским искам к духовенству и церковным людям; но на практике ему стали подлежать распоряжения о государственных сборах с церковных вотчин, описях церковных имуществ и полицейские распоряжения по церковному ведомству. (1649 г.), потом закрытый в 1677 г. и снова открытый Петром Великим в 1701 г. К его ведомству были отнесены все хозяйственные дела по церковным вотчинам, распределение и взимание с них всяких сборов и повинностей, и т.п. Монастыри и архиереи были совсем устранены как от управления своими хозяйствами, так и от самостоятельного пользования своими доходами от владений. Приказ был поставлен под управление боярина. По учреждении Св. Синода Монастырский Приказ, возбуждавший большое неудовольствие духовных властей и жалобы на его распоряжения (от которых пришли в оскудение и запустение церковные вотчины), перешел в ведомство Св. Синода, а в 1724 г., по причине расстройств в управлении имениями, было повелено преобразовать этот Приказ в особое хозяйственное управление при Св. Синоде, со светскими президентом и членами: оно сперва называлось Камер-Канторой. Одних недоимок за два года накопилось более миллиона рублей. Вскоре эта Кантора получила новое устройство: в 1726 г. Синод был разделен на два департамента; 1-й, духовный, ведал исключительно духовными делами; во 2 — м, тогда же названным Коллегией Экономии синодального управления, и состоящем из светских членов, производились судебные и экономические дела. Огромные недоимки, накопившиеся за церковными вотчинами от непомерных государственных налогов на них, и подозрения в плохом ведении хозяйства духовными властями, побудили Правительство передать Коллегию Экономии в ведение Сената (1738 г.). В начале царствования Императрицы Елизаветы (в 1745 г.) эта Коллегия, по ходатайству Св. Синода, была упразднена и церковное имущество опять было предоставлено управлению духовных властей. Для этого при Синоде образовалась канцелярия экономич. синодального управления. С образованием особой Комиссии по церковным имениям, Коллегия Экономии была открыта как исключительно государственное учреждение (1763 г.); а после секуляризации церковного имущества (1764 г.) хозяйственная часть Св. Синода сократилась, и потому заведывание ею сосредоточилось в Канцелярии Св. Синода.

В 1836 г. для заведывания церковными суммами и распоряжения ими при Св. Синоде учрежден Хозяйственный Комитет, с подчинением его Обер-Прокурору, преобразованный потом (в 1839 г.) в Хозяйственное управление.

В своем устройстве оно сходно с департаментами Министерств, к которым и приравнено. Находится под начальством Обер-Прокурора Св. Синода. Состоит из Директора, Вице-Директора, Членов Общего Присутствия, из трех отделений с чиновниками, бухгалтерией и пр. В ведении Управления находятся: 1) все капиталы, принадлежащие Св. Синоду, и суммы, поступающие в его распоряжение; а также все здания и имущество, состоящее в особом ведении Св. Синода; 2) хозяйственное распоряжение этими суммами и имуществом, а также строительными работами в церковном ведомстве за счет казны и синодских сумм; 3) в ведении хозяйств. упр. находится страхование от пожара строений дух. ведомства (Выс. утв. 6 Июня 1904 г.). В управлении собираются отчеты о приходе и расходе сумм и о хозяйственной части по всем духовным учреждениям. Управление состав-

ляет годовую смету как на те суммы, которые ассигнуются из Госуд. Казначейства на потребности дух. ведомства, по положениям, так и на те, которые расходуются Синодом из его специальных средств. Через него передаются все пожертвования на зарубежные православные Церкви.

Контроль.

Учрежденный при департаменте бывшего Министерства дух. дел (по отделению правосл. испов.), Контроль был присоединен к хозяйствен. Комитету при Синоде (1836 г.); потом (1867 г.), он получил самостоятельное значение как особое центральное учреждение. Находится под начальством Обер-Прокурора. Состоит из Управляющего, Обер-Контролеров, контролеров, техников и др. чиновников. Контролю принадлежит наблюдение за правильностью оборота и сохранностью денежного и материального имущества как непосредственно подотчетных ему учреждений дух. ведомства, так и тех, которые представляют свои отчеты после предварительного их освидетельствования местными ревизионными Комитетами. Он производит как документальную ревизию оборотов этого имущества (по отчетам и документам), так и фактический контроль, состоящий в проверке наличия имущества, в техническом надзоре при строительных работах, в участии при торгах на подряды и поставки (Полож. Высоч. утв. 28 Апр. 1895 г.).

Духовно-учебный Комитет.

По духовному регламенту, попечение о духовных школах было вменено в обязанность епархиальным архиереям. Св. Синод первоначально только наблюдал за тем, чтобы они открывались при архиерейских домах и изыскивал средства для их содержания. Но, по различным неблагоприятным экономическим причинам, духовные школы не могли развиваться и находились в жалком положении. В начале 19-го столетия правительство обратило особое внимание на устройство духовно-учебных заведений в России. Для преобразования существовавших заведений, открытия новых, и для управления ими, в 1808 г. была образована Комиссия духовных училищ, как самостоятельное, независимое от Св. Синода учреждение, членами которого были как духовные, так и светские лица. (Обер-Прокурор Св. Синода состоял в числе его членов и управлял канцелярией). Во время своего существования она изыскала и собрала большие средства на открытие и содержание духовных училищ, открыла большое их количество, разработала их уставы, организовала в них учебную часть, дала учебные руководства, — вообще, твердо поставила духовно-учебное дело. В 1839 г., с целью более тесной связи между церковным управлением и духовно-учебной частью, заведывание последней было передано Св. Синоду; Комиссия духовных училищ была закрыта, и вместо нее при Св. Синоде было учреждено Духовно-учебное Управление, под началом Обер-Прокурора Св. Синода, устроенное как департамент при министерстве. Оно должно было заботиться о внутреннем и внешнем благоустройстве училищ и распоряжаться духовно-учебным капиталом.

В 1867 г., когда появилась необходимость преобразовать духовно-учебные заведения, и были составлены новые уставы для них, это Управление было упразднено, и взамен при Св. Синоде был учрежден Духовно-Учебный Комитет. Ему предоставлено: 1) обсуждать вопросы о применении уставов духовно-учебных заведений, предположения об усовершенствовании в них учебной и воспитательной части, рассматривать и обсуждать планы преподавания; вообще — наблюдать за состоянием учебно-воспитательной части; 2) рассматривать книги духовного содержания и учебные руководства, представляемые в

Комитет, и давать отзывы о пригодности их к употреблению — первых в духовных и светских училищах, а вторых — только в духовных; 3) представлять кандидатов на должности преподавателей в духовные Семинарии и Училища; 4) представлять высшей власти отчеты о состоянии духовно-учебных заведений и о результатах их ревизий. Хозяйственная часть по учебному ведомству находится в ведении хозяйств. управления при Синоде.

Комитет состоит из председателя (духовное лицо), духовных членов, светских членов и нескольких членов-ревизоров, посылаемых Св. Синодом для ревизии средних и низших духовно-учебных заведений. При Комитете состоит Управляющий делами. Делопроизводство по управлению заведениями и по их ревизиям — в канцелярии Обер-Прокурора.

Дела, поступающие в Комитет от Св.Синода, дела и заключения Комитета, представляемые в Св. Синод, идут через Обер-Прокурора.

Училищный Совет.

В 1884 г. духовенство России призвано к деятельному участию в начальном народном образовании, — к открытию при церквях школ (*церковно-приходских*); о них были изданы особые правила; заведывание этими школами предоставлено Св. Синоду.

В 1885 г. при Св. Синоде учрежден Училищный Совет по делам церковно-приходских школ. Он состоит из нескольких как духовных, так и светских лиц, близко знакомых с положением в народном образовании. Председательствует в нем один из членов Св. Синода. Делопроизводство возложено на Синодальную Канцелярию. Совету принадлежит: обсуждение вопросов и дел, касающихся устройства, поддержания и развития церковно-приходских школ; рассмотрение отчетов по ним епарх. архиереев; составление программ для преподавания в них; указание и одобрение для них учебников и книг для чтения и т.п.; а также — контроль расходования сумм, выделенных на эти школы правительством (Уст. утвержден 26 Февр. 1896 г.).

Местное управление.

Епархии.

Русская православная Церковь по своему управлению разделяется на несколько частей, называемых *епархиями*.

В древней Руси епархиальное деление по большей части совпадало с ее делением на уделы. Удельные князья, каждый в своем уделе, заботились об образовании самостоятельного церковного управления. В инородческих или в ново-присоединенных к России землях епархии учреждались по мере того, как в них распространялось православие. В более поздние времена вместо исторического деления русской Церкви, соответствовавшего княжествам и отдельным областям, произошло новое деление по образовавшимся в государстве областям, согласно с каноническими постановлениями (4 всел. 17; 6 всел. 38). Так, по указу Павла I было повелено привести деление на епархии в соответствие с делением на губернии: ведомство каждой епархии должно было совпадать с пределами губернии, и свое наименование епархии получили от названия губерний; это, в частности, должно было способствовать удобству сношений между духовным и светским начальством. С образованием новой губернии открывалась и новая епархия (исключение составляли те ме-

стности, где православных христиан немного, напр., в Прибалтийских и Привисленских губерниях, в которых число епархий меньше, чем губерний).

Образование новой епархии в пределах прежде существовавшей, по каноническим постановлениям, подлежит решению областного Собора, при согласии с тем епископом, в области которого находится вновь образуемая епархия. (Карф. 61). У нас открытие епархий и всякие изменения их границ должны происходить не иначе, как по распоряжению Верховной Власти и высшего церковного руководства.

Во главе епархиального церковного управления стоит *архиерей* с титулом епископа или архиепископа, или митрополита.

Епархиальный архиерей.

Его избрание и утверждение.

Первоначально, Апостолы назначали епископами новоустроенных христианских общин либо самих себя, либо кого-то из числа ближайших своих учеников и сотрудников по апостольству, или же из числа тех, о достоинствах которых свидетельствовала христианская община. После апостольских времен избрание и назначение епископа в какой-либо город совершалось Собором епископов того церковного округа, к которому город принадлежал. Такой порядок был утвержден и канонами (Ант. 23). Они требовали участия в таком Соборе всех, по возможности, епископов области; если же это оказывалось неудобным из-за дальности пути, или по какой-то другой серьезной причине, то требовалось присутствие, по крайней мере, трех епископов, а прочие отсутствовавшие должны были изъявить свое согласие на состоявшееся избрание нового епископа посредством грамот. За правильностью избрания наблюдал областной митрополит; ему же принадлежало право утверждать избранного, так что избрание, проведенное без согласия митрополита, почиталось недействительным (I всел. 4, 6; Ант. 19; Лаод 12).

В первые времена к участию в избрании епископа допускался и народ той Церкви, для которой избирался пастырь. Это видно из многочисленных примеров в церковн. истории, из свидетельства писателей и пастырей древней Церкви, считавших такое участие христианского народа вполне справедливым, полезным и основанным на апостольском примере и предании; оно было обычно повсюду и подтверждалось церковными правилами (см. Апост. Постановл. 8, 4). Участие народа состояло в том, что — 1) ему предоставлялось право свидетельствовать о достоинствах предлагаемых епископами лиц и высказывать то, что ему известно в пользу или против избираемых; на основании такого свидетельства, проверенного избирающими, совершалось избрание; — 2) народ изъявлял на совершенное Собором избрание свое согласие или несогласие, и церковная власть принимала это во внимание, имея в виду — с одной стороны, ту нравственную связь, которую должен иметь пастырь со своей паствой, с другой стороны — тот вред для пастырского служения и для Церкви, который происходил бы от назначения лица, нежелательного для паствы; — 3) иногда народ сам избирал известное ему лицо и предлагал его Собору для утверждения (см. Посл. восточ. Патр. 10); в этом народном избрании, если не было причины сомневаться в чистоте побуждений к нему, церковная власть не отказывала, так как видела в нем решительное свидетельство народа в пользу предлагаемого кандидата, ручательство о его достоинствах, залог его нравственной связи с народом.

Но в чем бы ни состояло участие христианского общества в избрании епископа, оно не имело, во всяком случае, значения суда, решающего судьбу избрания, не было безусловно необходимым в том смысле, что действия одних лишь епископов в этом деле считались не имеющими силы. Право окончательного решающего приговора избранию всегда принадлежало Собору иерархов, как полномочных представителей Церкви, как ее правителей, получивших свою власть не от общества, но, по апостольскому преемничеству, от Главы Церкви. Поставленное ими в епископы лицо, хотя бы оно и не было принято обществом, должно было, по канонам, сохранять свой сан и честь; и неприятие его народом церковные законы считают своеволием, преступной непокорностью, — за что ответственность должен был нести и клир этого народа (Апост. 36; Ант. 18). Напротив, епископ, избранный и принятый всем народом какого-либо города, но без воли и утверждения церковного правительства, не признавался в своем звании и даже подвергался отлучению (Апост. 16; 1 всел. 6). Также недействительным должно считаться избрание, совершенное одним светским начальством, помимо церковной власти (Апост. 30; 7 всел. 3).

Впоследствии, злоупотребления, происходившие от участия народа в избрании епископов, и случавшиеся при этом беспорядки и волнения, побудили как церковное, так и светское правительство ограничить это право народа. Уже Лаодикийский Собор, повелевая избирать епископа по решению митрополита и окрестных епископов, вообще запрещал допускать народную толпу к избранию должных быть поставленными во священство (12 и 13 пр.). Законами Юстиниана участие всей паствы было заменено участием знатных лиц города, в который назначался епископ: они, принеся клятву в добросовестном отношении к делу, должны были, вместе с клиром, избрать трех кандидатов, из числа которых утвердить одного предоставлялось митрополиту (Novell. 123,1: Cod Just. tit. 3.; de episc. 4). Но такие ограничения прав паствы, отнимая у нее право избрания и представления кандидатов, не лишали ее древнего права свидетельствовать об избранном и выражать согласие на избрание. С 12 — го века избрание происходило уже без участия мирян.

Епископы избирались обычно из местного клира тех епархий, в которых надлежало их поставить; но нередко были примеры избрания из светских лиц, по указанию и желанию христианской общины.

В древней Руси епископы сперва избирались удельными князьями с народом (“Несть достойно наскакати на святительский сан,” — замечает летописец: — “но его же Бог позовет, князь восхошет и людие.”), утверждались и назначались Митрополитом и Собором епископов. В городах с вечевым устройством избрание происходило на вече. Так было в Новгороде. В случае разногласия избирателей, клали на престол св. Софии жребы с именами кандидатов и посылали брать один из них слепца или младенца. После ослабления власти удельных князей епископы посылались в епархии прямо по распоряжению митрополита; а при царях — повелением царя, по благославлению и рукоположению митрополита, и по совету священного Собора (писалось в их настояльных грамотах). Так было и при патриархах. С учреждением Св. Синода, избрание архиереев стало принадлежать ему, он избирает двух или трех кандидатов и представляет на Высочайшее соизволение утвердить одного из них.

Значение, права и власть архиерея.

По отношению к Церкви, как поместной, так и вселенской, архиерей есть представитель своей христианской общины, которая ему поручена; через него вся его паства входит в союз с вселенской Церковью и пребывает в нем; самовольное, не имеющее законных

оснований, отделение от него есть раскол, отпадение от церковного союза (Апост. 31; Гангр. 6 и др.). Как участник одного общего во вселенской Церкви епископства, архиерей имеет право принимать участие в ее законодательстве, суде и в управлении ею, с решающим голосом.

По отношению к вверенной ему епархии, архиерею принадлежит главное попечение о пребывающих в ней людях Господних, о душах которых он должен держать ответ (Апост. 39). Он представляет собой в ней высшую духовную власть; в нем сосредоточивается управление всеми церковными делами епархии, при которых он должен неотлучно пребывать (Апост. 81). В зависимости от него, и под его руководством отправляют свои церковно-служебные функции все служащие в порученной ему части Церкви; ему они обязаны отдавать отчет в своей деятельности (Апост. 39).

Укажем важнейшие права и обязанности епархиального архиерея.

По отношению к христианскому учению.

Архиерей есть главный учитель православной веры, охранитель ее чистоты, блюститель ее утверждения и распространения в порученной ему области.

Как главный учитель Церкви, наделенный правом нести слово истины (2 Тим. 2:15), он обязан сам проповедовать Слово Божие, благовременно и безвременно, обличать, запрещать, умолять (2 Тим. 2:5), вразумлять неблагонравных наставлениями, увещеваниями, а иногда и страхом церковных наказаний (Двукр. 9). Он имеет власть давать право церк. учительства в своей епархии способным к этому лицам (2 Тим. 2:2). Он должен поучать и самих поставленных им учителей и весь клир. Особенно обязан он исполнять дело учительства при церковном богослужении в дни праздников (Апост. 58; 6 всел. 19):

Как блюститель за утверждением среди паствы христианского учения, архиерей должен заботиться о том, чтобы в его епархии Слово Божие проповедовалось, и православный народ получал наставления в вере и благочестии, в благонравии и послушании Властям (Уст. Конс. 8). С этой целью он требует от священников, и следит, чтобы они в своих церквах произносили при богослужении поучения, или их собственные, или готовые, из предназначенных для этого книг (ст. 9); назначает по очереди священнослужителей (получивших образование) в городские соборные церкви для постоянного проповедничества, и утверждает в других церквах своей епархии, по своему усмотрению, катехизаторские поучения (ст. 10 и 11). Для действенного руководства в проповедовании, архиерей требует для личного просмотра письменные поучения священников, или поручает их просмотр назначенным для этого лицам (ст. 12 и 13). Поощряя ревностно трудящихся в деле проповеди особой честью (I Тим. 5:16), он взыскивает с нерадивых и небрежных (Уст. Конст. 12). Архиерею вменено в обязанность заботиться об открытии и содержании при церквах и монастырях начальных училищ для обучения детей грамоте и Закону Божию (ст. 14), и наблюдать за преподаванием Закона Божия во всех учебных заведениях его епархии (Указ. 1811 г. 16 Ноября). Его надзору подчинены во всех отношениях духовно-учебные заведения его епархии и все служащие в них. От него зависит разрешение публичных чтений по предметам, относящимся к духовному просвещению.

Архиерею принадлежит попечение о просвещении истинами веры нехристиан в его епархии (Уст. Конс. 31); без его ведома и благословения никто не дерзает проповедовать православие иноверцам (Св. Зак. Т. 14, о прес. прест. 98). Он же разрешает принятие в Церковь новых членов, обращающихся из иных (нехристианских) исповеданий.

Как охранитель цельности и чистоты православной веры, архиерей обязан наблюдать, чтобы истины православной Церкви, исповедуемые ее служителями и всеми членами, оставались во всей чистоте. На нем лежит обязанность отвращать православный народ от всяких суеверий и суеверных обрядов, как через подчиненных ему священников, так и своими непосредственными увещаниями и духовными запретами, особенно при ревизии своей епархии. Он должен заботиться, чтобы православные христиане не совращались в ереси и расколы, обличать ложные учения, действовать мерами вразумления на отпадающих от православной Церкви. О суеверных действиях и молве, производящих на народ заметное впечатление, а также о возникающих новых сектах и расколах и совращении в другую веру архиерей должен доносить Св. Синоду, и ожидать от него дальнейших распоряжений, и, в то же время, сообщать гражданскому начальству для принятия им мер, предписанных на этот случай законом (Уст. Конс. 7, 18, 19, 21, 23 и 24).

По отношению к богослужению.

Архиерейство есть высшая степень священства, совмещающая в себе все прочие степени; оно есть также источник священства, которое передается другим через архиерея, отчего он и называется святителем. Поэтому архиерей имеет власть совершать все священнодействия во всех местностях своей епархии. Исключительно ему принадлежит власть посвящать в другие степени священства и на церковно-служительские должности (апост. 2), освящать престолы в храмах или, по крайней мере, антимины. Освящение мира также принадлежит архиерейской власти (Карф. 6); но у нас в России совершать это предоставлено только архиереям старейших митрополий, бывших прежде центрами церковно-правительственной власти, а именно Москвы и Киева (в Московском, Успенском и Киево-Софийском соборах).

Архиерей есть главный блюститель установленного порядка церковного богослужения и его благочинства в своей епархии. Он разрешает всякие случаи недоумения, касающиеся богослужения, и имеет право, в связи с какими-либо особыми обстоятельствами (напр., во время общественных бедствий), устраивать в своей епархии общественные молебны, крестные ходы (которые не могут совершаться без его благословения), налагать на свою паству пост и т.д. (Указ 1740 г. 17 марта). При совершении им священно-служения, ему предоставлены некоторые внешние преимущества, которые указаны в богослужебном уставе.

По отношению к духовному суду.

Архиерей имеет преимущественную власть судить всех лиц его паствы в религиозно-нравственных делах, налагать на согрешающих, для их исправления, тайные и явные духовные наказания (эпитимьи). Как архипастырь, он имеет право изменить или отменить частный духовный суд (эпитимью) подчиненных ему пастырей. По каноническим постановлениям, епископ имеет власть подвергать виновных отлучению от Церкви; но по действующему праву это предоставлено только власти Св. Синода.

Особому суду архиерея подлежат служители Церкви его епархии. Он судит их как за проступки и преступления, связанные с их должностью и за недостойное их звания поведение, так и за такие проступки, совершенные нечаянно или по неведению, которые требуют исправления и очищения священно-служительской совести иерархическим действием архиерея (Уст. Конс. 153-155). Он имеет власть не только налагать на виновных служителей Церкви указанные в законе эпитимьи и штрафы, но и смещать их с должно-

сти, временно запрещать священнослужение, и вовсе лишать их, по суду, церковных степеней. Архиерею предоставлено право разбирать и взаимные споры между духовными лицами, возникающие из-за пользования церковной собственностью и церковными доходами.

Архиерейскому суду подлежат также все дела о разрешении на венчание при бракосочетаниях, в указанных законом случаях, о признании браков недействительными и об их расторжении, об удостоверении действительности события браков и рождений от законных браков (Уст. Конст. 148).

Чтобы успешнее исполнять свою обязанность наблюдения за епархиальными учреждениями и за отправлением духовенством своих обязанностей, архиерей должен объезжать свою епархию (Карф. 63) не реже одного раза в два или три года, и иметь право лично обозревать подведомственные ему церковные учреждения или назначать их ревизию.

Получив от высшей власти епархию, архиерей не может отказываться от нее и оставлять ее по своей воле (Апост. 36, Ант. 17), если только к этому не побуждает его болезнь или другие уважительные причины, представленные суду высшей власти. Обязанный проявлять неустанное попечение о вверенном ему стаде Христовом, епархиальный архиерей не должен по своей воле отлучаться из епархии на продолжительное время. Каноны предписывают, чтобы епископ не пребывал вне своей епархии более трех недель (Сард. 11, 12), если только на то не будет разрешения высшей власти. Самовольная отлучка, продолжающаяся более полугода без весьма уважительных причин, подвергала епископа лишению архиерейского достоинства (Двукр. 16). По русским законам, архиерей может отлучаться из своей епархии, без особого разрешения, на срок до 14-ти дней, донося об этом Св. Синоду, с объяснением причин отлучки; отпуска на больший срок он должен испрашивать у Св. Синода.

Архиерею запрещено канонами оставлять главное место своей кафедры, перенося его в какую-либо другую церковь его епархии (Карф. 82).

Отношение епархиальных архиереев между собой и к высшей власти.

В русской Церкви епархиальный начальник, согласно канонам, ограничен в своей власти пределами своей епархии. Управляя своими епархиями с равной степенью власти, все епарх. архиереи независимы друг от друга. Сан митрополита и архиепископа дает лишь преимущество чести, но не власти над другими архиереями.

В прежнее время, по штатам 1754 г., епархии в России делились на три вида: первоклассные (митрополии), второклассные (архиепископства) и третьеклассные (епископства); такое разделение соответствовало историческому значению областей. Сообразно с этим, и архиереи получали преимущества чести и титула. Теперь разделения епархий на классы не существует (отменено штатами 1867 г. 27 дек). и все они считаются равными, кроме трех митрополий (С.-Петербургской, Киевской и Московской) и Грузинского Экзархатства. Сан митрополита теперь всегда присваивается архиереям означенных митрополий; сан же архиепископа (а иногда и митрополита) жалуются архиереям других городов в награду за службу, как почетное отличие; архиереи не имеющие этих отличий именуются епископами.

Примечание. Митрополитам и архиепископам дается титул Высокопреосвященства, а епископам — Преосвященства. Патриархи имели, равно как и Св. Синод имеет, титул Святейшества.

Общая для всех епархиальных архиереев в России высшая церковная власть есть Св. Синод, которому каждый из них в равной степени, по словам духовного регламента, “яко верховной власти подчинен есть, указов его слушать, суду подлежать и определением довольствоваться должен есть.” Св. Синоду епархиальные начальники обязаны давать отчет в своем управлении и доносить ему о состоянии дел в их епархиях. Как назначение архиерея, так и перевод его из одной епархии в другую, равно как и увольнение его от должности (на покой) зависит от власти Св. Синода и Высочайшего утверждения.

Примечание. Уволенному на покой архиерею назначается для жительства и содержания, а иногда и управления, какой-либо из монастырей.

Учреждения и должностные лица при епархиальном архиерее.

В древней Церкви.

а) *Совет пресвитеров.* В первые века христианства, как показывают многочисленные исторические свидетельства, при епископе состоял Совет пресвитеров, содействовавший ему в управлении. Древние Отцы Церкви называли его епископским Советом, апостольским Сенатом, священным Синодрионом, Собором и т.п. С его участием епископ принимал желающих поступить в клир, избирал и ставил пресвитеров и диаконов, производил церковный суд как над мирянами, так и над служителями Церкви, распоряжался церковным имуществом, и пр., вообще, без совета и согласия своих пресвитеров епископ не предпринимал ничего важного в делах, относящихся к вверенной ему Церкви. В отсутствие, или в случае смерти епископа, пресвитерский Совет от своего имени управлял церковными делами епархии (с подчинением областному митрополиту) и участвовал в избрании нового епископа. В этот Совет входили только пресвитеры города, бывшего резиденцией епископа; а с образованием и в этих городах особых приходов, Совет составлялся преимущественно из тех пресвитеров, которые состояли при кафедральной Церкви епископа. С течением времени пресвитерские Советы в различных поместных Церквях стали по своему устройству принимать различные виды.

Кроме упомянутого учреждения, древняя Церковь имела и другие вспомогательные должности при епархиальных епископах.

б) В некоторых церковных областях, или епархиях, при малых городах и селах были (как упоминалось выше) *Хорепископы* с епископской степенью священства, которые не имели самостоятельной правительственной власти и находились в зависимости от епархиальных епископов, помогая им в управлении. Избрание и назначение их зависело от епархиального епископа (Ант. 10; 1 всел. 8). Им поручался ближайший надзор за сельскими церквями и служащими при них и за благотворительными церковными учреждениями, назначение для сел низших клириков (причетников), а иногда — пресвитеров и диаконов, по воле местного епископа (Ант. 10; Анкир. 13; 7 всел. 14; Васил. В. пр. 89). Существование этой должности, соединенной с епископским саном, было непродолжительным.

в) Должность хорепископов, по ее упразднении, была заменена должностью *перидевтов* (Лаод. 57). Это были особые пресвитеры, которым епископы поручали обзирать церкви и наблюдать за их благосостоянием.

г) *Хартофилак* заведывал архивом епископии и всеми актами, грамотами, хранил постановления, которыми руководствовалась Церковь в своем управлении. Ему поручались епископом и другие важные дела епарх. управления.

д) Церковные правила требовали, чтобы при каждом епархиальном епископе было назначено из числа его клира лицо, хранящее церковное имущество и распоряжающееся им по воле епископа, “дабы домостроительство (хозяйство) церковное не без свидетелей было, дабы не расточалось церковное имущество и дабы не падало нареkania на священство” (4 всел. 26). Это должностное лицо называлось *экономом*.

е) Для ходатайства по церковным делам епархии и для защиты их в светских присутственных местах назначались ученые защитники (законоведы), из числа епархиальных священников, называвшиеся *екдиками* (Карф. 109).

В русской Церкви.

В древней русской Церкви также существовал обычай, по которому архиереи время от времени устраивали у себя освященный Собор, т. -е. собирали свое духовенство для совещания о церковных делах. Постоянными же органами управления епархией были особые должностные лица, составляющие святительский двор, частью из духовенства, большей же частью из архиерейских бояр и разных чиновников. Дела собственно духовные поручались архимандритам и протопопам соборных Церквей. Для управления архиерейскими вотчинами назначались волостели из светских людей. Для церковного суда, надзора за духовенством, для различных сборов с него на архиерея, назначались, также преимущественно из мирских людей, десятинники, ставившиеся над округами из нескольких приходов епархии. Вообще, светский элемент в составе епархиального управления был преобладающим и возбуждал против себя неудовольствие и протесты со стороны духовенства. Стоглавый Собор старался устранить его. Он определил ведать духовенством по делам духовным самим Святителям, или тем, кому они укажут из духовных, а не мирских людей (Однако, постановление Стоглавого Собора об изъятии у десятинников дух. дел и сборов не было приведено в исполнение), за архиерейскими же боярами сохранен суд над духовными только по гражданским и уголовным делам, которые в то время подлежали архиерейскому разбору. Но и в последний суд были введены, для наблюдения за правильностью боярского суда, депутаты как от духовенства, так и от земства (городские старосты, целовальники, земские дьяки). Десятинников было велено назначать из духовных лиц (из настоятелей монастырей). Архиерейские бояре и дьяки должны были назначаться и увольняться по воле Государя. Были учреждены должности поповских старост и их помощников десятских священников; те и другие выбирались ежегодно съездом духовенства по десятинным округам. Псковское духовенство организовалось в соборы (союзы), выбиравшие поповских старост для раскладки и сбора дани новгородскому архиепископу. Старосты эти, по прав. Стогл. Собора, стали повсеместным учреждением. Они должны были вместо десятинников собирать разные повинности с духовенства для архиерея и его двора, и осуществлять надзор за церковным благочинством; вместе с десятинником они составляли духовный суд (первую его инстанцию), под названием десятинничья двора; они же, в качестве депутатов, сидели в суде архиерейских бояр.

Со времени учреждения при патриаршем дворе и управлении различных Приказов, подобные же Приказы (духовные, казенные) стали появляться и при епархиальных архиереях и состояли также из духовных и светских лиц. После учреждения Св. Синода эти Приказы мало-по-малу преобразовались по образцу коллегиальных учреждений и получи-

ли название канцелярий, дикастерий, духовных правлений. В начале 18 века десятичники стали называться *управителями дух. дел.* Дух. регламент требовал, чтобы епископы ставили умного и честного житием мужа (архимандрита или игумена) для дел епарх. управления, придав ему в помощь несколько умных человек священнического или монашеского чина. В 1744 году им всем предписано носить название духовных консисторий (название, заимствованное у западной Церкви), и состоять из духовных членов. В 1841 году им был дан устав. Прежние десятичники и поповские старосты с их помощниками также заменились другими должностями.

По действующему праву, епархиальные учреждения и должности, содействующие архиерею в управлении, следующие:

а) *Епископ-викарий.* По примеру древних хореепископов, епархиальным архиереям даются иногда епископы-помощники, называемые викариями (*vicarius* = наместник).

Предположения об учреждении этой должности были высказаны еще на Московском Соборе (1667 г.), потом — после учреждения Св. Синода (для архиереев, бывших его членами); но не были осуществлены. По штатам 1764 г. было положено дать викариев архиереям более многолюдных и обширных епархий (Новгородской, Московской и Киевской), с особым содержанием от казны. В прошлом столетии викариатства иногда учреждались временно и в некоторых других епархиях, начальники которых были постоянными членами Синода. Теперь (с 1865 г.) всем архиереям, принимая во внимание обширность русских епархий и многосложность архиерейских обязанностей, дозволено ходатайствовать об учреждении у них викариатства на местные средства их епархий, и они существуют во многих епархиях, а в иных — даже по несколько.

Викарии избираются и назначаются так же, как прочие архиереи, и носят титул епископа одного из уездных городов епархии; но он не дает им права на самостоятельное церковное управление в этом уезде (обычно им дается право ставить в этом уезде причетников или смещать их). Они не имеют определенного законом круга обязанностей; находясь в непосредственной зависимости от епархиального начальника, они исполняют его поручения в делах священнослужения и управления, предварительно рассматривают журналы и протоколы Консистории и утверждают их в отсутствие епарх. архиерея; а в случае его выбывания или смерти, временно управляют епархией по назначению Св. Синода.

Примечание. Некоторые из епископов, именуясь викариями других епархий, фактически имеют собственные епархии в своем управлении.

Духовная Консистория.

Духовная Консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным началом епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе православной российской Церкви, именуемом епархией (Уст. Конст. ст. 1). В Грузинском экзархате в епархиях нет Консисторий: при епарх. архиереях там существуют Канцелярии.

Она, вместе с епархиальным архиереем, состоит в ведении Св. Синода, от него одного принимает указы и, кроме Синода и епархиального архиерея, никакое другое присутственное место или начальство не может непосредственно входить в ее дела или приостанавливать ее решения и распоряжения во всем том, что принадлежит ведению духовного ведомства (ст. 2).

В ряду Государственных учреждений она занимает место равное с губернскими присутственными местами; с ними, и с неподчиненными ей духовными учреждениями она

сносится посредством сообщений; а для сношений с высшими присутственными местами, министрами и главноуправляющими, от имени архиерея делаются представления Св. Синоду или отношения к Обер-Прокурору. Всеми подведомственным ей должностными лицам и управлениями она распоряжается с помощью указов.

Консистория состоит из Присутствия и канцелярии. Постоянное ее Присутствие составляют определенное штатами число членов; в особых обстоятельствах Св. Синод может учредить еще и временное Присутствие, присоединив к постоянным членам Консистории трех или четырех Присутствующих. В С. Петербургской и Московской епархиях Присутствие Консистории имеет два отделения (экспедиции); каждому из них поручен свой круг дел. Все члены выбираются архиереем из числа лиц пресвитерского сана, монашествующего или белого духовенства, и утверждаются в своей должности Синодом; им же и увольняются, по представлению архиерея. Архиерей может своей властью а) устранить члена Консистории от присутствия по делу, к которому он причастен или от которого он законно отводится подсудимым; б) удалить от присутствия в Консистории члена, привлеченного к ответственности по важному обвинению, до рассмотрения его дела; в) в случае отсутствия некоторых членов (напр., по причине продолжительной болезни)- назначить временно-присутствующего; в последних двух случаях он представляет донесение Св. Синоду.

Заседания Консистории происходят пять раз в неделю (кроме субботних и праздничных дней. Присутствия не бывает также в 1-ю и 7-ю нед. (и по пятницам) вел. поста).

Канцелярия Консистории (из штатного количества столоначальников и других чиновников) находится под началом секретаря; притом каждый стол вверяется, по распоряжению архиерея, особому наблюдению одного из членов. Секретарь назначается и увольняется Св. Синодом по выбору и предложению Обер-Прокурора; прочие же чиновники — Консисторией, при утверждении архиерея. Значение в Консистории ее секретаря не соответствует значению секретарей в прочих присутственных местах. Находясь под непосредственным началом архиерея, он, вместе с тем, состоит и в непосредственном ведении Обер-Прокурора Св. Синода, как блюстителя за исполнением законных постановлений по дух. ведомству, и обязан исполнять его предписания. Кроме общего надзора за канцелярией и доклада дел Присутствию, Секретарь, в случае разногласия среди членов по какому-либо делу или при принятии даже единогласного решения, но, по мнению Секретаря, не соответствующего обстоятельствам дела и закону, должен объяснить сущность дела и представить законы, на которых должно основываться решение дела.

Если же представления секретаря не будут приняты Присутствием, то он отмечает это в журналах и протоколах и подает архиерею рапорт с изложением своих заявлений членам. Он представляет отчеты Обер-Прокурору о ходе дел в Консистории. Таким образом, секретарь объединяет обязанности начальника канцелярского делопроизводства с некоторыми обязанностями Прокурора при епархиальном управлении; через него синодальный Обер-Прокурор наблюдает за исполнением законных постановлений по духовному ведомству.

Канцелярское делопроизводство определено согласно общим законам.

В Консистории сосредоточиваются все дела епархиального управления и суда (за исключением непосредственного, не подлежащего формальному делопроизводству, архипастырского суда архиерея). По некоторым делам управления она представляет собой как бы канцелярию епархиального архиерея (собирает необходимые сведения, хранит документы и акты, представляет справки, выдает свидетельства, принимает и отправляет по на-

значению денежные суммы и т.п.); по другим она принимает участие в надзоре и управлении архиерея (напр., приводит в исполнение его распоряжения, принимает донесения от должностных лиц, назначает ревизии, дает свои заключения); главный же предмет ее деятельности есть формальное судопроизводство по делам, отнесенным законом к ведомству епархиального суда.

По отношению к власти епархиального архиерея, Консистория не имеет самостоятельности. Всякое ее решение или распоряжение получает законную силу только после утверждения архиерея. Но он имеет право и не утвердить, по своему усмотрению, даже единогласно принятые заключения Консистории. В случае своего несогласия с ней, архиерей предлагает Консистории пересмотреть дело согласно его замечаниям; но и после этого он может не согласиться с ее мнением и вынести собственное решение, которое и должно быть приведено в исполнение; при таких решениях архиерея, мнение Консистории фиксируется только в тех бумагах, которые должны поступить в Св. Синод (напр., при апелляциях), или к Обер-Прокурору.

Все члены Консистории имеют равное право голоса; при разногласиях, решение по делу выносится по большинству голосов. Каждый член может остаться при особом мнении, которое и представляет архиерею.

Примечание 1. При епарх. архиерее состоит особая канцелярия со штатным секретарем.

Примечание 2. В прежнее время (с 18-го, и почти до середины 19 столетия) в уездных городах епархий были *Духовные Правления*, подчиненные Консистории; они состояли из нескольких (до 3-х) духовных членов и Канцелярии. В их обязанности входило, главным образом, проводить следствие по поручению епарх. начальства, рассылать его распоряжения и наблюдать за их исполнением, собирать отчеты и документы от церквей для проверки и представления в Консисторию, и т.п. В настоящее время дух. Правления остались только в немногих местностях, а именно: а) в Великом Устюге (Вологодск. еп.); б) в г. Сарапуле (Вятск. еп.). Еще есть дух. Правление вне пределов Российской Империи — в г. Сан-Франциско (Аляскинское), при епископе Алеутском.

Епархиальное попечительство о бедных духовного звания.

При каждой епарх. кафедре существует (с 1823 г.), отдельно от Консистории, как особое учреждение, Попечительство о бедных дух. звания, находящееся в непосредственном ведении местного архиерея. Оно состоит из нескольких (от 3 до 6, смотря по необходимости) *Попечителей*, избираемых из лиц белого духовенства (а в случае нужды — и из монашествующих). Определяет на эту должность епарх. архиерей, выбирая из кандидатов, представляемых ему Консисторией или самим Попечительством. Сверх того, тем же порядком, из белого духовенства назначаются *Сотрудники* Попечительства (от 1 до 3 на каждый уезд), для исполнения его поручений.

Ведению Попечительства принадлежит: а) оказание вспомоществования и призрения тем бедным из лиц духовного звания (заштатным членам причетов, вдовам и сиротам дух. лиц), которые имеют в этом настоятельную нужду; б) забота о поступлении, увеличении и сбережении материальных средств на это; в) дела по опеке над сиротами дух. лиц, не принадлежащих к потомств. дворянству.

Постоянные средства Попечительства состояются: а) из кружечного сбора по приходским церквам; б) из добровольных пожертвований благотворителей по соборным листам; в) из остатков дохода кладбищенских церквей и пожертвований от прочих церк-

вей, от продажи лесных материалов из церковных лесов и др.; г) из штрафных денег с лиц духовного звания; д) из части доходов от незанятых в приходах священно-церковнослужительских мест. Попечительство имеет право открывать, с разрешения архиерея, другие источники доходов. Устав Попечительства в XIII Томе Св. Зак.

Епархиальный Училищный Совет.

В каждой епархии утверждается Училищный Совет по церковно-приходским школам, который наблюдает за ними и высказывает соображения о мерах, способствующих распространению в народе христианского просвещения (через школы). Члены Совета из духовных и светских лиц назначаются архиереем; местный Директор народных училищ приглашается в Совет на правах члена. Архиерею предоставлено открывать отделения Училищного Совета в уездных городах или в других административных единицах епархии. Земские участковые Начальники состоят Членами этих отделений по делам церковно-приходских школ своих участков.

Благочинный.

По примеру периодов древней вселенской Церкви, у нас учреждена при епархиальном управлении должность *благочинного*, заменившая собой (с середины 17-го столетия) прежних, частично десятинников, частично поповских старост. Благочинные бывают двух родов: над монастырями и над епархиальными церквами и их причетами. И те, и другие избираются, по усмотрению архиерея, из кандидатов, представляемых Консисторией, — первые из монастырских настоятелей, вторые — из священников или протоиереев. Надзор за женскими монастырями может быть поручен благочинному мужских монастырей, а если удобно, может быть избрана и назначена смотрительница благочинства из игумений или из старших сестер монастыря, если он один. Они увольняются с должности или подвергаются взысканию не иначе, как по архиерейскому определению.

Надзору благочинного над причетом поручается от 10 до 30 окрестных церквей, которые составляют в епархии *благочиннический округ*; над монастырями же в епархии ставится один или несколько благочинных, по их (монастырей) числу и расстояниям друг от друга.

Права и обязанности благочинных того и другого рода определены особыми инструкциями, изданными Св. Синодом.

Обязанности благочинных над церквами сложны; предметы, относящиеся к их деятельности, весьма разнообразны.

а) Через благочинного епархиальное начальство производит непосредственный и всесторонний *надзор за церквами и духовенством* округа, с целью сохранения порядка в Церкви и исправности ее служителей на благо христиан и во славу Божию (инстр. 52). Его надзору подлежат состояние церквей и их имущества, благочинство в храмах, ведение церковного хозяйства, исправность церковных документов и их ведения, исполнение причетами их служебных обязанностей, жизнь и поведение всех духовных лиц, не только местных, но и пришлых, и даже поведение членов их семей. Его наблюдение должно распространяться и на религиозно-нравственную жизнь христиан в приходах и исполнение прихожанами его округа христианского долга, на обучение детей в сельских школах; особенно должен он следить за появлением в народе каких-либо суеверий, вымышленных чудес, мнимых святых и т.п. Всякие замеченные нарушения и отклонения от обязанностей и законов он должен ставить на вид кому следует и, по возможности, исправлять; о более

важных беспорядках или происшествиях в церковной жизни немедленно доносить епархиальному начальству. Для исполнения обязанностей надзора, он должен дважды в год посещать порученные ему церкви, составлять акты осмотра каждой церкви и, представляя их, каждый раз рапортовать архиерею о состоянии церквей своего округа.

б) Через благочинного приводятся в исполнение распоряжения епархиального начальства, относящиеся к приходским церквам и церковным причетам. Он объявляет указы и предписания начальства духовенству своего округа и следит за их исполнением; производит, по требованию начальства, нужные дознания и собирает сведения; принимает от церквей и отправляет в надлежащие места денежные суммы, всякие отчеты, ведомости и церковные документы от причетов, проверяя их; делает распоряжения о временном исполнении обязанностей выбывшего должностного лица и вводит в должность новоопределенных священников; заботится об охране имущества умерших членов причета и об опеке над их сиротами.

в) Благочинный имеет некоторую власть по отношению к причетам своего округа, напр., он разрешает недоразумения относительно смысла начальственных распоряжений, имеет власть давать нужные наставления и подтверждения служителям Церкви относительно обязанностей их служения и поведения, делать надлежащие указания, касающиеся их должности, и т.п.

Наконец, г) благочинному принадлежит некоторое право суда по таким спорным делам и жалобам среди духовных лиц, или между ними и прихожанами, которые могут быть завершены примирением, или по таким проступкам духовных лиц, которые, по законам, не требуют формального судопроизводства и могут быть устранены мерами увещевания, выговоров и т. п. Священника он имеет право штрафовать внушением при причете, а диакона и причетников, кроме того, и поклонами в церкви.

Особые права и преимущества благочинного: он властен, на время своего отсутствия по делам своей должности, поручать исполнение своих обязанностей по приходу кому-либо из священников своего округа. В Присутствии Консистории он имеет свое постоянное место, когда находится там для исполнения своих должностных обязанностей.

Благочинному над монастырями инструкция предписывает не столь широкий круг обязанностей и власти, ввиду особой организации монастырского управления и власти настоятелей монастырей. Его должность ограничивается только надзором за монастырскими порядками во всех отношениях, правом давать надлежащие советы, наставления, увещевания, требовать объяснений и доносить архиерею о недостатках и всяких чрезвычайных случаях в монастырях.

Приходы.

Епархия, как часть поместной Церкви, делится на несколько меньших частей, называемых *приходами*.

Приход есть совокупность православных обывателей определенной местности, составляющих собой общину для удовлетворения своих религиозных потребностей и имеющих свой храм (один или несколько) и при нем священника (одного или нескольких) с причетом.

Приходы у нас составлены из известных селений или городских участков с их православными жителями; других условий, точно определяющих состав приходской общины и принадлежность кого-либо к тому или другому приходу, в нашем законодательстве не содержится.

Изменение установившихся пределов прихода зависит от власти епархиального начальства и может быть произведено только по настоятельной необходимости. Закон, напр., запрещает такие изменения из-за недовольства части прихожан священником, что вызвало бы расстройство приходов и привело бы к путанице в церковных актах (Уст. Конст. 93).

Всякий новый приход учреждается по распоряжению епархиального начальства, с утверждением Св. Синода, причем начальство должно принимать во внимание то, чтобы приходы не множились без нужды и от этого не приходили бы в оскудение существующие церкви и их причеты. Поэтому епархиальное начальство, при поступающих к нему просьбах об образовании нового прихода, предварительно изучает при содействии гражданского начальства: действительно ли существует настоятельная потребность в новом приходе, достаточны-ли будут средства для содержания новой приходской церкви с ее причетом и допустимо-ли, без существенного ущерба для существующих приходов, исключение из них части прихожан. Кроме того, разрешение на создание прихода в селениях (кроме церковью Западного и Приамурского края, и также кроме случаев особой необходимости в новом приходе) должно даваться не ранее того, как просители обязуются построить дома для жительства причета. Это условие должно соблюдаться, по мере удобства и возможности, и при открытии приходов в городах. Упразднение приходов также принадлежит епархиальной власти, с разрешения Св. Синода.

Примечание 1. Кроме приходских церковью с причетами, существуют еще безприходные церкви с причетами, кладбищенские, церкви при казенных и общественных учреждениях (учебных, благотворительных, правительственных и проч.).

Примечание 2. Всех православных приходов в России насчитывается свыше 40 тысяч.

Приходский причт.

Каждый самостоятельный приход должен иметь одного или нескольких священников с причетниками (одним или несколькими) и, если можно, с диаконом.

В древней Руси число членов причета не было определено и зависело от желания прихожан или от лиц и учреждений, под покровительством которых состоял приход. С 18-го века, по причине непомерного увеличения числа священников и церковников, существенно превышавшего потребности в них, стали появляться постановления, определяющие число лиц приходского причета, соразмерно с количеством дворов в каждом приходе.

В 1728 г. было положено быть одному священнику на 150 дворов, двум — на 250 дворов, трем — на 300; причетников положено было иметь по 2 на каждого священника.

В прошлом столетии (с 1842 года) сельские приходы были разделены на семь классов, по числу народонаселения (от 300 до 3000 душ мужск. пола); соответственно классу были установлены как штаты приходских причетов, так и размеры их жалования, где оно было назначено (для низшего класса назначался один священник и один причетник).

По положениям 1869 г. были установлены новые штатные расписания сельских приходов и причетов, причем имелось в виду, главным образом, улучшение содержания сельского духовенства (Для изыскания мер к улучшению положения духовенства при Св. Синоде было учреждено особое Присутствие по делам православного духовенства, в 1962 г. Оно закрыто в 1885 г.). Многие приходы с малочисленным населением были присоединены с их церквами к другим приходам. Нормальный штат причета в каждом самостоятельном приходе был установлен из одного священника и одного причетника (В приходах

с населением не менее 1000 душ мужск. пола было разрешено иметь 2-х шт. причетн); только в многолюдные приходы и в такие, где деревни значительно удалены от приходской церкви, мог быть назначен второй священник в звании помощника настоятеля, и при нем второй причетник. Диаконская должность была исключена из штата; было позволено иметь только внештатных диаконов (на особом содержании у прихожан или на вакансиях псаломщиков). Такие постановления, вызывавшие практические неудобства в удовлетворении религиозных нужд сельских жителей во многих местах, были потом отменены Св. Синодом (1885 г.). Разрешив вновь открывать, на основании общих положений, упраздненные приходы, и определив выделить в особые и самостоятельные те приходы, которые прежде были присоединены вместе с их церквями и причетами к другим приходам, Св. Синод отменил разделение священников на настоятелей и их помощников, и увеличил штат причета введением диаконской должности в приходах, имеющих более 700 душ мужск. пола (архиерею, впрочем, было предоставлено право назначать диаконов в приходы с меньшим населением, имеющие средства к обеспечению содержания их причета). Штатных псаломщиков было положено иметь по одному на каждого священника.

На учреждение новых штатов причетов во вновь открываемых приходах, и на всякое изменение в штатном расписании приходов, епархиальное начальство испрашивает разрешения Св. Синода. Определять кого-либо в церкви в число причетников сверх положенного штата запрещено законом. В церквях, для которых штат причета не определен особым постановлением, за основу принимается штат, существующий с прежних времен.

Определение лиц на церковное служение принадлежит, по учению св. Писания, и по каноническим правилам, непосредственно власти епархиального архиерея и объединенно с его нравственной ответственностью (I Тимоф. 5:26; Впрочем, в древней Церкви это делалось с участием клира и народа). В древней Руси, при недостатке духовных школ и учреждений для подготовки лиц к священно-служительским должностям, епископы должны были требовать от вводимых в священство, чтобы их благонадежность была засвидетельствована их соседями и знакомыми (постановл. Владимирского Собора 1274 г.). Такие одобрения превратились, с течением времени, в приходские выборы, но породили и злоупотребления. Эти злоупотребления обычно состояли в а) приобретении избирателей подкупом (на что указывал царь Иоанн IV Стоглавому Собору, утверждая, что угличане брали с избираемых ими в причет большие деньги, и на что обратил внимание также Московский Собор 1557 г.); б) посягательстве на существенное право святительской власти ставить того, кого сам епископ признает достойным (на что указывал царь Иоанн IV там же, разъясняя, что избранных по собственному усмотрению владыки, хотя бы “грамоте был горазд и чувствен,” угличане не принимали); в) появлении в причете людей не сведущих, которые, по выражению Собора 1667 г., “ниже скоты пасти умеют, кольми паче людей.” Для пресечения подобных злоупотреблений установились правила избрания прихожанами кандидатов на священство, причем постоянно выражалась та мысль, что рукоположение представляемого приходом зависит от усмотрения епископа, и что такой порядок определения в клир является временной мерой, до момента наличия достаточного числа подготовленных лиц, получивших образование. Дух. Регламент говорит, что прихожане или живущие в своих вотчинах помещики, избравши кандидата в священники своей церкви, должны в донесении архиерею засвидетельствовать его доброе и незазорное поведение (указать также средства его содержания). Указ 1797 г., 24 Июня, отменяя упомянутую статью регламента, постановляет, чтобы прошения об определении на место подавались только от желающих поступить на таковое, с приложением от прихожан одобрения част-

ного поведения просителя. Составлена была и форма этих одобрений (Собр. Зак. Т.24, № 18016 и т. VI, № 3911). Когда стали учреждаться духовные школы, учившихся в них было велено определять на церковное служение, не дожидаясь просьбы от прихожан; Собр. Зак. Т. 10, № 7364. и после того, как духовные школы стали подготавливать для церковного служения достаточное число лиц, вполне известных епископу и мало известных, или все неизвестных, приходам, приходские выборы сами собой вышли из употребления, в силу тех самых распоряжений, которыми были установлены.

По действующему праву, власть архиерея в деле определения на церковные должности и места не ограничена тем условием, чтобы кандидат был избран прихожанами или назначался с их согласия и одобрения.

Впрочем, у прихожан не отнято право заявлять свое желание иметь на таких должностях известных им лиц или свидетельствовать о добрых качествах лица, ищущего рукоположения (Ук. Св. Син. 16 Июня 1884 г. № 1514; Уст. Конс. 70).

На священнослужительские должности определяются принадлежащие к епархии лица, окончившие полный курс богословских наук в духовно-учебном заведении. При отсутствии в епархии кандидатов на священство и на занятие церковных должностей, епархиальное начальство может вызвать достойных из других епархий, где духовенство многочисленнее; епархиальным архиереям предоставлено в подобных случаях право назначать и не обучавшихся в духовных семинариях, или не окончивших в них курса, известных им лиц, которые по своим познаниям, нравственным качествам и способности к служению на известной церковной должности будут признанными достойными ее.

Согласно каноническим правилам (Апост. 15; 1 всел. 16; 4 всел. 20 и др.), никто из принадлежащих клиру не может переходить из своей епархии в другую в поисках места, и без согласия своего епископа не может быть определен в какой-либо церкви чужой епархии.

Приходский священник.

Приходский священник должен быть духовным руководителем или пастырем вверенного ему прихода и преподавать своей пастве все необходимое освящение.

1) Как пастырь и духовный учитель, он обязан наблюдать за религиозно-нравственной жизнью своих прихожан, наставлять их в вере и христианской жизни как в церкви, так и вне ее, отвращать, при всяком удобном случае, от всяких суеверий и вразумлять заблуждающихся. Нерадивых в исполнении христианских обязанностей он имеет право исправлять духовными наказаниями (эпитимьями); о вредных и нераскаянных злодеях, о производящих в народе соблазн он обязан сообщать своему начальству. Особенно должен он заботиться об обучении детей своих прихожан началам христианской веры, заповедям и молитвам, а также грамоте; с этой целью он должен устроить церковно-приходскую школу и обучать в ней, при содействии прочих членов причета; обязан также наблюдать за религиозно-нравственным направлением обучения детей в других школах его прихода.

Уставом о Школах Грамоты (Высоч. утв. 4 Мая 1891 г. Они подлежат ведению и наблюдению исключительно дух. начальства) на приходского священника возлагается: а) ответственность за православно-церковное направление этих школ в его приходе и б) работа о поиске для них благонадежного учителя и попечителя, а также о снабжении школ необходимыми пособиями и руководствами.

Учредители школы избирают учителя по соглашению со священником. Лицо, не имеющее свидетельства на звание учителя начального образования, либо учителя церковно-приходской школы, получает от священника письменное разрешение на должность учителя в школе грамоты, после испытания священником знания им молитв, св. истории, краткого катехизиса и прочих предметов обучения в этой школе. Вместе с учителем и попечителем школы (в присутствии, по возможности, сельских властей) священник проводит для учеников, по окончании учебного года, испытание, и выдержавшим его выдает форменное удостоверение. Попечители школы утверждаются а этом звании архиереем, по ходатайству священника перед уездным отделением Училищного Совета.

2) Как *священнослужитель*, приходский священник обязан неукоснительно отправлять в своей церкви общественное богослужение в праздничные дни (в тех городских церквях, где священников несколько, богослужение должно совершаться ежедневно), совершать для прихожан все порученные ему таинства и священнодействия, согласно с церковным уставом. Ему дано право присоединять к православной Церкви желающих того иноверцев из христиан и раскольников.

3) Соответственно званию *настоятеля церкви*, священник осуществляет основное наблюдение за благоустройством церкви и ее имуществом, за церковным порядком и благочинством. Вместе с причетом и церковным старостой он заведует церковным хозяйством. На его ответственности лежит исправное ведение всех церковных актов и документов, и всего письменного делопроизводства, относящегося к церкви. По отношению к прочим членам причета священник является их руководителем и наблюдает за их благонравным поведением и исправным исполнением должности; они обязаны оказывать ему почтение и послушание; не отлучаться без его ведома ни на один день. Он имеет право штрафовать их выговорами при других, а причетников — поклонами в церкви.

Священник обязан объявлять в церкви своего прихода Высочайшие манифесты и указы, издаваемые со словами: “Объявляется всенародно,” — по предписанию духовного начальства или по распоряжению гражданского начальства, но только официально и непременно письменному.

Власть священника ограничена пределами его прихода. Служить в чужой церкви и исполнять требы в чужом приходе без разрешения местного настоятеля, или не будучи уполномоченным на то своим начальством, он не имеет права, и прихожане обязаны обращаться с просьбами о совершении у них треб только к своим приходским священникам. Ни один священник не в праве отказываться от совершения даже в чужом приходе таких треб, как крещение младенца и напутствие больного, но только в случае крайней необходимости, по причине смертельной опасности.

Примечание. Священник может принимать на исповедь чужих прихожан, давая им об этом свидетельства для представления их приходскому священнику.

В исполнении своей должности священник подчинен только своему архиерею, по отношению к которому он является как бы наместником, и получает приказания только от своего духовного начальства; ему же и дает отчет по своей службе. Но законные требования местных гражданских властей, насколько это касается его должности и зависит от него, он обязан исполнять.

Дьякон.

По постановлению древней вселенской Церкви, обязанностью диаконов при богослужении было наблюдать за его порядком и благочинством, заведывать церковной утва-

рю, готовить все необходимое для священнодействий, помогать епископам и пресвитерам совершать некоторые богослужебные действия, главным образом — побуждением присутствующих к молитве (ектинье) и чтением Слова Божия. Вне богослужения диаконы, по назначению епископа, раздавали из церковных средств вспомоществования бедным, надзирали за низшими клириками и исполняли разные другие поручения епископа, были ближайшими его служителями (по выражению некоторых церковных учителей, — были очами, ушами, устами, сердцем, десницей епископа).

В русской Церкви диаконы как прежде назначались, так и теперь назначаются в некоторые церкви в помощь священникам при богослужении (действиях, указанных в богослужебном уставе) и для большего его благолепия. С разрешения своего настоятеля диакон может поучать прихожан в своей церкви и быть законоучителем или учителем в церковно-приходской школе (последняя обязанность должна, по возможности, объединяться с диаконской должностью). Притом, прохождение диаконского служения должно быть естественной подготовкой к священнической степени (Ук. Св. Синода 1885 г. № 308).

Причетники.

Их обязанность: исполнять положенное чтение и пение при богослужении в церкви и приходе, а также прислуживать священнослужителям при богослужении и сопровождать священника по приходу при совершении им треб. Настоятель церкви может поручать им церковное письмоводительство. В управлении церковно-приходскими делами они принимают некоторую долю участия и подписывают вместе со священником все церковные документы по всем церковно-приходским делам; предписания начальства даются на имя всего причета, и от имени всего причета идут к начальству представления по этим делам; за незаконные или неосмотрительные действия священника, в которых принимали участие причетники (напр., за венчание незаконного брака), они также подвергаются ответственности, в соответствии с их должностями.

Приходские причетники назывались у нас из стари, одни дьячками (от слова дьяк), другие *пономарями* (от греческого *παροικονόμος* — приставник); теперь, без различия, штатным, не вольнонаемным, служащим причетникам присвоено законом звание *псаломщиков*.

Полное исключение из штата всякого члена клира может состояться или по формальному суду, или по болезни и старости, когда он окажется неспособным к продолжению служения. Уволенный за штат священник в своем поведении подлежит общему порядку надзора епархиального начальства и обязан приписаться к какой-либо церкви; он может, с согласия местного настоятеля, совершать в ней временами богослужение (Уст. Конст. 78, 79).

Церковный Староста.

При каждой приходской церкви полагается быть *церковному старосте*. Эта должность была установлена (еще указом Петра I; 1718 и 1721 гг.) сперва для продажи церк. свечей и для записи прихода и расхода по церкви; впоследствии, по указам Св. Синода (1736 г.), круг обязанностей церк. старосты был несколько расширен и точно определен особыми инструкциями.

По ныне действующей инструкции (Высочайше утвержденной в 1890 г.), церк. староста есть поверенный прихожан и исключительно ими избранный на 3-х летний срок, для

совместного с причетом приобретения, хранения и употребления церк. денег и всякого церк. имущества. Право быть избирателями принадлежит членам приходской общины, не менее 25 лет от роду, допускаемых к участию в собраниях местного сельского или городского общества, или в собраниях дворянства; это право не может передаваться по доверенности. Выборы должны проходить в приходском храме, под наблюдением благочинного или его заместителя, в присутствии причета. Приходский причет назначает время выборов и (в городах) составляет списки лиц, имеющих право участвовать в выборах; но сам не принимает в этих выборах участия.

В церк. старосты не могут быть избраны: а) лица, моложе 25 лет от роду; б) сектанты, а также нерадивые к христ. долгу (не бывающие на исповеди и св. Причастии); в) состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, и подвергшиеся тюремному заключению или большим наказаниям; уволенные по суду со службы или из духовного ведомства за пороки, или из обществ и дворянских собраний, по приговорам сословий, или сложившие с себя свящ. сан; г) несостоятельные должники, а также состоящие под опекой за расточительность; д) в сельских приходах — волостные старшины и писаря (пока они состоят в этих должностях), а также содержатели, приказчики, сидельцы заведений по продаже спиртных напитков вразлив. Письменный акт о состоявшемся выборе представляется архиерею на рассмотрение и утверждение. Утвержденный в должности старосты принимает присягу по особой форме.

На церк. старосту возлагается обязанность: собирать и принимать всякие поступающие в церковь доходы и пожертвования; совершать всяческие покупки для нее и производить всякий необходимый в ней ремонт; наблюдать за исправным состоянием церкви, ее домов, и всего ей принадлежащего, а также за служителями при ней; вести приходно-расходную отчетность (если он грамотный); следить за соблюдением богомольцами тишины и порядка в церкви и вне ее (при крестных ходах); наблюдать, чтобы в приходе не велась незаконная торговля церк. восковыми свечами. Но так как церк. собственность, по канонам (Апост. 38, 41), должна находиться в ведении и распоряжении церк. власти, то староста не имеет права самовластно распоряжаться ею и обязан при ее употреблении беспрекословно повиноваться епархиальному начальству, и все распоряжения церк. старосты должны происходить с ведома и согласия причета, который, вместе со старостой, отвечает за целостность и правильное употребление церк. имущества.

К участию в срочной или экстренной проверке прихода, расхода или наличности церк. сумм должны привлекаться особые *уполномоченные* от прихожан. Они, в числе двух, избираются на годичный срок также собранием прихожан из лиц, удовлетворяющих тем же требованиям, что и церк. старосты.

Закон дает церк. старостам некоторые преимущества и права на награды. Старосты из крестьян освобождаются от нарядов и общественных работ, от обязанности присяжных заседателей (Ук. 11 Сент. 1867 г.). Старостам не из крестьян присвоен мундир дух. ведомства (в столицах и губернских городах — 9-го класса, а в уездных городах и селах — 10-го кл.), а старостам из крестьян — особый кафтан. Прослужившие три трехлетних срока кряду имеют право носить эту форму после оставления должности; кроме того, в случае избрания их на 4-е трехлетие, они представляются к соответствующей их званию награде. По выслуге 3-х лет старосте выдается, по его увольнении, похвальный лист от архиерея.

Примечание. Для бесприходных городских церквей старосты избираются городскими Думами (в составе гласных, только правосл. исповедания, без участия иноверцев); кандидаты же представляются от причетов этих церквей. Для церквей при казенных, об-

щественных и благотворительных заведениях старосты избираются начальством заведений и утверждаются архиереем. Для домашних церквей частных лиц, а также молитвенных домов и часовен, приписанных к церквам, старосты не положены. Для церквей военного ведомства командиром воинской части или учреждения назначаются ктиторы (из офицеров или чиновников). Обязанности ктитора такие же, как и церк. старосты. Но, независимо от него, тем же порядком могут быть назначены, при утверждении Протопресвитера, также и церк. старосты; а в церкви военного ведомства, имеющие приходы, старосты избираются прихожанами в согласии с общим порядком, и утверждаются епарх. архиереем.

Приходские попечительства.

Положением 1864 г. определено постепенно открывать в приходах *Попечительства*. Цель Попечительства — забота о благоустройстве и благосостоянии церкви и причета в хозяйственном отношении, а также об организации начального обучения детей, и о благотворительных действиях в приходе. Источниками должны служить добровольные пожертвования от прихожан и других жертвователей через кружки, подписки, сборные книги, или сборы с прихожан, устанавливаемые для изъявивших на это согласие общим собранием. Эти сборы не должны смешиваться между собой по своему назначению и производятся на каждый предмет деятельности Попечительства отдельно. Эти средства не могут также смешиваться с собственно церковными материальными средствами.

Попечительства состоят из местных священнослужителей, церковного старосты, и из избранных общим собранием приходской общины его членов, отличающихся благочестием и преданностью православной вере; число членов и срок их служения определяется тем же собранием. Собрание составляется из всех православных домохозяев прихода, из прихожан не владеющих в приходе домами, но имеющих, по закону, право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества, или же (из дворян) в собраниях дворянства, а также — из прочих прихожан, которых Попечительство признает полезным пригласить. Волостные старшины сельских обществ — неперменные члены Попечительств во всех приходах своей волости. Председатель — всегда избранное собранием лицо (Ему присваивается звание Попечителя прихода); заместитель же его — настоятель црккви (если он не председатель). Попечительство открывается при утверждении епархиального архиерея, представляет на его рассмотрение все сомнительные и превышающие права Попечительств случаи; в своих действиях оно контролируется общим собранием через уполномоченных.

Как общественные учреждения и органы местных обществ, Попечительства пользуются покровительством духовного и светского начальства и имеют право на их содействие и на казенное пособие.

Церковные Братства.

С приходскими Попечительствами не нужно смешивать Братства или благотворительные общества при церквах или монастырях, учреждаемые для служения нуждам православной Церкви (напр., для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев, для строительства и украшения православных храмов) или для дел христианской благотворительности и утверждения духовного просвещения. Церковные Братства составляются из православных лиц разного звания и состояния; в своих действиях они руководствуются специальными уставами, разработанными на основании общих положений

(Утвержд. В 1864 г.) и утверждаемыми епархиальным архиереем при сношении с гражд. начальством. Церковный причет и староста могут не быть членами Братства.

Примечание. Первоначально, церковные братства создавались в конце 16 века в Юго-Западной России в землях, подвластных Польше, где православная Церковь находилась тогда в бедственном положении от происков иезуитов и притеснений польского правительства. В то время братства принесли православной Церкви величайшую пользу в сохранении православия и русской народности. Их общие правила и церковные права, очень широкие, были утверждены Константинопольским Патриархом, в церковной зависимости от которого находилась тогда Юго-Западная Россия (после разделения русской митрополии). Братства брали под свое покровительство церкви и монастыри, надзирали за духовенством; их члены наблюдали за поведением друг-друга, оказывали взаимную религиозно-нравственную и материальную помощь, обличали несовместимые с христианским законом поступки не только своих членов, но даже своих епископов, искореняли всякое церковное бесчинство и т.п. На свои средства они заводили школы, типографии, благотворительные учреждения, издавали книги во благо православной Церкви.

Вне-епархиальные духовные ведомства.

Военное духовенство.

С образованием в России при Петре I постоянного регулярного войска, было признано необходимым назначить для подразделений войска (полков) особых священников, и иеромонахов — для флота, чтобы совершать для православного воинства необходимые священнодействия, давать ему всякое духовное утешение и ободрение, и которые были бы в походах со своими частями. Для надзора за этим духовенством в военное время назначались *полевые обер-священники (в армии) и флотский обер-иеромонах*; в мирное время оно подчинялось, по месту расположения частей войска, местным архиереям. В конце XVIII ст., при Павле I, было учреждено особое постоянное управление военным духовенством, в лице *Обер-Священника армии и флота*, непосредственно подчиненного Св. Синоду. Впоследствии управление духовенством гвардейских, а потом и гренадерских корпусов было отделено и поручено особому *Обер-Священнику Главного Штаба, Гвардии и Гренадер*. Затем оба эти духовных начальника были переименованы в Главных Священников (с 1858 г.).

По последним постановлениям (полож. 1890 г.), заведывание всеми церквами и духовенством военного и морского ведомства поручается одному духовному лицу, именуемому Протопресвитером военного и морского духовенства (в то же время он состоит и Протопресвитером Преображенского всей Гвардии собора в Спб.). Избираемый Св. Синодом, он утверждается Высочайшей властью и находится в непосредственном ведении Св. Синода. При Кавказской армии был прежде (с 1840 г.) особый Обер-Священник (потом — Главный Священник), подчиненный Главному Священнику всей армии и флота.

При протопресвитере учреждено *Духовное Правление*, состоящее из пяти членов, избираемых Протопресвитером и учреждаемых Св. Синодом, из числа петербургских военных священников, живущих в С.-Петербурге. При Правлении — канцелярия с чиновниками (3 стола), под наблюдением делопроизводителя, который находится в непосредственном ведении Обер-Прокурора Св. Синода. Делопроизводство ведется в соответствии с уставом Дух. Консистории.

Ближайшее наблюдение над церквами и духовенством поручается *дивизионным Благочинным*.

Военные священники должны исполнять все священнослужительские и пастырские обязанности для чинов своей части и их семейств, вести церковные документы, заведывать, под наблюдением командира своей воинской части, церк. хозяйством, вместе с ктитором церкви и церк. старостой (где таковой имеется). В частях, не имеющих своей постоянной церкви или здания, приспособленного для богослужения, священники должны неукоснительно отправлять богослужение во все праздничные дни в церквах епарх. ведомства, указанных им епарх. начальством; при этом, относительно очередности служб, церковных расходов и доходов они вступают в соглашение с местным настоятелем церкви. При мобилизации и во время военных действий они обязаны следовать, по назначению, с воинскими чинами, быть в указанных местах неотлучно и безусловно повиноваться начальству.

Находясь в безусловном подчинении своему Протопресвитеру, военное духовенство поставлено в подчиненное положение также и к архиереям, по месту своего пребывания. Военные священники обязаны являться к местному архиерею по прибытии на службу в его епархию, и при посещении архиереем епархии, должны помянуть его имя при богослужении, обращаться к нему в случаях, требующих епископского авторитета и наставления. Как протопресвитер, так и архиерей имеет власть разрешать недоразумения и разногласия между военным начальством и военным священником при исполнении последним церковно-богослужебных обязанностей, производить дознания об их проступках по службе и поведению (не требующих формального следствия и суда) и подвергать за них установленным (административным) взысканиям; формальный же суд производится исключительно местным архиереем через Духовную Консисторию.

Примечание. На суда флота протопресвитер, по согласованию с архиереем той или иной епархии, назначает иеромонаха или вдовствующего священника, который в течение всей своей службы на флоте продолжает находиться в ведении своего епарх. начальства, а по ее окончании возвращается в свою епархию. В 1902 г. учреждены штатные судовые священники из белого духовенства (Церк. Ведом. 1902 г. № 26).

Придворное духовенство.

Духовенство Придворных церквей находится под управлением Протопресвитера-Духовника Их Величеств и в непосредственном подчинении Св. Синоду.

Лавры и ставропигальные монастыри.

Они также изъяты из епархиального ведомства и подчинены центральному церк. управлению.

Управление в других православных автокефальных Церквах.

В Константинопольской Церкви.

К ней принадлежат правосл. христиане, живущие в европейской части Турецкой империи и в Малой Азии. Во главе ее управления стоит Архиепископ Константинополя,

Нового Рима, и *Вселенский Патриарх* (носит титул *Святейшества*). “Будучи в церковном отношении вождем духовным народа, он является вместе с тем, в политическом отношении, органом верховной власти при осуществлении ее постановлений и мероприятий, касающихся мирских интересов в подведомственной ему христианской среде” (устав о патриар. выборах, гл. 1, ст. 8).

При Патриархе находятся: *Священный Синод* и постоянный *Народный* (смешанный) *Совет*.

Свящ. Синод состоит из 12 членов, в числе которых 4 постоянных члена (Митрополиты Ираклийский, Кизический, Никомидийский и Халкидонский.), прочие же — из епарх. архиереев, входящих в состав Синода по очереди, на определенный срок. Он заведует всеми духовными делами, а также благотворительными учреждениями и народными школами. Председательствует в нем сам Патриарх.

Народный Совет есть церковно-гражданское учреждение, ведающее финансовой и церковно-хозяйственной частью патриархата, а также гражданской юрисдикцией в том объеме, в котором она предоставлена Патриарху турецким правительством. Совет состоит из 12 членов; в их числе — 4 архиерея, избранные Синодом из синодальных членов; прочие члены — светские лица, избираемые из жителей столицы представителями ее приходов, с участием Синода и народного Совета. Половина членов ежегодно обновляется. Председательствует Патриарх, или старший из архиереев. Печать Синода разбирается на 6 частей, каждая из которых находится у одного из постоянных его членов (ключ от них — у Патриарха); точно также, печать Народного совета делится на 3 части, из которых одна хранится у архиереев, а остальные у светских членов.

При Патриархе состоят еще несколько должностных лиц (делящихся на *пятерицы*). Высшая из них (1-я пятерица): великий эконо́м, великий сакелларий, великий скевофилак, великий хартофилак, сакеллий. Не имея епископского сана, они считаются, однако, по своему должностному рангу выше епископов. Особое значение имеет *Великий Логофет*, избираемый Патриархом и Синодом из знатных греков и утверждаемый Портой. Через него Патриарх ведет официальные сношения с правительством; кроме того, Логофет скрепляет своей подписью решения Синода по назначению на архиерейские кафедры, готовит для этого грамоты, взывая за них определенные пошлины.

Патриарх избирается особым *собранием*; оно созывается для выборов и составляется из членов Синода и постоянного Народного совета, из высших государственных православных сановников, из представителей гражданских чиновников, военного ведомства, свободных профессий (также православных), из делегатов от всех приходов столицы, из одного банкира, из депутатов от тех епархий патриархата, которые пользуются правом голоса в этом Собрании, и из представителя Князя острова Самос. В список кандидатов патриархия вносит имена тех лиц, которые сообщаются ей от всех епарх. архиереев (в запечатанных конвертах); светские члены Собрания представляют своих кандидатов для внесения в список закрытой баллотировкой. Порта, получив этот список, может вычеркнуть из него тех лиц, которые будут признаны ею ненадежными в политич. отношении, и в течение суток возвращает его. После этого Собрание (закрытой баллотировкой) избирает трех лиц, из которых члены Синода, в церкви, избирают Патриарха тайным голосованием.

Синод совместно с Народным Советом может низложить Патриарха.

Патриархи прочих частей Турецкой империи могут сношаться с правительством только через константинопольского Патриарха, и без его разрешения не могут прибыть в столицу.

Болгарская Церковь.

Во время существования независимого Болгарского царства в нем было особое патриаршество (Сперва (в 10 в.). Доростольское или Предславское, потом Тырновское (13 в.); с падением царства последнее было уничтожено, и Болгария в церк. отношении подчинялась константинопольскому Патриарху. В 19 веке, около 70-х годов, болгары отделились от Патриарха, за что и отлучены им от Церкви, по постановлению Константинопольского Собора в 1872 г. (осудившего *племенное деление* в Церкви, приемлющих оное и основывающих на нем племенные сходы, т.е. церковные. Предложение Патриарха созвать по этому поводу вселенский Собор было отклонено русским Св. Синодом). Однако болгары получили от Султана утверждение их церковной самостоятельности, с тем, чтобы Патриарх признавался их высшим духовным главой в вероисповедальных делах.

Болгарская Церковь управляется свящ. *Синодом и Экзархом*.

Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская Церкви.

Число членов этих Церквей незначительно (около 30 тысяч во всех вместе). Управляются они также Патриархами при содействии состоящих при них Синодов (из местных архиереев и должностных лиц при Патриархе). Округ александрийского Патриарха — Египет, а местопребывания — г. Каир. Патриарху “великого града Божия Антиохии и всего Востока” принадлежит Сирия, Месопотамия и Аравия; пребывает он в г. Дамаске. Наименьший округ — Патриарха “св. града Иерусалима и всей Обетованной Земли.” Все они титулуются “Блаженнейшими” (к титулу александрийского Патриарха присоединяется еще и почетное звание “Судья вселенной”).

Примеч. Почти все епарх. архиереи патриархатов носят титул митрополитов.

Церковь в Эллинском Королевстве.

Королевское правительство и единогласное решение епископов в Элладе объявило Эллинскую Церковь независимой от константинопольского Патриарха в 1833 г., вскоре после освобождения страны от Турок; но Патриарх протестовал против этого и даже прервал с ней общение, и только в 1850 г. был вынужден признать ее автокефальность.

Высшая церковная власть в Эллинской Церкви есть Священный Синод (в Афинах) под председательством Афинского Митрополита, состоящий из пяти членов — архиереев, которые поочередно вводятся в него на определенный срок. При Синоде есть королевский чиновник — *Эпитрон*; он подчинен Министру исповеданий, является представителем государственной власти в Синоде и скрепляет своей подписью Синодальные акты, без чего они не действительны. Синодская Канцелярия состоит из лиц, принадлежащих клиру, включая пристава. Дела, подлежащие ведению Синода, делятся на внутренние (чисто духовные) и внешние (имеющие отношение к гражданскому обществу). Первые исполняются Синодом независимо от утверждения их светским правительством; последние же требуют разрешения и утверждения королевской власти. Решаются дела большинством голосов.

При епарх. архиереях учреждены духовные *Дикастерии*, члены которых есть должностные лица при архиерее (эконом, хартофилак, протэкдик и проч.).

Примечание. В королевстве насчитывается 40 епархий.

Церковь в Сербском Королевстве.

Начало ее самостоятельности относится к концу 12-го века; первым ее архиепископом был *св. Савва* (сын царя Стефана Немани, основателя сербского царства). Ее автокефальность была признана константиноп. Патриархом. В 14 веке (при царе Стефане Душане) она стала патриархатом, под названием *инекского* (по имени монастыря, где жил Патриарх). В 18 веке (1766 г). Сербская Церковь утратила независимость и была присоединена к константинопольскому патриархату (причем все архиереи из сербов были удалены с их кафедр). Ее независимость была восстановлена только в 1862 г., вместе с образованием Сербского Княжества.

Высшее управление ею принадлежит митрополиту Сербскому (архиепископу Белградскому) и *архиерейскому Собору*. При епарх. архиереях учреждены Консистории из духовных лиц. Для принятия апелляций на епарх. суды существует Великий Дух. Суд из председателя — архиерея, архимандрита и по одному архипресвитеру (протоиерею) от каждой епархии, избираемых на 3 года.

Церкви в Австро-Венгрии.

В этих Церквах управление одинаково. Высшая власть в духовных делах (учения, богослужения, духовного суда) принадлежит Собору, созываемому раз в год из архиереев или уполномоченных ими, и митрополиту. Митр. Карловичский иногда жалуется от Императора титулом патриарха, без присвоения патриаршей власти. Для решения вопросов и всех дел церковного управления, за исключением чисто духовных (подлежащих ведению архиерейского Собора), раз в три года собирается национальный Конгресс (на 6 недель) из всех епископов, из депутатов от духовенства всех епархий и от народа (Число депутатов от мирян вдвое больше числа депутатов от духовенства), под председательством митрополита. При заседаниях Конгресса присутствует Комиссар от австрийского правительства. Конгресс избирает митрополита, решает вопросы о пределах административных округов, и приходов, об учреждении или закрытии монастырей, об организации церковно-правительственных учреждений и училищ, издает постановления, касающиеся церковного имущества и хозяйства, и контролирует их.

Местное церковное управление устроено по общему образцу. В епархиях оно осуществляется через Консистории (из духовных лиц под председательством архиерея) и через епархиальные Собрания, состоящие из духовных и светских выборных представителей от каждого протоиерейского (благочинного) округа. Также и в каждом приходе церковно-хозяйственными делами заведует общинный приходской Комитет из выборных от прихода.

Церковь в Румынском Королевстве.

Получив политическую независимость, Румыния объявила себя и в церковном отношении независимой от константинопольского Патриарха (1882 г.). После безуспешных протестов, Патриарх и его Синод признал (в 1885 г). ее автокефальность. Управляется она Свящ. Синодом, под председательством Митрополита.

Церкви в Черногории, на Синае и на о. Кипр.

Независимостью пользуются также: а) Черногорская Церковь, — под управлением Митрополита; б) Церковь на острове Кипр, — под управлением Архиепископа, и в) Синайская (на Синайском полуострове) с ее Архиепископом.

Управление в иноверных Церквах.

Устройство управления в Римско-Католической Церкви.

В устройстве своего управления римско-католическая Церковь имеет много общего с православной.

Папа (Pontifex maximus? Vicarius Christi). Главное и существенное отличие римско-католической Церкви, в этом отношении, от православной Церкви то, что верховным правителем, видимым ее главой, признается римскими католиками римский первосвященник, которому присвоено звание *Папы* (отец). Он обладает всей полнотой духовной власти, он есть епископ епископов; прочие органы церковного управления получают свою власть от него.

Он есть верховный законодатель Церкви, может издавать обязательные для нее постановления, касающиеся всех предметов церковной жизни и церковного управления, отменять прежние церковные законы, допускать диспенсации (прекращение обязательности общего закона для отдельных лиц и случаев), давать привилегии (права, которые не могут принадлежать лицу или учреждению согласно общему устройству и законоположению). Ему принадлежит высшая власть окончательного суда во всей Церкви, верховное право надзора и управления в ней. Власть Папы не подлежит ограничению со стороны епископства или вселенского Собора, постановления которого обретают законную силу после утверждения Папы. Над ним нет никакого суда, и он отвечает за свои действия только перед Богом и своей совестью. В силу такого положения Папы, в римско-католической Церкви не может быть поместных автокефальных Церквей.

В политическом отношении Папа не зависит от светской власти, как глава римско-католического мира, и считается равным коронованным особам.

Папа избирается присутствующими в Риме кардиналами в течение 12-ти дней после смерти своего предшественника, из числа кардиналов же, причем некоторые Монархи католических держав могут отстранять от выборов по одному кардиналу каждый. Выбор совершается в строго охраняемом стражей здании — конклаве и производится или большинством голосов (2/3), подаваемых в запечатанных записках, или единогласно, по чьему-либо предложению, или же комиссией, которой поручен выбор.

2) *Кардиналы* (cardinalis — главный). Так называются высшие духовные должности, особы при папском престоле, представляющие собой ближайших советников Папы и его помощников в управлении. Их назначение зависит исключительно от Папы. Они избираются из лиц всех трех степеней священства. По штату положено иметь 70 кардиналов: 6 — из епископов, 50 — из пресвитеров и 14 — из диаконов. Они носят титул *эминенции*, подчинены и подсудны только Папе. Все кардиналы в совокупности составляют *священную Коллегию*, под председательством кардинала, — епископа города Остии (их декана). Их собрание, под председательством самого Папы, образует Консисторию кардиналов. Когда папский престол бывает вакантным, Коллегия управляет всей Церковью и папским Двором.

3) *Римская Курия*. Так называется совокупность вспомогательных учреждений, через которые осуществляется управление римско-католической Церковью. Она состоит из нескольких конгрегаций под различными названиями, — постоянных или чрезвычайных;

они находятся под управлением кардиналов. Таковы, например, конгрегации: распространения веры (*de propaganda fide*), рассмотрения книг и внесения вредных из них в список запрещенных для чтения католикам (*indicis librorum prohibitorum*), рассмотрения вновь возникающих заблуждений (*inquisitionis*), и др.

4) *Митрополиты и Архиепископы*. Римско-католическая Церковь разделяется на митрополитские округа, которые состоят из нескольких епархий. Архиепископ одной из этих епархий, управляя ею в звании архиепископа, имеет право верховного надзора за управлением остальными епархиями во всей митрополии и носит титул их Митрополита. В других церковных округах первенствующие архиепископы носят почетный титул патриархов и примасов.

В России один митрополитский округ: Могилевский. Центральное руководство делами римско-католической Церкви в России и Финляндии сосредоточено в особом учреждении, которое называется *римско-католической Духовной Коллегией*, учрежденной в конце 18 столетия (в С. Петербурге). Она состоит, под председательством архиепископа Могилевского (митрополита римско-католических церквей в России), из двух членов (епископа и прелата) и нескольких заседателей, избираемых кафедральными капитулами по одному от каждой епархии на 3 года, из числа прелатов или каноников. Дела, поступающие в Коллегию из епархии митрополита и решенные им лично, рассматриваются и решаются в Коллегии без его присутствия. При Коллегии состоит Прокурор и канцелярия. Все дела, требующие рассмотрения или решения светского правительства, представляются Коллегией Министру Внутренних Дел, который через ее прокурора наблюдает за ходом дел, делает ей свои предложения и дает заключения. С Правительствующим Сенатом Коллегия сносится через донесения только по судебным делам и получает от него указы; с Министрами Внутренних дел и Юстиции она сносится представлениями.

5) *Епископы*. Во главе церковного управления в епархиях стоят епископы. Обычное и нормальное избрание епископа совершается кафедральными капитулами. Но бывают назначения кандидатов на епископство и в иных различных формах, напр., от Верховной Власти в государстве или от Папы; во всяком случае, избранный тем или иным способом епископ утверждается Папой.

В помощь епископу Капитулы избирают и назначают епископов *суфраганов*, соответствующих нашим епископам викариям. Иногда такие епископы получают право преемствовать своему епархиальному начальнику (епископ коадьютор).

Другим главным помощником епархиального архиерея служит *кафедральный Капитул*. Это Коллегия духовных лиц при кафедральном соборе, составляющая Совет или сенат епископа (пресвитерский Совет в древней вселенской Церкви). Капитул состоит из определенного числа прелатов (т.е. первенствующих членов), каноников и викарных священников. Прелаты и каноники назначаются архиереем, при утверждении гражданским правительством, из местных духовных лиц, имеющих церковную степень не ниже иподиакона и богословскую ученую степень. Капитул должен участвовать в архиерейском богослужении, давать архиерею советы в управлении епархиальными делами или свое согласие (в некоторых делах, напр., касающихся самого капитула или церковного имущества, это согласие обязательно для архиерея). Когда архиерейская кафедра бывает вакантной (если в ней нет епископа-коадьютора), Капитул избирает временно управляющего епархией викария, до времени назначения преемника умершему или выбывшему епископу.

Кроме того, в России в каждой римско-католической епархии есть *духовная Консистерия*, для предварительного рассмотрения некоторых епархиальных дел (распоряди-

тельных, дисциплинарных, хозяйственных, судебных, брачных и т.д.), подлежащих окончательному архиерейскому решению; круг ее полномочий сходен с таковым в православных Консисториях. Консистория имеет лишь совещательный голос и епископ даже не обязан объяснять оснований своих решений, если они расходятся с ее заключениями. Она состоит из *оффициала* (председателя), его помощника, визитатора монастырей и заседателей; они назначаются и увольняются своим архиереем. При Консистории есть канцелярия с секретарем и чиновниками, которые пользуются правами государственных служащих. Особенность Консистории состоит в том, что срок полномочий ее членов прекращается со смертью или выбыванием управляющего епархией епископа или викария; новый епископ или временный его преемник, принимая управление епархией, немедленно вновь формирует Консисторию (однако, всегда с согласия светского правительства).

Для ближайшего надзора за благосостоянием приходских церквей и служащими при них духовными лицами архиереем назначаются по округам епархии *декань*, соответствующие нашим благочинным.

б) *Приходские священники* имеют почти те же обязанности в приходе и такие же отношения с епархиальной властью, как и в православной Церкви. Где нет права патронажа или где он временно приостановлено, приходский священник назначается епархиальным начальником, с согласия правительства, после предварительного испытания и конкурса между кандидатами. В России настоятель прихода по управлению церковным хозяйством ограничен участием в этом деле патронов и выборных от прихода лиц. Патронаж над церковью может принадлежать духовному или светскому лицу из христиан любого вероисповедания; он приобретается или сооружением церкви, пожертвованием земли для нее, назначением содержания для нее и для причета или же переходом этого права от одного лица к другому (напр., при наследстве или при покупке имения, на котором лежит патронаж; иногда, (что бывает редко) он жалуется Папой. Патрон церкви, кроме некоторых почетных привелегий (напр., первого места в церкви), имеет право представлять архиерею кандидатов на место настоятеля церкви и право непосредственного участия в хозяйственных церковно-приходских делах (он — председатель приходского совета). При настоятеле церкви иногда бывает помощник в звании викария.

Все христиане римско-католического вероисповедания из русских подданных, духовные или светские, сносятся по делам своего исповедания с римским (папским) двором не иначе, как через Министра Внутр. Дел, который уведомляет о том Министерство Иностранных Дел. Никакие бумаги, послания и наставления римского Двора (Папы) не могут быть приведены в действие в империи и в финляндском великом княжестве без Высочайшего разрешения, испрашиваемого Министром Внутр. Дел, после предварительного удостоверения, что эти акты не заключают в себе ничего противного государств. постановлениям и свящ. правам и преимуществам Верховной Самодержавной Власти (Уст. иностр. испов. ст. 3, 8, 9).

Устройство управления евангелическо — лютеранской Церкви в России.

В основу ее церковного устройства положена приходская община и ее пастор.

1. *Пастор*, по учению протестантской Церкви, есть лицо, служащее выразителем религиозного сознания общества, и, в силу этой своей функции, уполномоченное обществом на проповедование Слова Божия (церк. учительство), на отправление общественного богослужения и совершение таинств. В принципе, пастор должен быть избран самим общест-

вом из лиц, способных отправлять его обязанности; но на практике этот принцип не везде выдерживается.

В России в разных местах существуют различные виды назначения пасторов; во всяком случае, никакой проповедник не может быть определен вопреки желанию прихожан, когда у них есть уважительные причины такое желание высказать. Кандидат в пасторы должен быть не моложе 25 лет от роду, иметь богословское образование (окончить курс на богословском факультете университета) и, кроме того, выдержать в Консistorии за определенный срок специально установленные экзамены. Первое испытание — для получения права проповедовать (*pro venia concionandi*), второе — для права получить приход (*pro ministerio*). Выдержавшего первое испытание каждый пастор может допустить к проповедованию в своей церкви. После второго испытания кандидат определяется на год в помощники к пастору (адъюнкты). Выдаваемые после второго испытания свидетельства сохраняют силу только в течение срока, соответствующего полученным аттестациям, после же этого срока требуется дополнительное испытание в форме беседы (*colloquium*); последнее условие соблюдается также тогда, когда кандидат ищет место в другом церковном округе. Кроме отправления проповеднических и богослужебных обязанностей, пастору вменяется в обязанность наблюдение за церковной дисциплиной в приходе и религиозной жизнью прихожан, за приходскими школами, попечение о бедных и посещение больных, ведение церковных документов, непосредственное участие во всех церковно-приходских делах (благотворительных, хозяйственных и др.).

Примечание. Звания епископов, архидиаконов, диаконов и проч. в протестантских Церквях указывают не на степени священства (которые там не признаются), а на различные церковно-общественные должности. Низшие церковные служители (кистеры и органисты) к духовному званию не причисляются и служат по найму.

Церковные Советы и Попечительства.

Для заведования имуществом, доходами и хозяйственными делами церкви, а также для сохранения церковного порядка и благочинства, для попечения о содержании служащих церкви, о призрении бедных в приходе и т.п. при приходах состоят или церковные Попечители (*Kirchen-Vorsteher*), или же церковные Советы из нескольких членов (4-12), называемых церковными Старшинами, Попечителями. Все эти должностные лица избираются на три года собранием прихожан, имеющих право голоса (в селах — владельцами недвижимой собственности). Пастор церкви — член Совета; в некоторых приходах звание Попечителя совмещается с должностью приходского пастора. Церковные Попечительства обязаны ежегодно давать общему Собранию прихожан (церковному конвенту) отчет о своей деятельности и состоянии церковной кассы. В селах, в помощь попечителям, приход избирает на три года церковных старост из селян, которые утверждаются попечителями и находятся у них в подчинении. Надзор в округах за попечительствами приходов принадлежит *Главным церковным Попечительствам* или *Инспекциям*, состав (Состоят как из духовных, так и из светских членов) и подчиненность которых различны в разных местностях. Главный же надзор за церковным имуществом принадлежит Генеральной Консistorии.

Церковно-правительственная власть.

Внешнее главное управление Церковью вообще предоставлено светской Верховной Власти. При этом, церковному обществу и его духовным представителям дается в

разных странах большая или меньшая степень самостоятельности; отсюда и правительственное устройство Церкви реализуется в различных формах.

В России евангелическо-лютеранская Церковь разделяется на несколько округов (соответствующих епархиям); их пределы указаны законом. В состав окружного управления входят Консистория, Супер-Интендант и Пробст.

а) *Консистория* состоит из светского президента, духовного вице-президента и духовных и светских членов поровну. Президент утверждается Государем или по представлению Министра Внутренних Дел, или по выбору местного дворянства или городского магистрата.

Духовные члены избираются пасторами, светские — консисториями или дворянством и магистратами; все они утверждаются правительством. Консисто́рии принадлежит в округе главный надзор, управление и суд по всем церковным делам (за исключением экономических, подведомственных Главным Попечительствам). Ее власть соответствует власти епархиальных начальников в других Церквах.

б) *Супер-Интендант* или (в некоторых округах) Генерал-Супер-Интендант является начальником всех духовных лиц консисториального округа и вице-президентом Консисто́рии; он посвящает пасторов, наблюдает за их деятельностью и поведением, за церковными учреждениями, посещает округа, пресекает замеченные беспорядки, имеет власть штрафовать подчиненных обычными выговорами (большие наказания зависят от Консисто́рии). Кандидат на эту должность избирается и утверждается тем же порядком, что и президент Консисто́рии. Супер-Интендант ежегодно собирает (где это возможно по местным условиям) *Синод* из пасторов своего округа или общее духовное совещание, с целью совершенствования каждого его члена через взаимный обмен мыслями и наблюдениями по разным предметам церковной жизни. Протоколы Синода доводятся до сведения Консисто́рии. Назначение его места и времени зависит от Председателя.

в) *Пробст*. Некоторые консисториальные округа, при утверждении правительством, подразделяются на несколько меньших округов, состоящих из нескольких приходов. Каждый такой округ вверяется надзору и руководству одного из пасторов — Пробсту (в других странах — декану). Пробст избирается пасторами округа и утверждается Министром Внутренних Дел. Его должность соответствует благочиннической в нашей Церкви. Он является непосредственным начальником духовенства в своем округе, ближайшим наблюдателем за отправлением должности и поведением пасторов, через него духовенству сообщаются все предписания духовного начальства. Он обязан посещать церкви своего округа и надзирать за ними во всех отношениях. В некоторых местностях Пробсту предоставлено право созывать собрания из пасторов для обсуждения церковных дел. Он непосредственно подчинен Супер-Интенданту.

Высшее центральное управление евангелическо-лютеранской Церкви в России есть *Генеральная Консистория*. В ее ведомстве находятся все окружные консистории и суперинтенданты; ей принадлежит право решения всех важнейших вопросов церковного управления, высшего надзора за управлением всей Церковью в стране, окончательного суда по всем церковным делам, главного наблюдения за распоряжением церковным имуществом и проч. Она состоит из светского Президента, духовного вице-президента (назначаемых Государем), двух духовных и двух светских членов, которые избираются на три года из консисториальных округов и утверждаются Государем. При ней состоит Канцелярия и Прокурор. По распорядительным делам Генеральная Консистория подчинена Министру

Внутренних дел, а по судебным (кроме чисто церковных дел) Правительствующему Сенату.

По закону, должны существовать еще *Генеральные Синоды*, которые созываются, с Высочайшего соизволения, Генеральной Консistorией для обсуждения вопросов, касающихся веры, богослужения, церковного устройства, правил благочинства, и для сообщения правительству сведений о потребностях евангелической Церкви. Эти синоды должны состояться из духовных и светских депутатов от консисториальных округов, а также из президентов и вице-президентов Консistorий, депутата от богословского факультета Юрьевского Университета и др. Впрочем, эти синоды не имеют законодательной власти; их решения получают законную силу только после их утверждения правительством.

Примечание. Евангелическо-реформатские общины в России имеют сходное с лютеранским церковное устройство. В некоторых местностях они имеют особое церковное управление (Коллегия и Синод в Вильно, для западных губерний); в других они подчиняются местным лютеранским консисториям, которые созывают, для рассмотрения церковных дел этих обществ, особые реформатские заседания, меняя для этого свой состав (вместо лютеранских духовных членов присутствует один или два реформатских пастора и столько же реформатских церковных старшин). Заведуют и распоряжаются хозяйством сами общины через свои церковные Советы.

Управление армяно-грегорианской Церкви в России.

Высшее управление ею принадлежит *верховному Патриарху* всех армян или *Католикосу народа Гайканского*. Его резиденция — Эчмиадзинский монастырь. Кандидаты на патриаршество избираются депутатами от всех армянских епархий, русских и иностранных, и Патриаршим Синодом; утверждение одного из двух представленных кандидатов принадлежит Государю. Депутаты для этого избрания назначаются от епархий по двое — один духовный и один светский. Для избрания назначается годичный срок.

При Патриархе состоит Синод из четырех епископов и четырех архимандритов, утверждаемых в должности его членов Государем. Патриарх является председателем Синода. Синод имеет высшую распорядительную и судебную власть в Церкви и окончательно решает все церковные дела; но во всех чисто духовных делах (напр., касающихся догматов веры, богослужения и т. п.) голос Синода только совещательный, окончательное же их решение принадлежит Патриарху, который не присутствует в Синоде при их рассмотрении. Такие дела ни в коем случае не рассматриваются в Синоде в то время, когда патриарший престол не занят. По делам пребывающих в России армян, Синод подведомствен Правительствующему Сенату, Кавказскому высшему управлению и Министру Внутренних Дел, наравне с прочими высшими церковными управлениями иноверных исповеданий. При Синоде состоит Прокурор и Канцелярия, члены которой утверждаются в должности Патриархом.

Как верховных пастырь всех армян-грегориан, Католикос утверждает в должности других патриархов своей Церкви; все они в духовных делах своих частных Церквей действуют с его согласия.

Армяно-грегорианская Церковь в пределах России разделяется на несколько (на 6) епархий, из которых одна (Эриванская) непосредственно управляется Католикосом, как ее архиепископом, через его викариев.

Каждая епархия управляется архиепископом, при содействии его викариев, консисторий, духовных управлений. Вообще, устройство армяно-грегорианской Церкви, ее

управление, права и обязанности духовных лиц и церковных учреждений такие же, как и в православной Церкви.

В общем круге государственного управления, делами иноверных христианских Церквей ведают в России Министерство Внутренних Дел, внутри которого производство этих дел сосредоточено в департаменте духовных дел иностранных исповеданий.

Отдел III. Общественное богослужение и священнодействия.

Церковное общество проявляет себя прежде всего и главным образом в общественном или церковном богослужении. В нем члены Церкви, входя в невидимое общение с Богом, вступают в видимое объединение друг с другом и своим участием в церковном богослужении свидетельствуют о своем союзе с Церковью. Кроме того, христианин, получая через священнодействия невидимые дары от Бога, или благодать, приобретает известные права в церковном обществе и принимает на себя известные обязанности по отношению к нему. Эта видимая сторона общественного богослужения составляет один из главных предметов церковного управления и входит в область церковного права.

Общие постановления.

О богослужении.

а) *Его исполнители.* Всякое общественное богослужение может быть исполняемо только теми лицами, которые призваны к общественному служению в Церкви и законно определены для этого. Этому требует само существо как церковного богослужения, так и власти, предоставленной священно-служителям. 1) Общественное богослужение приносится Богу от лица всей Церкви, следовательно, его исполнителями могут быть только лица, ею уполномоченные. 2) В общественное богослужение входят, как его существенные части, учение и священнодействия, доставляющие верующим благодатные дары и освящение; такие действия принадлежат к существу священнослужительской власти. 3) Общественное богослужение есть выражение единения с Церковью присутствующих при нем ее членов; единение с Церковью требует их общения с церковной иерархией; отделение от нее в богослужении есть нарушение союза с Церковью. Поэтому, всякое самочинное собрание для богослужебных целей, составленное не только мирянами, помимо законных представителей Церкви, но и священно-служителями, самовольно отделившимися от своего епископа, а тем более, находящимися под епископским запрещением, считается раскольническим, мятежным собранием, посягательством на церковную власть (Апост. 31; Ганр. 6; Ант. 4, 5; Карф. 10, 11) и строго осуждается церковными законами.

Не только совершение общественного богослужения и священнодействий, но даже участие в его совершении отправление некоторых второстепенных действий, напр., чтением или пением на амвоне, церковные правила позволяют не всякому без разбора, а

только лицам посвященным на это (Лаод. 15; Трул. 33; 7 Всел. 14). Впрочем, церковная практика допускает мирян, с позволения дух. начальства, к отправлению тех церковно-служительских обязанностей при церковном богослужении, которые не принадлежат исключительной компетенцией священно-служителей.

б) *Порядок богослужения.* Общественное богослужение должно совершаться по принятым Церковью правилам или уставу, без произвольных изменений и нововведений. Каноны строго воспрещают производить изменения в богослужебных обрядах, основанных на преданиях Апостолов и св. Отцов (1 всел. 20; 6 всел. 32), или употреблять при нем иные молитвы, кроме тех, которые составлены людьми просвещеннейшими в вере и благочестии и приняты Церковью (Карф. 116; Лаод. 18). Этими правилами православная Церковь ограждает, между прочим, чистоту веры своих членов, так как еретики нередко старались распространять и укоренять в народе свои лжеучения посредством вводимых ими церковных песнопений и молитв. Утверждать и вводить в церковное употребление вновь составленные обряды, молитвы и песнопения в праве только высшая церковная власть; в русской Церкви это право принадлежит Св. Синоду. Дав для руководства богослужебный устав, Церковь предписала, тем самым, соблюдать утвержденный ею порядок совершения церковных служб, указанную в уставе последовательность молитв, песнопений, обрядов. Если иногда и бывают терпимы некоторые отступления от книжного богослужебного устава, то они 1) касаются несущественных деталей богослужебного порядка и, главное, не каких либо нововведений или изменений, а только некоторых сокращений человеческой немощи ради (напр., касающихся повторения одной и той же песни); 2) подобные несущественные отступления основываются на утвердившемся обычае, допущенном церковной властью.

в) *Участники общественного богослужения.* Участвовать в церковном богослужении имеют право и призываются все члены Церкви, пребывающие в общении и союзе с нею. Отлучение от этого участия есть одно из наказаний, налагаемое судом церковной власти; только оно лишает христианина права на общение с Церковью или в таинствах, или же во всех молитвах. Непринадлежащий к православной Церкви не принимается в богослужебное общение с нею. Поэтому, священнослужитель православной Церкви не имеет права от ее имени совершать за них или для них те священнодействия и молитвословия, которые он уполномочен совершать для православных христиан. Впрочем, наша русская Церковь делает в некоторых случаях для иноверных христиан снисхождение, напр., православному священнику иногда допускается проводить до кладбища умершего иноверного христианина в священном облачении. Члену православной Церкви не позволено канонами принимать участие в общественном богослужении тех, кто отделился от единой Церкви (Апост. 10, 65; Лаод. 33). Такое общение с ними было бы признаком или индифферентности, или отчуждения от Церкви. Особенно же непозволительно это участие служителям Церкви (Апост. 45, 46), так как оно может послужить соблазну православных.

г) *Благочинство при богослужении.* Нравственная обязанность относиться к богослужению с должным благоговением требует строгого соблюдения при нем внешнего благочинства. В частности, от служащих требуется, чтобы чтение или пение было внятное, без поспешности или замешательства, без двоегласия или многогласия (т.е. не петь и не читать разных песнопений и молитв в одно время); чтобы поющие не употребляли безчинных воплей, не понуждали себя к неестественным крикам и не вводили ничего, несообразного и несвойственного Церкви (Трул. 75). Для исключения несвойственного Церкви пения, у нас запрещено употреблять произвольно иные мелодии, кроме тех, которые

одобренны церковной властью. Каждое нотное дух. произведение может быть употреблено при богослужении только после предварительного его одобрения Директором Придворной Певческой Капеллы и с разрешения Св. Синода, при этом только в печатном виде (Ук. Син. 1846 г. и 1852 г.). Безчинство во время богослужения есть не только преступление против общественного порядка, но и кощунство, оскорбление религии. Виновные в этом исполнители богослужения подвергаются тяжким наказаниям (Уст. Конс. 179-181). Наши законы, предписывая всем соблюдать при богослужении всяческую благопристойность и благочинство, вменяют в обязанность церковной и гражданской власти строго охранять мир и тишину во время службы не только а Церкви, но и вне ее (Уст. о пресеч. прест. 3, 8, 10, 15, 17. Улож. о наказ. 210, 211, 213; О наказ. мир. суд. 35, 36. В 1742 г. было распоряжение Сената, которым назначались особые сборщики для взимания штрафа с разговаривающих во время литургии (П. С. З. № 8583)), и обращают особенное внимание на происшествия, связанные с прерыванием богослужения или его прекращением из-за чьих-либо действий или слов, производящих со-блазн. Духовное начальство должно немедленно доносить об этом Св. Синоду и делать представления светской власти. В уложении царя Алексея Михайловича, за безчинство во время литургии, прервавшее ее совершение, положена была смертная казнь (Гл. I). Св. Синод в определенное время (через каждые четыре месяца) делает представление о всех подобных случаях на Высочайшее усмотрение, и о важнейших происшествиях немедленно доносит Его Величеству. Священнослужители не должны скрывать от гражданской поли-ции никаких происшествий в Церкви.

Примечание. Законами запрещено вести во время церк. службы разговоры, переходить с места на место, прикладываться к св. иконам, и вообще отвлекать внимание пред-стоящих от службы. Приходящему в церковь запрещено стоять на месте, предназначенном для священнодействия и вообще — там, где он может стеснять отправление богослу-жения; не освободивший этого места немедленно, после напоминания ему от священно-служителя, подлежит суду (Уст. о пресеч. преступл.).

О священных местах.

а) *Понятие о них и разделение.* Священными зданиями называются те, которые созданы во имя Божие и освящены для совершения в них общественного богослужения или для хранения святынь. То священное здание, в котором, по правилам Церкви, могут совершаться все таинства, всякое богослужение, в частности, божественная литургия (т. е. имеющее алтарь и престол), называется *церковью* (домом Божьим, храмом Божьим); про-чие же строения, предназначенные для молитвы и богослужения, или для содержания свя-тых икон, называются либо молитвенными домами, либо часовнями (последнее название — по имени того вида богослужения, которое может совершаться в них вместо литургии, т. е. службы часов).

По тому ведомству, к которому принадлежат церкви, по своему внешнему значе-нию, по условиям своего материального существования, они разделяются на придворные, синодальные, военные, монастырские, приходские, домовые, приписные и проч. — Быва-ют еще походные церкви в войсках, во флоте, у миссионеров. *Собором* называется главная церковь в городе или в известном ведомстве, учреждении. Собор, предназначенный для служения местного архиерея, называется *кафедральным* (от архиерейской кафедры).

б) *Сооружение церквей и часовен.* Относительно сооружения церквей и часовен, как церковные, так и гражданские законы имеют в виду главным образом то, что эти свя-щенные здания должны выполнять свое предназначение — быть местами молитв, учили-

щами веры и благочестия, и чтобы в них охранялась подобающая священному месту благопристойность.

Так как епископу принадлежит главное попечение о благоустройстве церковных дел в епархии, то без его воли и благословения каноны запрещают строить храмы и молитвенные дома.

Строительство священных зданий считается у христиан делом особого благочестия, жертвой, благоприятной богу, и православная Церковь всегда приносит молитву о приснопамятных создателях св. храмов и о благотворящих им. Но церковная власть должна заботиться и о том, чтобы было обеспечено материальное существование священных зданий, достойное их содержание и отправление в них богослужения. Поэтому церковные законы как в греко-римской империи запрещали (Юст. Нов. 67; Кормч. 42 г. 27 гр.), так и у нас запрещают умножение числа церквей и часовен сверх действительной потребности в них, чтобы они не пребывали в последствии в запустении и небрежении, неприличном святости храма. Епархиальное начальство обязано следить, чтобы лишние церкви не строились, и чтобы новые Божии храмы сооружались только там, где православные христиане имеют в них потребность из-за отдаленности их местожительства от других церквей, неудобства сообщения, или когда существующая приходская церковь не вмещает всех прихожан. Если при этих обстоятельствах появляется необходимость в том, чтобы вместе с новой церковью образовался новый приход, с учреждением особого причета, то сперва требуется обеспечить содержание причета. (Уст. Конст. 45 — 46).

Примечание. В последнем случае, а также при постройке церкви в столице, требуется разрешение Св. Синода (ст. 46, 47, 92).

Иметь церкви с отдельным причетом в домах воспрещалось духовным регламентом всем светским лицам, исключая фамилии Царского Величества, “ибо сие лишнее есть и от единения спеси деется, и духовному чину укорительное; ходили бы господа к церквам приходским и нестыдились бы братиею в обществе христианском” (II, 5). Теперь для лиц, получивших право на особое уважение и не способных посещать приходские храмы из-за преклонного возраста, или по болезни, епархиальные архиереи имеют право разрешать устройство домовых церквей, которые должны быть приписанными к ближайшей приходской церкви (Уст. Конс. 49). На устройство домовых церквей в столицах или на продолжение их существования после смерти лиц, для которых они были разрешены, испрашивается разрешение Св. Синода. После упразднения домовой церкви, все ее имущество, по распоряжению епархиального начальства, должно быть обращено в собственность приходской церкви, так как это имущество уже посвящено Богу (там же).

Построение часовен в честь некоторых святых икон или в благочестивую память церковных и отечественных событий допускается не иначе как по наиболее достойным уважения причинам, и только с разрешения епархиального начальства, а в столицах — с Высочайшего соизволения. Допускается также, с разрешения епархиального начальства, строить молитвенные дома на неопределенное время: 1) в тех местностях, где по удаленности от приходской церкви прихожане не могут ее посещать (в таких домах приходские священники или сами время от времени совершают богослужение, исключая литургии, или могут поручить кому-то из мирян чтение молитвословий); 2) на сельских кладбищах, для совершения обрядов над телами умерших и произнесения над ними молитвословий; 3) там, где приходская церковь сгорела, а ближайшая другая находится далеко от прихода (Уст. Конс. 56 — 58).

Все часовни и молитвенные дома должны быть приписаны к монастырю или приходской церкви, и находиться под наблюдением настоятеля и церковного старосты (ст. 59).

Построившие часовню или молитвенный дом без разрешения духовного начальства подлежат суду, а само здание — уничтожению, если окажется, что оно построено в нарушение означенных правил. И то и другое делается по окончательному постановлению епархиального начальства (Уст. Конс. 60).

Место, избираемое для построения церкви, должно быть удобным и приличным, дабы оно не послужило соблазну или не грозило опасностью для существования церкви. Духовное начальство советуется с гражданским о том, нет ли каких-нибудь препятствий к строительству церкви на выбранном месте (Уст. Конс. 46).

в) *Внешний и внутренний вид священных зданий.* Древняя Церковь придавала тому или иному наружному виду храма известное символическое значение, но не ставила непременным правилом соблюдение какой-нибудь одной формы при построении храма. Общим правилом наши церковные и гражданские законы ставят то, чтобы священные здания, удовлетворяя условиям, требуемым строительным уставом, соблюдали в своем наружном виде приличие и достоинство. При этом указывается на предпочтительность соблюдения древнего византийского стиля (Уст. Конс. 48, 50; Св. Зак. XII; Уст. Строит. 218). Этот стиль, кроме того, что он соответствует священному достоинству храмов, указывает также на единство русской Церкви с греческой. Общим и обязательным правилом относительно внешнего вида храма должно быть также и то, чтобы церковь была обращена алтарем к восточной стороне, куда, по апостольскому преданию, должны обращаться христиане при совершении молитв (Вас. В. 91), и чтобы на всяком священном здании был водружен крест.

При обновлении или ремонте старинных Церквей, построенных не позже начала 18 столетия, или, если и не древних, то выдающихся по своей архитектуре или историческому значению, наши законы требуют тщательного сохранения их прежнего наружного и внутреннего вида, и никакие исправления или переделки не допускаются без ведома и разрешения Св. Синода. При этом, епархиальным архиереям вменяется в обязанность следить за тем, чтобы нигде, ни под каким предлогом, в древних церквях не позволялось малейшей переделки, обновления или изменения живописи и других атрибутов древних времен, иначе как испросив на это разрешения Св. Синода, при предварительном сношении с археологическим или историческим Обществом (Уст. Конс. 47, 50).

По своему внутреннему устройству Церкви в древности разделялись на три части: притвор, среднюю часть храма и алтарь. Притвор предназначался для оглашенных и кающихся (т. е. отлученных от общения с верными в молитвах и таинствах), а также для совершения крещения; он был внутренний и внешний (преддверие). Впоследствии, когда в Церкви почти не осталось оглашенных, и публичное покаяние стало редко употребляться, отпала необходимость во внутреннем притворе. В некоторых случаях его заменяет собой или преддверие храма (паперть), или место у его входных дверей (западных). Алтарь имел в древности три отделения: среднее (*святилище*), с престолом посередине и горним местом или сопрестольем (местами для епископов и пресвитеров позади престола); *предложение* с жертвенником в нем, и *сосудохранилище* (диаконник). Теперь почти нигде не бывает такого трехчастного разделения алтаря; но св. трапеза, или престол, и жертвенник должны быть его существенными принадлежностями; от храма алтарь должен отделяться иконостасом, вместо которого в древности была решетка, потом завеса. Алтарь устраива-

ется обычно на возвышении, часть которого, выдающаяся перед иконостасом, заменяет собой амвон, в древности возвышавшийся посередине церкви.

Церковные правила (Трул. 69) не позволяют никому из разряда мирян входить внутрь священного алтаря; но (как говорит правило) “по некоему древнейшему преданию, отнюдь не возбраняется сие власти и достоинству царскому, когда восхощет принести дары Творцу. Единым токмо освященным позволено входить в алтарь и там приобщаться” (Лаод. 19). Эти правила, как можно заметить, говорят собственно о той части алтаря, где находится престол, доступ к которому был через так называемые царские врата. При нынешнем устройстве алтаря упомянутое запрещение касается входа через царские врата (что и священнослужителям разрешается делать только при богослужении в указанное уставом время) и приближения к престолу. Тем не менее, по нашим гражданским законам мирянин не имеет права стоять в алтаре и вообще на месте, предназначенном для священнодействия, во время совершения божественной службы. Обычаем принято также не входить в алтарь с оружием; в древности при входе в самую церковь государи и военначальники снимали с себя оружие и другие знаки достоинства.

г) *Освящение храмов.* Если по требованию религиозного чувства освящаются обыкновенные здания и сооружения, то тем более требуют высшего освящения здания, построенные во имя Божие, как и все предметы в них.

Совершать освящение того места, на котором должна приноситься безкровная жертва (т. е. престол), имеет право только архиерей. Пресвитер не является самостоятельным совершителем таинств; он получает право на это от епископа; его служение на месте, освященном епископом, есть свидетельство этой зависимости.

Согласно с древним преданием, каноны требуют, чтобы при освящении престола под него непременно была положена часть св. мощей (7 всел. 7), по примеру того, как в первые века христиане совершали таинство св. Евхаристии на мученических гробницах, воздавая тем самым почести страдальцам за веру и подражая Церкви небесной (в ней, как явилось Апостолу в откровении, души убиенных за слово Божие находились у подножия небесного жертвенника (Апок. 6:9). В случае невозможности совершить освящение церкви и престола самому архиерею, он присылает для престола освященный им антиминс, с вложенными св. мощами, и поручает затем освящение церкви пресвитеру. По правилам русской Церкви, на всяком престоле, освященном даже самим архиереем, должен быть антиминс, подписанный освящавшим его архиереем, как свидетельство того, что на этом престоле дано право совершать таинство безкровной Жертвы.

Престол, снятый с места, а затем вновь установленный, должен быть вновь освящен (Ук. 1753 г. 13 Августа). Освящение церкви бывает, по уставу, и при ее восстановлении, а также при оскорблении ее святости кровопролитием или каким-либо безчинством со стороны еретиков и язычников.

д) *Почтение к храмам.* Церковь требует от своих членов должного почтения к освященному храму, как к дому Божию (Гангр. 21). Так, каноны строго осуждают тех, кто небрежно относится к священным местам (Трул. 97) и тем более тех, кто обращает их в обыкновенное жилище (7 всел. 13). Церковь воспрещает совершать в них и так называемые древние вечера любви, так как неприлично в доме Божиим устраивать трапезы, пить и возлежать на ложах (Лаод. 28; Трул. 74). Строго запрещено канонами также вводить в св. храм животных (Трул. 88) и даже вносить в него какие-либо приношения, кроме потребных для богослужения (виноградного вина, воска, елея, ладана) или кроме плодов земных (но не внутрь алтаря) для их освящения в известное время (Ап. 3); особенно же

запрещено вносить в храм мясные приношения и тем самым нарушать его чистоту (Трул. 99).

Впрочем, церковное правило, следуя Христову учению о том, что закон человеколюбия выше обрядового закона (Марк. 2:27), не считает за оскорбление церковной святости отступление от некоторых вышеуказанных правил, вынуждаемое случаями крайней необходимости. На такой, например, случай указывает Карфагенский Собор (51 пр. об отдохновении в храме во время пути) и особенно Трульский Собор (88 пр. — о введении животных в ограду храма во время пути в отдаленной от жилищ местности).

Сам материал освященных храмов Божьих считается священным; поэтому, в случае упразднения какой-либо церкви из-за ее ветхости, материал церковного здания может быть использован только на приличное, сообразное со священным предметом употребление, напр., на постройку другого священного здания, на церковное отопление, на выпечку просфор. Св. престол обычно предается сожжению. Церковным обычаем принято также не строить других зданий на том месте, где стояла церковь, и водружать крест на месте престола.

Заповедуя христианам соблюдать благоговение к церквам, каноны требуют почтительного отношения к самой местности, окружающей храм Божий. Они запрещают, согласно со словами Спасителя (Иоан. 2:15-16), вести внутри священных оград любую торговлю, или устраивать непристойные свящ. месту заведения, напр., корчмы (Трул. 76). Нашими церковными правилами не возбраняется, однако, продавать в притворе восковые свечи, просфоры, св. иконы, так как эти предметы служат делу благочестия и прибыль от их продажи идет в пользу Церкви, как пожертвование ей. По нашим церковным законам, духовное начальство обязано следить не только за содержанием в чистоте и порядке самих церквей, но и всего находящегося на их территории, — в частности: колокольни, церковные и кладбищенские ограды, надгробные памятники и места в оградах и вне их должны содержаться в чистоте и порядке (Уст. Конс. 39, 42). Наши гражданские законы, со своей стороны, требуя почтительного отношения к свящ. местам, строго преследуют любые безчинства в них, запрещают соседство с ними неблагопристойных, соблазнительных домов и заведений, напр., питейных и игорных и т. п., и даже соседство иноверных храмов и молелен.

Прим. Питейные заведения должны находиться на расстоянии не ближе 40 саж.; бани и кузницы — не ближе 25 саж., а все прочие строения — не ближе 10 саж. Церковные дома могут быть и ближе; но тогда они не могут быть отданы в аренду для мирских жилищ или мирских потребностей (Строит. Уст. 29; реш. Сената 1 Мая 1886 г., — см. Ц. В. № 40). Еврейские синагоги должны быть не ближе 100 саж. от церкви по одной с ней улице, и не ближе 50 саж. по другой (Мн. Госуд. Сов. 1844 г. Ин. 26).

в) *Древнее право убежища.* В древности государственные греко-римские законы наделяли христианские храмы правом убежища (*jus asyli*), по которому виновный в преступлении, пришедший в храм, не мог быть взят из него силой. Епископы, принимая виновного под защиту Церкви, ходатайствовали за него перед светским правительством, испрашивали для него пощаду от смертной или членовредительной казни. Такое право побуждало судей рассматривать дела подсудимых тщательнее, справедливее решать их, и смягчало жестокость прежних законов. Феодосий Великий отнял у церквей право убежища для государственных преступников; Аркадий совсем упразднил его (причем первой жертвой отмены этого закона стал сам ее инициатор — вельможа Евтропий). Феодосий 2-й опять восстановил право убежища, и даже распространил его на притворы и церковные

дворы. Юстиниан I ограничил его, не позволив пользоваться им при некоторых тяжких преступлениях, и вообще высказывал мнение, что это право должно даваться не тем, кто причиняет обиды, а тем, кто их терпит. (Novell. 17 с. 7). В русской Церкви право убежища заменялось в древности тем, что иерархи могли ходатайствовать перед государями о смягчении наказания несчастным виновным и печалиться об опальных.

О священных вещах.

Почтение к св. Храму и благоговение к совершающимся в нем священнодействиям должно распространяться и на те принадлежности храма, или вещи, которые предназначены для употребления при священнодействиях. Те из этих вещей, которые непосредственно соприкасаются со святыми Дарами (такие как: потир, дискос, звезда, лжица, дарохранительница), а также сам престол, антиминс, напрестольные крест и евангелие, покрывала на престоле, св. мощи, — почитаются *священными*; наши законы причисляют к свящ. вещам еще и копья (употребляемые при проскомидии), образа и украшения при них, покровы св. сосудов, покрывала жертвенника. Церковный устав не позволяет прикасаться к ним никому, кроме священнослужителей. Прочие вещи, освящаемые для употребления при богослужении (напр. ризы, купель, кадильница и т. п.), называются *освященными*. К освящ. вещам наши законы причисляют также богослужебные книги, ковши, кропила, ризы, облачения аналоев, паникадила, установленные в них свечи, лампы, водосвятные чаши и т. п. Таким правом пользовался в ветхом завете храм Божий; им наделялись и капища в языческом мире у Греков и Римлян.

Каноны запрещают обыкновенное неосвященное употребление всяких богослужебных принадлежностей (как выражается правило: “вне алтаря устрояемые”); особенно строгому осуждению подлежат такие действия относительно освященных вещей (по правилу: “из числа находящихся в алтаре”), как осквернение святыни (Двукр. 10, Апост. 73). То же чувство благоговения к святому храму и священнодействиям обязывает, по возможности, изготовлять священные и освященные вещи из достойных и наилучших материалов, и сохранять их в приличествующем их священному назначению порядке.

Самыми употребляемыми не только в церквях, но и вне их, священными вещами являются *святые иконы*. Относительно них в церковном уставе и гражданском законодательстве существуют особые частные постановления.

Иконами называют изображения Ликов Господа Бога, Пресв. Богородицы, св. Ангелов и прославленных Богом святых людей.

Употребление и почитание св. икон, всегда существовавшее в Церкви от ее начала, было подтверждено церковным законом на 7-м вселенском (2-м Никейском) Соборе, во время иконоборческих смут. По определению этого Собора, иконы должны быть одним из средств к поддержанию, укреплению и выражению истинной веры и благочестия, а именно: а) иконы, как книги, написанные не буквами, а лицами и вещами, должны поучать христиан истинам веры и благочестия; б) они должны поддерживать внимание молящегося, возносить его мысли и чувства к тому, что изображено на них; в) они должны служить свойственному человеческой природе выражению благоговенных чувств молящегося и его любви к изображенным на иконах лицам, — проявляющимся через поклонение, лобзание, каждение, возжигание свечей и проч. (догмат 7 всел. Собора). Поэтому, Церковь требует, чтобы иконы были сообразны с таким важным их назначением и по своему содержанию, и по характеру искусства. Так, недопускаются к употреблению:

1) Иконы, *писанные по суетности*, т. е. такие, в изображениях которых заключается нечто противное истинам веры, суеверное, произвольно измышленное; подобные иконы способствовали бы поддержанию и распространению заблуждений больше, чем книги. В этом смысле духовному начальству вменено в обязанность следить и за тем, чтобы святым иконам не приписывались вымышленные чудеса, и тем самым не наносился бы вред истинному благочестию, а иномыслящим не подавался бы повод к поношению православных (Дух. регл. 1). Иконы, провозглашаемые чудотворными без исследования высшей церковной власти, велено изымать из частных домов и переносить в кафедральные соборы или монастыри.

2) Воспрещается изображать на иконах вместо св. ликов одни их *символические изображения*, напр., вместо Лица И. Христа писать агнца, или вместо евангелистов — одних животных, которые их символически изображают (Трул. 82; Св. Зак. т. 14 ст. 102). Некоторые символические изображения допускаются (но не на иконах) как поучительные украшения в церквях и на церковных принадлежностях, например: всевидящее Око, змеи на архиерейских жезлах, символы заветов. Такие иконы, при их чествовании, могут смутить религиозное чувство, а малопросвещенным людям подавать повод к смешению символов с предметами, которые под ними подразумеваются, и к другим подобным заблуждениям.

3) Не терпимы также иконы способные, вместо побуждения к благоговению, *подать повод к кощунству*. Церковь осуждает какие бы то ни было изображения, “обаяющие зрение, растлевающие ум, производящие воспламенение нечистых удовольствий”; а дерзающих делать такие изображения повелевает отлучать (Трул. 100). Тем преступнее делать подобные изображения на иконах и допускать их к употреблению. Неприличны и те иконы, которые написаны безобразно, в каком-либо странном неестественном виде. Вообще, не одобряя икон, написанных в мирском стиле, Церковь указывает следовать в иконописи древним греческим образцам, отличающимся, как известно, строгим духом веры и благочестия и священным величием изображаемых св. Ликов. Стил иконописи и образцы св. Ликов в древней греческой Церкви сохранялись по преданию от первых веков, как это можно видеть из неизменного единства иконописи на существующих древних иконах. Вместе с христианством образцы древней иконописи перешли и в Россию. Для лучшего сохранения образцов древней иконописи в греческой Церкви с 9-го века некоторыми иконописцами стали составляться сборники правил, касающихся иконописи, с лицевыми изображениями или подлинниками. Там, где будут обнаружены иконы неискусно написанные, в странном и соблазнительном виде, духовные лица должны, при содействии местной полиции, немедленно отбирать такие иконы (Уст. о пресеч. прест. ст. 127. Для предупреждения неприличных изображений, раскольники допускаются в иконописные цеха только с разрешения Министра Вн. Дел. (Мн. Госуд. Сов. 3 Мая 1884 г.).)

4) Православная Церковь считает также неуместным употребление *изваянных и резных* икон, как не соответствующее указываемому ей характеру иконопочитания. Такие иконы представляют предмет более чувственным и больше привязывают мысль к его чувственным формам, тогда как живописная икона больше представляет дух почитаемого лица и лучше способствует возвышению ума от изображения к изображаемому предмету. Обращение св. лика в статую и почитание его в этом образе всегда было чуждо восточной Церкви еще и потому, что это служило поводом к сближению христианского иконопочитания с языческим богопочитанием и могло бы дать повод к соблазну для людей, склонных к идолопоклонству. По нашим законам, запрещено иметь не только в церквях, но и в

домах резные и литые иконы, кроме распятия искусной резьбы и носимых на груди малых крестов и панагий; остающиеся же от прежних времен подобные иконы велено выводить из употребления (св. Зак. о пресеч. прест. ст. 123-125). Статуи, изображающие священные предметы, и лепные изображения допускаются для украшения церкви только наверху, чтобы они не были доступны для чествования видимыми знаками (лобзанием, поставлением свечей, и т. п.).

Употребляемые при молитве иконы и кресты освящаются по уставу церкви; но и независимо от церковного освящения, по самому предмету своих изображений, иконы и кресты должны пользоваться подобающим почтением. Поэтому, каноническими правилами запрещается начертание изображения креста на местах, попираемых ногами (Трул. 73), что подтверждалось и христианским греко-римским законодательством (Cod. Justin. tit 8). Также и наши законы, охраняя почтение вообще ко всяким священным изображениям, запрещает делать их на вещах повседневного житейского обихода и торговать ими (напр., на посуде, печатях, материи для платья). Привозимые из-за границы вещи со священными изображениями, такие как карманные принадлежности, настольные или настенные приборы и проч., велено конфисковывать, а привозящих подвергать штрафу (Св. Зак. XIVб о пресеч. прест. ст. 131-132).

Из уважения к иконам наши законы запрещают продавать их с аукциона, если кредитор не примет их в счет уплаты за долг, и отдавать их иноверным (Ук. Сен. 1827 г. 28 Сентября; 11 мая 1836 г.). Нехристианин, получивший св. иконы по наследству, обязан передать их в православную церковь или в руки православных; иначе они должны быть изъяты властью и переданы духовной Консистолии, в распоряжение духовного начальства. Это правило распространяется и на частицы св. мощей и другие освященные предметы благоговения православной Церкви (Св. Зак. X. ч. I., ст. 1188-1189). Нехристианам запрещено изготовлять вещи, составляющие предмет чествования христиан, и производить торговлю этими вещами (Уст. о пресеч. прест. 107, Ук. Св. Синода 1885 г. № 28, Наказ. Мир. Суд. 48, 1.).

Наблюдение за приличным содержанием в домах св. икон и свидетельствование благопристойности иконописания вменяется в обязанность приходским священникам, а наблюдение за изданием вообще всяких св. изображений через печать, литографию и проч. — духовной цензуре (Уст. о пресеч. прест. ст. 127, 129, 130).

О священных временах.

По заповеди Божьей, христиане обязаны посвящать праздничные дни служению Богу. Кроме еженедельного праздника — воскресного дня, заменившего собой ветхозаветную субботу, вселенская Церковь установила еще несколько праздников, которые делятся на *великие, средние и малые*. Почитание великих праздников обязательно для всех православных христиан; почитание же прочих предоставляется их выбору. Впрочем, некоторые из средних праздников делаются обязательными для христиан в поместных Церквях, и даже в некоторых отдельных местностях, частично в силу закона этих Церквей или государственных постановлений, частично в силу утвердившегося древнего обычая христианского народа.

Право устанавливать новые праздники в поместной Церкви, сверх уже существующих, принадлежит высшей власти поместной Церкви (у нас — Св. Синоду).

К великим праздникам церковные и государственные законы в нашем отечестве относят высокаторжественные дни рождения и тезоименитства Их Величеств и Государя Цесаревича, дни восшествия на престол Государя Императора и Священного коронования.

Призывая своих членов освящать дни праздников богоугодными делами (молитвой, христианским учением и благотворительностью), Церковь вменяет в обязанность посещение в эти дни общественных богослужений, особенно литургии. Пренебрежение этой обязанностью было бы отчуждением от Церкви; поэтому каноны повелевали отлучать от церковного общения тех мирян, которые, не имея никакой настоятельной и уважительной причины или препятствия, не являются в церковные собрания в течение трех воскресений на протяжении трех недель; а поступающим так членам причета каноны грозят исключением из клира (Трул. 80).

При этом, заповедуя проводить праздничные дни в духовной радости, Церковь осуждает тех христиан, которые в эти дни предаются мирским развлечениям (напр. идут на зрелища или игрища. См. Карф. 72). Чтобы общественные зрелища не отвлекали христианский народ в великие праздники и в воскресные дни от церкви и дел благочестия, Соборы находили нужным просить светское правительство об отмене в эти дни общественных представлений (Карф. 72). Греко-римское государственное законодательство действительно запретило публичные зрелища в великие праздники (Феодосий и Юстиниан); кроме того, оно предписывало прекращать в такие дни судопроизводство и общественные работы. Наши русские законы, предоставляя христианам посвящать узаконенные и *табельные* дни праздников отдыху от трудов и набожному благоговению, делают их свободными от заседаний и занятий в присутственных местах и учебных заведениях, устраняют все то, что могло бы отвлекать народ от богослужения или давать повод и возможность к проведению времени, несообразному со святостью праздничных дней (напр., запрещают производить торговлю до окончания литургии, исключая торговлю съестными припасами, как предметов необходимости; особенно же запрещают открывать питейные заведения; а также начинать игрища, пляски, музыку, пение песен по домам и на улицах, не позволяют накануне праздников даже театральных представлений).

В высокаторжественные дни гражданских и царских праздников наши законы обязывают всех должностных лиц присутствовать при молебнах в соборах или других церквях, по указанию соответствующего начальства.

Крещение.

С догматической точки зрения, крещение есть таинство, в котором человек рождается от Св. Духа в новую духовную жизнь и делается наследником царства небесного; без принятия этого таинства никто не может войти в царство Божие — по слову Спасителя (Иоанна 3:5). С канонической точки зрения, крещение безусловно необходимо для того, чтобы человек мог сделаться членом благодатного царства Божьего на земле, т. е. Церкви, и пользоваться предоставленными в ней каждому ее члену правами.

Так как Церковь есть вселенское общество, то к крещению может быть допущен всякий, но при необходимом условии, что принимающий крещение свободно и сознательно принимает веру, поддерживаемую Церковью, и исповедует ее. “Иже веру иметь и креститься, спасен будет,” — сказал И. Христос и заповедал Апостолам сперва научить, а потом крестить (Марк. 16:16; Матф. 28:19).

Крещение детей христианских родителей.

Ставя указанное условие для принятия крещения, Церковь, впрочем, признает крещение необходимым и для младенцев. Основанием этому служит православный догмат о первородном грехе, которому подвержен каждый человек при своем рождении и от которого необходимо очиститься, чтобы сделаться достойным царствия Божия (Карф. 124).

Необходимые условия для крещения — сознательная вера и добровольное желание вступить в Церковь, — отсутствующие у младенцев, принадлежат тем лицам, от которых целиком зависит жизнь и воспитание младенцев, и которые ручаются за их воспитание в христианской вере. “Церковь дает младенцам ноги других, чтобы ходить, — сердца, чтобы веровать, — язык, чтобы исповедовать,” — говорит блаженный Августин.

На основании сказанного, христианские родители не только имеют право требовать крещения для своих детей, но и обязаны просвещать их этим таинством. Такую обязанность родители принимают на себя вместе с таинством брака, которое совершается для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

Согласно этому, греко-римское законодательство обязывало родителей, коль скоро они сами были крещены, немедленно присоединять к Церкви через крещение и своих малолетних детей, под страхом тяжких наказаний за неисполнение этого закона (Cod. Just. lib. I, tit. 11, 10). Без всякого промедления должны были приводиться к крещению малолетние дети и тех родителей, которые сами находились еще только в разряде оглашенных.

Русское государственное законодательство также не допускает, чтобы христианские родители оставляли своих детей без крещения и христианского воспитания, и, в частности, — чтобы православные родители крестили своих детей в иную веру (Уст. о пресеч. прест. ст. 249).

На тех родителях, которые присоединяются к православной Церкви из язычников, магометан или евреев, лежит нравственный долг, чтобы они вместе с собой крестили и тех своих детей, которым не свыше семи лет от роду. В детях с семилетнего возраста предполагается достаточно способностей для того, чтобы сознательно и свободно принять христианскую веру; поэтому они не могут быть крещены без их собственного желания, склонять к которому есть также нравственный долг их родителей.

Все дети, рожденные уже после крещения одного из родителей, должны быть крещены; только при этом условии остается в силе (т. е. не расторгается) брак таких супругов, — крещеного с непринявшим крещение (Св. Зак. т. X, ч. 1, ст. 80-81).

Что касается срока, не позже которого христианские родители обязаны крестить своих детей, церковные и гражданские законы не определяют его в точности.*) Не откладывать на долгое время крещение, — есть нравственный долг родителей; к этому же должно побуждать их и опасение, чтобы дитя не умерло некрещенным. Если же это случится по небрежности родителей, то они, по церковным правилам, подлежат эпитимии. Священник, позволивший, по халатности к исполнению своих обязанностей, младенцу умереть без св. крещения, подвергается по закону строгому наказанию (Уст. Кон. 183; Номок. при Б. треб. 68).

Христианам всех исповеданий разрешается крестить по обрядам своей веры принимаемых ими на воспитание некрещенных детей и подкидышей. Внебрачное дитя, мать которого известна, может быть крещено, по ее желанию, по обрядам ее вероисповедания (Высоч. утв. мн. Госуд. Сов. 14 Мар. 1906 г.).

Крещение нехристиан и их детей.

Одно из существенных прав Церкви — распространять православную веру и принимать в свое лоно обращающихся к ней. Попечение об этом лежит на церковном правительстве.

Русское государственное законодательство, признавая за православной Церковью это право, предоставляет только ей, как господствующей в империи, убеждать непринявших к ней русских подданных принять ее учение о вере. Законы запрещают, под страхом строгой ответственности, препятствовать желающим присоединиться к ней, во исполнение их желаний. Напротив, гражданские власти обязаны оказывать Церкви зависящую от них помощь в присоединении. Духовным и частным лицам иноверных исповеданий наши законы строго запрещают прикасаться в делах веры к убеждениям и совести последователей других вер и отвращать не только от православной, но и от других терпимых в государстве вер, хотя бы и не христианских. Иноверец, совративший кого-либо из русских подданных в свою веру, к какой бы вере он сам и совращенный им не принадлежал, предается суду вместе с последним (Уст. о пресеч. прест. ст. 14). Но иноверным христианам и нехристианам, русским подданным, не запрещается принимать терпимое в империи христианское неправославное исповедание, по собственному их убеждению и желанию. Нехристиане могут перейти в иноверное христ. вероисповедание с Высочайшего разрешения, испрашиваемого через Мин. Вн. Д. — Но в Закавказье все нехристиане могут переходить в иностр. вероисповедание с разрешения Главноуправляющего гражд. частью.

Напротив, в присоединении иноверцев к православной Церкви, а обращающимся за покровительством, — оказывать его. Но эта помощь, понятно, не должна переходить в принуждение. Вера, — говорит закон, — порождается благодатью Господней, поучением, кротостью и более всего, добрым примером; поэтому и православная Церковь не позволяет себе ни малейших принудительных мер при обращении последователей иных вер и исповеданий к православию; и тем из них, которые приступить к нему не желают, отнюдь ни чем не угрожать, поступая по образцу проповеди апостольской (Уст. о пресеч. прест. ст. 97, 99, 102).

Православная Церковь принимает обращающихся к ней или через крещение, или через миропомазание, или через особый чин присоединения, без упомянутых таинств.

Через крещение принимаются в православную Церковь все нехристиане (евреи, магометане, язычники) и те иноверцы, которые не признают догмата о пресвятой Троице и не получили правильного крещения (2 всел. 7; Трул. 95).

По правилам вселенской Церкви, взрослые лица, ищущие крещения, допускались к нему не иначе, как после тщательного испытания их искренности и твердости в этом желании, и после основательного наставления их в истинах православной веры. Запрещено было допускать к крещению тех, кого побуждала к его принятию нужда или выгода, кто не хотел оставить образ жизни или занятий не свойственных христианину, вообще всех тех, кого можно было подозревать в притворном обращении к христианству. (См. 7 всел. 8; Кирил. Алекс. пр. 5).

Предварительное наставление в православной вере называлось *оглашением*. Оно совершалось и над отроками, не менее семи лет от роду. (Тим. Алкс. пр. 1). В усвоении преподанных им истин оглашенные должны были еженедельно давать отчет епископу или пресвитеру (Трул. 78; Лаод. 46). Продолжительность оглашения не была определена канонами и зависела от успехов оглашаемых в познании веры, а также от того, насколько можно было удостовериться в искренности их обращения. Обыкновенно срок оглашения

был не менее 40 дней (см. Лаод. 45). Но в случае болезни или смертельной опасности, позволялось совершать крещение безотлагательно, с тем, однако, чтобы крещенные без достаточного оглашения изучили веру после своего выздоровления (Лаод. 47). Желающих креститься престарелых больных, которые не могли отвечать сами за себя, или оглашенных, лишившихся по болезни рассудка, церковные правила предписывают крестить, если за них поручаются другие, принимая на себя за это ответственность (Карф. 54; Тимоф. Алекс. пр. 4). Но бесноватые или одержимые злым духом (и, стало быть, отвращающиеся от святыни и хулящие ее, хотя и бессознательно) не могут быть крещены до момента их выздоровления, исключая ситуацию смертельной опасности (Тим. Ал. 2).

Наши церковно-гражданские постановления относительно крещения взрослых вполне согласуются с этими правилами. Священник, который должен совершить таинство крещения над нехристианином, желающим присоединиться к православной Церкви, обязан: 1) испытать его совесть, искренно ли он желает принять православную веру и придерживаться ее неизменно до конца жизни, или притворно, ради каких — либо выгод и пристрастий; — 2) научить его символу веры, 10-ти заповедям, молитве Господней и другим главным молитвам. Без тщательного удостоверения в том, что ищущий крещения хочет принять его добровольно и сознательно, крещение ни в коем случае не совершается и не допускается. Обращающийся дает письменное обязательство в неизменном сохранении православной веры до конца жизни, которое представляется в надлежащее время епархиальному начальству.

Срок наставления обращающегося в веру, испытания и подготовки его к крещению, назначается для достигших гражданского совершеннолетия (т. е. 21 года), по древнему обычаю вселенской Церкви, а для взрослых, не достигших совершеннолетия, — шестимесячный срок. Впрочем, назначение таких сроков не ставится непременным условием; как в древней Церкви, так и теперь, допускается и краткий срок, смотря по необходимости или степени понятий и убеждения обращающихся. Опасно больные иноверцы любого возраста могут быть крещены, по их желанию, без промедления, но с тем, чтобы: а) к крещению таких лиц приступали не раньше, чем будет получено надлежащее и совершенно надежное удостоверение в том, что они не находятся в состоянии беспамятства, лишаящего их возможности выразить свою волю разумно и осознанно; б) о совершении такого крещения было бы безотлагательно сообщено епархиальному начальству; в) новокрещенного в этих обстоятельствах, если он выздоровеет, епархиальное начальство поручило бы благонадежному духовному лицу для назидания и утверждения в христианской вере (Уст. Кон. 31, п. 3, 4).

Оглашенный должен проводить все время оглашения в посте, молитвах и являться на все церковные службы к самому началу.

Малолетние дети нехристиан, не достигшие 14-ти летнего возраста, могут быть крещены только в том случае, если их родители или опекуны письменно заявят на это свое согласие, так как религиозное воспитание детей в таком возрасте зависит от родителей или лиц, заменяющих их. Исключения из этого правила допускаются только с разрешения Св. Синода, ввиду каких-либо важных причин. Дети же нехристиан, уже достигшие 14-ти летнего возраста, могут быть приняты в православную Церковь и без согласия их родителей и опекунов, если будет достоверно известно, что сами обращающиеся искренно желают и требуют этого и что они достаточно просвещены в ее догматах и учении (Уст. Конст. 31, пр. 1 и 2).

Крещение взрослых иноверцев должно совершаться всегда в церкви (за исключением случая болезни крещаемого), в присутствии благонадежных свидетелей или ближайшего местного начальства. Прежде чем приступать к крещению, как священнослужители, так и обязанное присутствовать при этом местное начальство, должны тщательно удостовериться, что иноверец принимает св. крещение добровольно и с должным пониманием. После совершения крещения, присутствующий при этом местный начальник обязан собственноручно засвидетельствовать в метрической книге совершение таинства (Уст. Конст. 31, пр. 5). Все эти формальности, относящиеся к совершению крещения над взрослыми иноверцами, имеют в виду с одной стороны предупредить вынужденное принятие ими христианства, а с другой — оградить совершителей обряда от нареканий в насильственном обращении кого-либо в православие.

Совершитель Крещения.

Обычным совершителем крещения является священник. Но в случае крайней нужды, если священника нельзя найти достаточно быстро, всякий православный христианин может совершить крещение, соблюдая одну основную форму крещения, без прочих обрядов и молитвословий. Впоследствии священник должен только дополнить крещение положенными по чину крещения молитвами и, главным образом, утвердить его миропомазанием, но не повторяя самого крещения (если только нет сомнений в правильности его совершения).

Время, место и способ совершения крещения.

По канонам, крещение “да не совершается в молитвеннице, внутри дома обретающейся, но хотящие удостоиться пречистого просвещения, к католическим церквам да приходят и тамо сего дара сподобляются” (Трул. 59). Впрочем, по необходимости, напр., из-за удаленности церкви от места жительства крещаемого, по его болезни или слабости, при опасности для здоровья от холода и т. п., разрешается совершать крещение не в храме. В древности, как известно из истории, оно совершалось иногда и на реках, обычно же — в церковных притворах или в особых крещальницах.

Время совершения крещения должно выбираться преимущественно праздничное, при этом — перед литургией, чтобы новокрещенный мог приобщиться к св. Тайнам тотчас после своего крещения, а также для того, чтобы, во первых, священник мог совершить это великое таинство, и, во вторых, восприемники могли бы присутствовать при нем в воздержании от еды и питья. Но и эти правила не безусловны.

Вода для крещения должна быть чистой, не смешанной ни с какой посторонней жидкостью, и в зимнее время — не очень холодной, чтобы не причинить вреда здоровью младенца (Инстр. благоч. 15). По совершении таинства она, как освященная, выливается в приличное, чистое место, не попираемое ногами людей или животных.

Крещение совершается по установленному Церковью чиноположению. Существенным действием в нем является трехкратное погружение крещаемого в воду, с произнесением имен всех Лиц. Св. Троицы, по заповеди Спасителя. Совершение только одного этого действия, без прочих, указанных в чине крещения молитв и обрядов (как это необходимо делать иногда в случае смертельной опасности для крещаемого), делает крещение действительным. Всякий же иной способ крещения, отступающий от указанной существенной его формы (напр., единократное погружение или произнесение других слов, вместо имен Лиц Пресв. Троицы), не признается законным и действительным (2 всел. 7; Трул.

95; Апост. 49 и 50). Впрочем, православная Церковь не отвергает силы крещения, совершенного и через обливание (вместо погружения) и сама допускает его совершение в некоторых случаях, напр., при крещении больных, которые не могут подняться с ложа или быть погруженными в воду без опасности для их жизни.

Перед крещением, принимающий его непременно нарекается *христианским православным именем* (По тем *святцам*, которые изданы Св. Синодом), соответствующим полу крещаемого лица. Выбор имени для младенца предоставляется его родителям (или самому крещаемому, если он взрослый). Это правило относится и к тому, кто присоединяется к правосл. Церкви не через крещение. Нареченное имя нельзя менять по произволу. Давать несколько имен (как это делается у иноверных христиан) — не в обычае правосл. Церкви.

Неповторяемость крещения.

Правильно совершенное крещение предполагает оставить в принявшем его неизгладимую печать (Грам. восточ. патр. чл. 16), и потому никогда не может быть повторено (Апост. 47), даже в том случае, если крещенный отрекся от христианства, а потом раскаялся и снова пожелал возвратиться в Церковь. Основание этого правила содержится в той догматической истине, что крещение есть духовное рождение, которое не повторяемо, и что оно совершается во образ смерти И. Христа (Римл. 17, 3), последовавшей лишь однажды.

Однако, в случае неизвестности о том, было ли совершено над каким-либо лицом (напр., над подкинутым младенцем) истинное крещение, церковные правила, ввиду безусловной необходимости этого таинства для спасения, повелевают крестить это лицо без всяких сомнений, “да таковое недоразумение не лишит его очищения толикою святынею” (Трул. 84; Карф. 83). Подкинутых детей не следует оставлять без крещения и тогда, когда при них находится письменное извещение о том, что они крещены, но нет возможности проверить его справедливость, т. е. не указано, где, когда и кем дитя крещено. В подобных сомнительных случаях церковные правила предписывают совершать крещение в условной форме, с добавлением к произносимым при нем словам такой оговорки: “аще не крещен есть, крещается” и пр. (Моск. Соб. 1666-1667 г.г.).

Силы таинства крещения не может заменить собой никакое другое таинство, напр., миропомазание или причащение. Поэтому, если кто-то из верующих (или младенцев) принимает, по недоразумению, св. Причащение еще до крещения, то крещение для него не только не может быть отменено, но подобный случай должен быть признан особым указанием Божиим к немедленному крещению (Тим. Ал. прр. 1).

Должно ли быть признано крещение, совершенное не православными, и следует ли вновь крестить принявших крещение в неправославной Церкви, когда они присоединяются к православию? Этот вопрос был предметом продолжительных рассуждений и оживленных споров еще в первые века христианства (в III в.): одни совсем отвергали всякое значение крещения, совершенного вне православной Церкви (малоазийские и африканские Церкви); другие же (римская Церковь) считали крещенных еретиками, не повторяя над ними крещения. Тот и другой взгляд закреплялся определениями поместных Соборов. Наконец, законодательство вселенской Церкви, при разрешении этой проблемы, установило различие между отделившимися от нее христианами. Тех неправославных, крещение которых совершалось правильно, согласно правилам православной Церкви, и которые не отвергали троичность Лиц Божества (даже если они заблуждаются относительно учения о

каком-либо из Лиц Пресв. Троицы), Церковь постановила принимать в нее без повторного крещения; всех порочих — с крещением (2 всел. 7; Трул. 95).

Примечание. В русской Церкви однажды вышло постановление перекрещивать латинян и протестантов, как искаживших учение о Св. Троице (относительно исхождения Св. Духа) и православную форму крещения, совершаемого у них через обливание. Такое постановление (при патр. Филарете, на Моск. Соборе 1620 г.) было обусловлено притеснениями православных латинянами в Западной России. Но оно было отменено большим Московск. Собором 1667 г. Потом запрещение перекрещивать латинян и протестантов было подтверждено грамотой патр. Иеремии (1718 г.), присланной Петру I в ответ на его вопрос об этом предмете (Собр. Зак. т. 5, № 3225).

Восприемники.

В крещении как младенцев, так и взрослых, должны принимать участие восприемники. Они ручаются в том, что крещаемый (если он взрослый) принимает христианскую веру и приступает к св. крещению искренно и свободно, или (если он младенец) что он будет воспитан в православной вере. Поэтому, при крещении младенцев, а также тех, кто по болезни не может сам произнести исповедание христианской веры и христианские обеты, эту обязанность исполняют за крещаемого восприемники (Карф. 54); они же должны быть руководителями крещенных в христианской жизни.

Церковная история свидетельствует, что обычай назначать восприемников восходит к первым временам христианства. Книга Апостольских Постановлений назначает в качестве восприемников: мужчинам — диаконов, а женщинам — диаконесс.

По церковному уставу (см. чин крещения) и обычаю древней Церкви, достаточным считался один восприемник или одна восприемница (в зависимости от пола крещаемого). И в русской Церкви в прежние времена (в XIV-XVII ст.) церковная власть вменяла в обязанность, и часто подтверждала священникам, соблюдение этого правила, чтобы восприемниками одного и того же крещаемого не были сразу несколько лиц разного пола. Однако, у нас утвердился обычай назначать при крещении двух восприемников — мужчину и женщину, как бы соответствующих плотским родителям. Более этого количества восприемников, действующие постановления не допускают. Если же, иногда, к принятию крещаемого от купели приглашаются не двое, а большее число лиц, то обрядовые действия при крещении должна исполнять только одна пара, назначенная родителями или родственниками крещаемого; только она одна признается в качестве восприемников и вписывается в церковные документы (Указ Св. Синода 18 Июня 1834 г.), а прочие лица считаются не более, как свидетелями крещения, присутствующими при нем ради большей торжественности.

В случае крайней нужды, крещение даже младенца может быть совершено и без восприемников, когда есть какое-либо ручательство в том, что крещаемый будет воспитан в христианстве; тем более это возможно при крещении взрослых, как это было, несомненно, при начале христианства. Но ни в коем случае родители не могут быть, ни оба вместе, ни каждый в отдельности, восприемниками собственных детей; иначе между родителями образовалась бы такая близкая степень родства, которая делала бы непозволительным продолжение их брачного сожителства.

Сообразно со своим назначением быть поручителями за веру крещаемого и содействовать его утверждению в ней, восприемники должны быть: а) *православные*; но при двух лицах, приглашенных к принятию от купели, одно из них может быть и иноверного

христианского вероисповедания, если другое принадлежит к православному, так как, по вышеупомянутому правилу, необходимым признается только один восприемник; б) лица *взрослые*, понимающие главные истины православной веры, сознающие важное значение восприемников и их обязанности, способные носить высокое звание крестных отца и матери; требуется, по крайней мере, так называемое, церковное совершеннолетие, — от восприемника не менее 15 лет, от восприемницы не менее 13 лет (Номок. пр. Б. треб. 84, П. С. 3. №№ 9209 и 10520; Указ Св. Синода 27 Авг. 1837 г. в.). Быть восприемником детей церковные правила считают также неприличным для монаха. Брать восприемниками неизвестных, или малоизвестных родителям лиц, а, тем более, неблагонадежных в религиозно-нравственном отношении, значило бы относиться с пренебрежением к значению восприемников и не радеть о духовном благе крещаемого.

По понятию православной Церкви, принятие св. крещения, — это второе рождение в новую духовную жизнь, — вступление в духовное родство с восприимающим крещаемого лицом, которое становится его *крестным отцом или крестной матерью*, как лицо посредничающее при этом духовном рождении и вступлении крещаемого в христианское духовное общество. Это родство (считающееся 1-й степени) признается канонами более важным, чем плотское (Трул. 53), так как духовное родство почитается выше плотского. Притом, родственным духовным союзом с крестным отцом или крестной матерью соединяются и плотские родители крещенного (это — вторая степень). Но так как для принятия от купели необходимым признается только одно лицо, которое и считается действительным восприемником, именно мужчина для крещаемых мужского пола, и именно женщина — для женского пола, то, принимая во внимание это, и в согласии с точным смыслом древних канонических постановлений, русская Церковь не признает, при существовании двух восприемников, духовного родства как между ними обоими, так и между каждым из плотских родителей крещенного и вторым его восприемником противоположного с ним пола (Ук. Св. Синода 31 Января 1838 г.).

Миропомазание и присоединение иноверных.

Православная Церковь повелевает запечатлевать помазанием св. мира всякого христианина, по принятии им крещения, дабы через это помазание он получил дары Св. Духа, укрепляющие его в духовной жизни и содействующие его преуспеянию в ней (Лаод. 48).

Также как и крещение, оно должно совершаться не только над взрослыми, но и над младенцами и притом, сразу после крещения; поэтому церковный устав соединяет оба эти таинства в одном чинопоследовании (В римско-католической Церкви миропомазание (конфирмация) совершается над крещенными не ранее, как по достижении ими отроческого возраста, между 7-ю и 12-ю годами их жизни, чтобы они могли приступить к этому таинству сознательно и с достаточной осведомленностью об основных истинах веры). Миропомазание должно быть совершаемо отдельно от крещения или над некоторыми из присоединяющихся к православной Церкви от иноверных христианских общин (2 всел. 7), или же в тех исключительных случаях, когда оно почему-либо не могло быть совершено вместе с крещением (напр., при крещении кого-нибудь мирянином).

Власть совершать таинство миропомазания принадлежит как епископам, так и пресвитерам (В римско-католической Церкви право не только освящать миро, но и помазывать им (конфирмирование) принадлежит одним епископам, которые обязаны для этого чаще посещать свои епархии. Только в исключительных случаях некоторым пресвитерам дается разрешение на совершение конфирмации); освя-

щать же миро имеют право только архиереи (Карф. 6), как ближайшие преемники Апостолов, которые всегда сами совершали это таинство (через возложение рук, а иногда — через помазание). Таким образом, в совершении этого таинства пресвитером принимает участие и епископ, освящавший миро. Но у нас в России (как было сказано прежде) освящение мира предоставлено только Московской и Киевской Митрополиям. Начальство каждой епархии обязано распорядиться о своевременном получении св. мира откуда следует, и о раздаче его по церквам, в которых оно должно храниться не иссякая, в подобающей святине чести (Уст. Конс. 40).

Как и св. крещение, таинство миропомазания не может быть повторено даже и тогда, когда кто-нибудь, отвергший имя Христа, раскаялся и снова обратился к православной Церкви. На основании этого правила, без миропомазания присоединяются к православной церкви лица, крещенные и миропомазанные в тех иноверных христианских общинах, в которых существует миропомазание, как таинство, и православная Церковь признает его действительным и благодатным, как совершаемое законной иерархической властью (т. е. имеющей в себе преемственность апостольского рукоположения). Так, напр., присоединяются римские католики, если только будет достоверно известно, что они приняли это таинство в своей Церкви.

Что же касается переходящих в православную Церковь из числа крещенных в таких иноверных общинах, в которых таинства миропомазания не существует или оно совершается лицами, не имеющими (по разумению православной Церкви) апостольской преемственности, то такие лица присоединяются с совершением миропомазания (напр., крещенные в какой-либо протестантской общине, или в русском расколе).

У нас предоставлено совершать присоединение иноверцев и русских раскольников священникам, без предварительного особого разрешения епархиальных архиереев, если только у священника не возникнут какие-либо сомнения (напр., в искренности обращающегося); в противном случае, он обязан, не приступая к присоединению, представить дело на рассмотрение своему архиерею, с изложением причин своих сомнений (Уст. Конс. 25). Но дела о присоединении духовных лиц римско-католического вероисповедания представляются на рассмотрение епархиального архиерея всегда, так как в этих случаях дело касается не только принятия их в православную Церковь, но и прежнего их сана или церковной степени. Православная Церковь признает в римско-католической иерархии непрерывность и преемственность апостольского рукоположения, следовательно — ее законность; поэтому рукоположенные в ней лица могут, если пожелают, и после перехода в православие сохранять свою церковную степень без повторного рукоположения. В подобном случае епархиальный архиерей делает представление Св. Синоду о признании этого духовного лица в его звании, и о назначении ему места служения и должности, вместе со своим мнением и с документами о церковной степени присоединяемого. Если же присоединяемый желает сложить с себя свою прежнюю степень, то он дает подписку в том, что не будет пользоваться правами или совершать действия своего прежнего звания и не станет впредь просить о возвращении ему его церковной степени. Кроме того, о римско-католическом духовном лице, ищущем присоединения, сообщается местному гражданскому начальству, которое принимает его под свое наблюдение и защиту (Уст. Конс. 30).

Всякий, желающий присоединиться к православной Церкви из иноверцев или раскола, должен сперва получить наставление священника и утвердиться в учении православной веры, и затем письменно засвидетельствовать это свое желание и обещание пребывать в послушании православной Церкви всегда и неизменно. Сам чин присоединения

состоит в торжественном отречении присоединяемого перед Церковью от его прежних заблуждений и прегрешений, в исповедании догматов православной Церкви и клятвенном обещании всегда сохранять единение с нею и послушание ей; наконец — в разрешительной молитве священника, в совершении таинства миропомазания (если присоединяемый не получил его прежде в своей Церкви), и в приобщении св. Тайн. При этом чине у присоединяемого бывают и восприемники.

Примечание 1. Священное миропомазание, совершаемое над православными Государями при их короновании, не есть особое таинство или повторение таинства миропомазания. Это есть особый вид или особая степень того же таинства, совершаемая дляниспослания на Государя особых высших даров Св. Духа, подобно тому, как посвящение при возведении с низшей степени священства на высшую (напр., из пресвитера в епископа) не есть повторение таинства священства, а только передача посвященному высшей благодати.

Примечание 2. У лютеран таинства миропомазания не существует. Римско-католическое название этого таинства — *конфирмация* подразумевает у них особое действие, через которое христианин торжественно вводится в состав церковного общества, становится полноправным его членом (приобретает *statum ecclesiasticum*). Оно состоит в исповедании христианином веры и возложении на него пастором рук с молитвою, за чем непосредственно следует причащение конфирмуемого. Обряд конфирмации должен овершаться над лицами обоего пола не ранее 15-ти и не позже 18-ти летнего возраста; исключение из этого правила допускается лишь по особым причинам, с разрешения Консисто-рии. Конфирмуемые предварительно получают наставление в законе Божьем (на основе малого Лютерова катехизиса) и обязаны, по крайней мере, уметь читать и твердо знать главные догматы и постановления своей Церкви.

Исповедь и причащение.

П*окаяние.* Каждый член Церкви обязан в таинстве Покаяния (исповеди) очищать свою душу от грехов и примириться с Церковью, святость которой он оскорбляет. Никто из желающих принести раскаяние в них не может быть отстранен от этого таинства (Ап. 52). Для малолетних оно становится обязательным с того времени, когда у них созреет достаточное понимание и осознание греха. Наши законы требуют, чтобы дети приводились к исповеди с 7-летнего возраста (Улож. о наказ. 209).

Существенными действиями в таинстве Покаяния являются следующие: 1) исповедание кающимся его грехов перед духовником с обещанием исправления; 2) объявление кающемуся освобождения от грехов.

Исповедание грехов должно быть принято, если даже оно выражено не только в словесной форме, но и каким бы то ни было знаком или жестом, свидетельствующим о раскаянии и желании очиститься от грехов; однако, лицу, находящемуся в бессознательном состоянии, не может быть дано освобождение от грехов в Таинстве.

Духовник, по своему разумению о состоянии исповедующегося, имеет власть а) *наложить запрещение*, т. е. оставить на время его грехи неотпущенными, и б) *наложить* на него тайную *эпитимью*, сообразную с церковными правилами (явные эпитимьи накладываются только по церковно-общественному суду).

По смыслу канонических правил (Ап. 32; I, 5 и др). отменить или заменить эпитимью, наложенную одним духовником, а также отменить его запрещение, принадлежит епископской власти; другой же духовник может сделать это своей властью разве только при особенно уважительных причинах (напр., при совершенной невозможности для кающегося обратиться к своему первому духовнику, или в случае смертельной опасности для кающегося, и т. п.).

Все, что открыто духовнику при исповеди, он обязан сохранять в строгой тайне. Если духовник, в случае открытия ему особенно тяжкого греха, должен будет (по церк. правилу) обратиться за наставлением к своему архиерею, то, доложив о сообщенном грехе, он не может называть архиерею согрешившее лицо (Дух. Р. приб. 13).

Церковные правила повелевают запрещать священнодействовать тому духовнику, который нарушит тайну исповеди (Номок. пр. Б. треб. 128); а Дух. Регламент (приб. § 9) грозит ему лишением священства и светским наказанием по приговору суда. В силу такого ограничения, священники не могут свидетельствовать в суде о признаниях, сделанных им на исповеди (Уст. уг. Суд. 704).

Церковный порядок требует, чтобы мирские члены Церкви исповедывались у своих приходских священников, которые обязаны вести записи о всех своих прихожанах, приходивших и не приходивших на исповедь (Уст. К. ст. 16). Впрочем, священникам не возбраняется принимать на исповедь лиц, приходящих, по каким-либо особым причинам, и из чужих приходов; причем, таким лицам должны выдаваться свидетельства об этом для предъявления приходскому священнику.

Примечание. Для церковных причетов в каждом благочинническом округе избираются общие Духовники (Уст. К. 66-69), которые и утверждаются архиереем в своей должности. Также, в каждом мужском монастыре для всей монастырской братии избирается и утверждается архиереем особый духовник из иеромонахов. Он должен сообщать настоятелю монастыря о возникших в монастыре пороках, не называя виновных (Дух. Р. приб. §57).

Причащение. В таинстве Причащения христиан, соединяясь теснейшим образом с Иисусом Христом, свидетельствует также о своем единении с Церковью и укрепляет свой союз с ней (1 Корф. 10:17). Недопущение Члена Церкви к этому таинству есть одно из суровых церковных наказаний (эпитимья), налагаемых за тяжкие грехи.

Примечание. Налагать такое наказание без архиерейского решения Дух. Регламент священникам запрещает (приб. § 14).

Православная Церковь требует, чтобы Св. Причащение давалось и младенцам, получившим крещение и миропомазание.

Примечание. В римско-католической Церкви причащение младенцев не допускается, потому что миропомазание (конфирмация) совершается только над взрослыми.

К причащению могут допускаться и повредившиеся в уме, если только они не богохульствуют и не находятся в беспамятстве.

К принятию таинства Причащения взрослые члены Церкви должны подготовляться исповедью перед духовником и исполнением других предписанных Церковью правил (воздержанием, молитвой и пр.). Оно дается в церкви после литургии. Но больные могут быть причащаемы и в домах, в любое время, даже без соблюдения установленных приготовлений, но только после исповеди (Б. требн. Номок. пр. 166). Относительно православных христиан, находящихся в смертельной опасности, Церковь вообще требует, чтобы они не были оставлены без напутствия св. Причащением, даже те из них, которые под-

верглись запрещению, т. е. временному отлучению от Причащения (I Всел. Соб. 13; Григ. Нисс. 2, 5.).

Примечание. Священник, допустивший по халатности смерть больного без напутствия его таинствами, подвергается тяжкому наказанию (Уст. К., 183).

Древние христиане причащались каждый воскресный день. Ныне Церковь заповедует, чтобы всякий ее член приступал к св. Причащению, также как и к неотъемлемому от него исповеданию грехов, по крайней мере один раз в год. Епарх. начальству вменяется в обязанность проявлять особую заботу о том, чтобы миряне исполняли этот христианский долг (Уст. К. 15). Наши светские законы требуют также и от светского начальства, военного и гражданского, наблюдения за исполнением этого христианского долга их подчиненными (св. Зак., XIV, о пресеч. прест.). О тех, кто, по нерадивости, не был на исповеди и у св. Причастия два или три года доносится епарх. архиерею, который должен или сам, или через доверенных духовных лиц, вразумлять нерадивого и мерами убеждения стараться возвратить его к христианскому долгу, с наложением эпитимьи (тайной), по своему усмотрению. На того, чья нерадивость к исполнению указанного долга проявляется в присутственных местах, должна быть возложена публичная эпитимья. О тех, кого не удастся вразумить увещаниями исполнить христианский долг, сообщается гражданскому начальству, на его усмотрение (Уст. К. 17. Улож. о наказ. 208-209).

Примечание. В XVIII в. у нас в России, с лиц, уклонявшихся от исповеди и причащения, взимался денежный штраф, от 5 до 15 руб. (П. С. З. V. № 3763). В 1801 г. это постановление было отменено (П. С. З. XXVI, № 19, 743).

Посвящение в церковные степени.

Принятие лиц в клир и назначение их на церковно-общественное служение совершается через установленное в Церкви посвящение. Оно наделяет избранного не только известными полномочиями на исполнение поручаемой ему должности, но и особой благодатной помощью для ее отправления.

Церковные степени и виды посвящения.

Церковные степени подразделяются на два разряда — высший и низший. Со степенями первого разряда связано право совершать таинства и пасти Церковь Христову; это — иерархические степени; посвящение в них есть таинство священства, иначе называемое рукоположением или хиротонией; возведенные в них называются священнослужителями. Низший разряд включает в себя различные служебные должности, которые не дают духовной власти в Церкви и которые, по постановлениям древней Церкви, являются подготовительными к иерархическим степеням (начаток священства). Посвящение в них не принадлежит к числу таинств и состоит только в благословении архиерея, с возложением его рук на посвящаемого и молитвой (хиротесия). Назначенные на эти должности называются церковнослужителями, причетниками (т.е. причтенными к духовенству).

Главных и необходимых в церкви священнослужительских степеней три: епископская (архиерейская), пресвитерская (иерейская) и диаконская. Получившие преимущество первенства среди пресвитеров называются протоиереями и протопресвитерами, а среди диаконов — протодиаконами и архидиаконами. Хотя каждый, рукополагаемый во 2-ю

степень священства, провозглашается, при совершении посвящения, именем *пресвитера* (а не священника или иерея), равно как и производимый в протоиереи именуется при посвящении *протопресвитером*, тем не менее у нас пресвитерами имеют право называться только священники соборов: придворного, московского Благовещенского (также придворного) и Большого Успенского в Москве; звание же протопресвитера получило высшее значение, более почетное, чем протоиерейское. Возведение в эти звания также сопровождается особым чином посвящения, которое, впрочем, не есть таинство священства, также как и сами эти звания не являются особыми степенями священства. К церковно-служителям в древней Церкви принадлежали свещеносцы, парамонарии (пономари), чтецы, певцы, заклинатели и др. В настоящее время причетники называются у нас псаломщиками. Существует еще степень иподиакона (у нас — только при архиерейских кафедрах); хотя она принадлежит к церковно-служительским по посвящению, но наши законы приравнивают иподиаконов, в части их личных гражданских прав, к священнослужителям. Сами же церковные каноны требуют от иподиаконов таких же условий посвящения и образа жизни, как и от диаконов.

Правила возведения на церковные степени.

Церковное законодательство имело в виду сосредоточить в служителях Церкви лучшие силы, которые необходимы для успешного выполнения важных целей церковно-общественного служения. Поэтому оно с самого начала установило строгие требования к возводимым на священнослужительские степени. Важность священнослужения, а также соблюдение строгого порядка в церковном управлении, побуждали Церковь к точному определению и тех условий, при которых избранным на духовные должности должно даваться само посвящение.

Условия, требуемые от посвящаемого.

Их можно разделить на условия физические, духовные, и на условия, относящиеся к обстоятельствам жизни посвящаемого — общественной и частной.

Условия физические.

1) В христианской Церкви, как это было и в ветхозаветной, к возведению на иерархические степени допускается только мужской пол, но отнюдь не женский. Новозаветное св. писание, говоря о священнослужителях, понимает под ними одних мужчин; женщине, по ее подчиненному положению в семье и обществе, оно не позволяет говорить и учить в церкви (1 Кор. 14, 34-35). Но в древней Церкви женщины-вдовицы или девы, испытанной нравственности и не моложе 40 лет, принимались в клир для служения в должности *диаконисс* и получали от епископа посвящение. Впрочем, их степень не была иерархической, а только церковно-служительской, и посвящение их было такого же рода, как и прочих церковно-служителей (хиротесия, а не хиротония). Обязанностями диакониссы были: наблюдение за благочинством в церкви на женской половине, наставление вне церкви оглашаемых женщин, прислуживание им при крещении, исполнение, по поручению Церкви, дел милосердия по отношению к женскому полу, и т. п. Старейшие и возглавлявшие их назывались *пресвитеридами*. Впоследствии должность диаконисс была исключена из реестра должностей церковного клира.

2) Назначаемые на иерархические степени должны находиться в таком возрасте, когда в человеке предполагается достаточная зрелость мыслей и суждений, устойчивость в религиозных убеждениях, твердость в нравственных правилах, степенность в поступках. Чем выше иерархическая степень, тем более зрелый возраст требуется от возводимого на нее. Каноны определяли возраст для пресвитерской степени не меньший 30-ти летнего, так как Сам И. Христос начал учить будучи 30-ти лет от роду; для диаконской степени назначен возраст не ниже 25-ти летнего; для иподиаконской должности — не ниже 20-ти летнего (Неок. 11; Карф. 22; Трул. 14, 15). Возведенного в какую бы то ни было священную степень прежде определенного возраста Трулльский собор повелевает отлучать от нее (пр. 15). Относительно возраста, требуемого от возводимого в епископский сан, в каноны нет четкого определения; но этот возраст сам собой определяется теми условиями, что в епископы возводится, по правилам Церкви, только тот, кто уже имел пресвитерскую степень и при прохождении пресвитерской должности был испытан для возведения в епископство, следовательно — свыше 30 лет от роду.

Бывали в Церкви примеры возведения в иерархические степени и в более раннем возрасте; сам Апостол Павел поставил епископом Ефесским своего ученика Тимофея, о котором говорит: “никто пусть не пренебрегает юностью твоей” (Тим. 4:12). Но этот и другие подобные примеры были только исключительными случаями, которые происходили по чрезвычайному Божьему указанию или допускались в признание особых духовных дарований и добродетелей возводимых лиц.

О возрасте, достаточном для принятия на низшие должности церковнослужения, также нет канонических постановлений; но о нем можно делать заключение с одной стороны по указанию возраста для посвящаемого в иподиаконы, а с другой — сообразно со способностями принимаемого к прохождению его должности.

В древней Церкви иногда принимались в клир, через обряд пострижения, и отроки (разумеется, для подготовки к церковному служению); но они не получали установленного для причетников посвящения и потому не могли отправлять обязанностей клириков (Карф. 20; 7 всел. 14).

Гражданское законодательство византийской Империи, со своей стороны, также требовало от посвящаемых в священнослужители канонического возраста, а для чтецов — не менее 15-ти летнего возраста (см. Кормч. гл. 42, ст. 28 и 43; глав. 48, гр. 28). В русской церкви, в древности, поместные Соборы (напр., Владимирский 1274 г., Московский 1503 г., Стоглавый и др). неоднократно подтверждали необходимость исполнения указанных правил вселенской Церкви. Их действие было ослаблено с середины восемнадцатого столетия, ввиду привлечения к священству лиц, учившихся в школах. По действующим постановлениям, канонический возраст лиц, производимых в священники, должен быть соблюдаем *по возможности*.

Примечание. В римско-католической Церкви для различных степеней требуется возраст не ниже следующего: для пострижения в клир (*тонзуры*) — 7-ми летний, для причетничества — 13-ти летний, для иподиакона — 21 год, для диакона — 22 года, для пресвитерства — 24 года, для епископства — 30 лет. В евангелическо-лютеранской Церкви в России проповедническая должность поручается не ранее достижения кандидатом 25-ти летнего возраста. Исключения из этого правила допускаются лишь в особых случаях, с разрешения Министра Внутренних Дел (Св. Зак. XI, ч. I ст. 286).

3) По ветхозаветному установлению, имеющий телесный недостаток (слепой, хромой, с переломленной рукой или ногой и т. п.) не должен был служить жертвеннику, что-

бы не безчестить святилище Господне (Лев. 21:16-23). По воззрениям христианской Церкви, телесный недостаток сам по себе не может служить препятствием к принятию рукоположения в священство, так как не является признаком скверны в человеке или его безчестия. Каноны запрещают принимать в клир только с такими телесными недостатками, которые могут служить препятствием к надлежащему прохождению известной должности и делают невозможным или затруднительным отправление ее обязанностей. Так, по апостольским правилам, “кто лишен ока или в ногах поврежден, но достоин быть епископом, да будет; ибо не телесный недостаток оскверняет его, но душевная скверна” (пр. 77); “Глухой же и слепой да не будет епископом не потому, чтобы он был осквернен, но чтобы не было препятствия в делах церковных” (пр. 78). Даже скопчество, случившееся не по воле самого человека (это было бы преступно), а от природы или по причине насилия, не считалось препятствием к посвящению (Апост. 21). О таких физических недостатках ищущего посвящения, которые могли бы служить соблазном при отправлении им своего служения (напр., вызывать невольный смех или смущение), каноны ничего не говорят. Этот предмет, конечно, не подлежит точному определению; суждение о нем, как и вообще о прочих физических препятствиях, должно принадлежать духовной власти. Страдающий расстройством умственных способностей, и, в частности, — бесноватый, очевидно не способен к церковному служению и не может быть посвящен в клир (Апост. 79). Падучая болезнь также служит препятствием к принятию в клир (ук. Св. Син. 1834 г. 9 Окт.).

Условия со стороны духовных качеств посвящаемого.

1) Поступающие в число служителей Церкви должны не только иметь правильное крещение, но и находиться в союзе с ней; оглашенные, еретики и раскольники безусловно не допускаются в клир. От возводимых в епископство требовалось публичное исповедание веры, как это сохраняется и поныне в чине епископского посвящения.

2) Поступающие в клир должны быть достаточно знакомы с учением и законами Церкви, с обязанностями принимаемого звания. Большая степень этого знания требуется от того, кто возводится на высшую степень и обязан *право править слово истины*. Апостол заповедал, чтобы предстоятели Церкви были примером, служили для верных образцом в слове, были сильны в наставлении других в здравом учении и в обличении противящихся (Тим. 3:2-12; Тит. 1:9).

Каноны повелевают, чтобы они “имели усердие с размышлением, а не мимоходом читать священные правила и все Божественное Писание; ибо истинное ведение Божественного Писания есть сущность иерархии; в противном случае да не рукополагаются” (7 всел. 2). Государственные законы византийской империи запрещали допускать в клир недостаточно грамотных (См. Корич. гл. 42, ст. 4 и 42).

В России с самого начала церковное правительство заботилось о том, чтобы на церковные должности, особенно в священнослужители, возводились люди грамотные и понимающие Закон Божий. Но крайний недостаток в этих людях, невозможность отыскать того, кто был бы грамотен, нередко заставляли в прежние времена довольствоваться и такими, которые по одним церковным книгам “едва брели,” по другим и “ступить не умели,” “церковных порядков вовсе не знали” (как жаловался новгородский владыка Геннадий в конце XV стол.). С учреждением в XVII веке архиерейских школ, духовный регламент запрещал рукополагать в священники и диаконы не обучавшихся в них. Но и после учреждения школ недостаток в них и в их учениках, а также другие неблагоприятные для духовенства обстоятельства (напр., переход получивших образование в школах на более

выгодную светскую службу, неоднократные наборы духовенства на военную службу), были причиной такого недостатка в ученых кандидатах на священство, что Св. Синод был вынужден издать указ об определении в священнослужители неученых людей, только “за доброе житие” их. С преобразованием учебных заведений и с увеличением их числа, в девятнадцатом столетии для духовного начальства открылась возможность удовлетворить существенную церковную потребность, — чтобы церковные должности замещались людьми достаточно к ним подготовленными по степени образования.

По действующим законам, в священнослужители должны возводиться преимущественно лица из окончивших полный богословский курс в духовных академиях и семинариях, или из других лиц, если их образование соответствует (по усмотрению духовного начальства) званию, которое они желают принять. Только в случае недостатка где-либо в таких кандидатах, епархиальным архиереям разрешено посвящать, по их усмотрению, и не окончивших этого курса.

3) Еще более строгое внимание церковные правила обращают на то, чтобы к посвящению на служение Церкви допускались только лица строгой нравственности, честного поведения, не имеющие нареканий. Поэтому, вообще все принимаемые в клир должны быть подвергнуты предварительному испытанию, касающемуся их жизни, и, оказавшись порочными, не допускались бы к церковному служению (Вас. Вел. 89). Особенно тщательному и строгому испытанию должны быть подвергнуты кандидаты на иерархические степени (См. I Тим. 3:10; Лаод. 12). На основании слов Апостола: “*руки скоро не возлагай ни на кого*” (I Тим. 5:22), Церковь находила неприличным и безрассудным делом поспешно, т. е. без надлежащего дознания о поведении и нравственности избираемого лица, возводить его в епископа, пресвитера и диакона. Его испытанием должно служить предварительное прохождение им низших церковнослужительских должностей в течение достаточного времени, в продолжении которого могли быть выяснены его нравственные качества и он был бы признан достойным священства (Сард. 10; Двукр. 17).

В этом плане законы запрещали производить в высшие степени тех, кто лишь недавно отвратился от прежней порочной жизни, или недавно перешел из иудейства или язычества (новокрещенные), так как они еще не могли быть признанными прошедшими достаточное испытание (Апост. 80; I всел. 2; Лаод. 3), и, при том, от быстрого возвышения в Церкви их же собственная нравственность подвергалась бы большой опасности. “*Епископ не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордиться и не подпасть осуждению с диаволом,*” — говорит Ап. Павел (I Тим. 3:6). Также не позволялось возводить в пресвитеры того, кто был крещен во время болезни, потому что возникало сомнение в искренности его побуждения принять христианство; “его вера не от произволения, но от нужды” (т. е. от страха смерти) — говорит правило (Неок. 12). Отступления от указанных общих правил делались только в исключительных случаях, по особому действию благодати Божьей (Ап. 80) или ради открывшихся в избираемом добродетели и веры, или, наконец, от недостатка в кандидатах на священство.

Кроме испытания кандидата на высшие степени во время его служения на низших степенях, при избрании требовалось еще свидетельство о его достоинствах от христианского общества. Должно было быть также уделено внимание и тому, чтобы возводимый был свободен от нареканий даже со стороны не принадлежащих Церкви лиц. “*Надлежит епископу иметь доброе свидетельство от внешних* (т. е. посторонних для Церкви лиц), *чтобы не впасть в нареkanie,*” — говорит Апостол Павел (I Тим. 3:7). Наконец, сам избираемый обязан по совести и чистосердечно открыть о себе то, что может отстранить его

от служения Церкви (1 всел. 9; Неок. 9), чтобы не брать ответственность пред Богом и своей совестью за недостойное служение. У нас такое испытание совести посвящаемого производится перед посвящением, через особого духовника.

В частности, церковные правила безусловно преграждают доступ в клир за следующие деяния, выявленные или открытые собственным признанием виновного: а) за явное отпадение от христианства каким бы то ни было образом, даже если это было сделано по малодушию, только для вида, а не искренно, из страха перед мучениями, или по причине их тяжести; также — за явное отступничество от православной Церкви и переход в еретическое сообщество (I всел. 10; Афон. Вел. 2-е посл.); — б) за убийство. Каноны считают недостойным получения священства и того, кто причинил кому-либо смерть невольно, не только нанеся неосторожный удар без намерения убить, но и случайным образом: “он сделает себя нечистым через это нечистое дело” (Григ. Нисск. пр. 5), т. е. оно должно лежать тяжелым бременем на его совести (осквернять ее) и возбранять ему совершение священнодействий. Но убийство на войне врагов не вменяется в вину как убийство (Вас. Вел. 13), а считается делом законным и похвальным: “доблестные в брани удостоиваются великих почестей” (Афан. Вел. 1-е послание). Поэтому, исполнение воинской обязанности — поражение врагов на войне — не должно считаться препятствием к рукоположению в священные степени. (Впрочем, каноны не дают на это определенных правил). В римско-католич. Церкви прохождение военной службы или такой судебной должности, которая связана с вынесением смертных приговоров, является препятствием к получению священства. — в) За намеренное и добровольное, а не вынужденное болезнью или насильем, скопчество. Совершающий подобное преступление над собой считается самоубийцей и врагом Божьего создания, а над другими — убийцей (Апост. 22; I Всел. 1; Двукр. 8). — г) За всякого рода любоддеяние (Апост. 17, 61). д) За кражу, клятвопреступление и вообще за тяжкие преступления и пороки, которые, будучи избличенными, подвергают виновного уголовному наказанию или публичному покаянию перед Церковью (открытой эпитимии), и таким образом роняют достоинство лица в глазах общества, колеблют доверие к нему. Искупление указанных грехов раскаянием и примирением впавших в них с Церковью не устраняет препятствий, созданных этими грехами, к вступлению таких лиц в клир. Эти грехи только тогда не препятствуют производству в церковные должности, когда они были совершены еще до крещения, которое вводит человека в новую жизнь.

Обстоятельства общественной и частной жизни.

1) Вступление в клир не зависит от происхождения лица. Церковные правила запрещают делать пребывание в клире наследственным, как это было в ветхозаветной Церкви, где служение при храме принадлежало одному колену Левину и, в частности, священство — потомкам Аарона.

Трульский Собор постановляет: “да не будет позволено желающим возвести кого-либо в клир взирать на род производимого, но испытывая, достойны ли они по изображенным в священных правилах определениям быть причисленными к клиру, да производят их в служителей Церкви, происходят ли они от посвященных предков, или нет” (пр. 33).

Но при допущении кого-либо к клиру Церковь не относится безразлично к его званию и положению в обществе. Она не принимает себе на служение тех, кто не может по своим мирским обязанностям свободно располагать собой и всецело посвящать себя церковным делам. Так, канонами запрещено возводить на какую-либо церковную должность

рабов, пока они не будут отпущены на волю господами; потому что, с одной стороны, униженное и несвободное положение раба не совместимо с обязанностями и неприлично для звания служителя Церкви, а с другой, посвящение такого лица привело бы к недовольству господина Церковью, к нареканию на нее, будто она нарушает его права и производит в его доме расстройство (Апост. 82, ср. 4 всел. 4). Законами греческих императоров было установлено, что господа могли возвращать себе своих рабов, вступивших без их разрешения в клир. Иногда это право господ ограничивалось известным сроком или возведением их раба на определенную церковную степень. В России рабы и крепостные крестьяне, в случае их вступления в духовное звание без согласия господ, также могли быть возвращены в свое прежнее состояние судебным порядком, со снятием с них церковной степени. Церковные правила не позволяли также служителям Церкви сохранять за собой гражданские и военные должности (Апост. 81 и 83); поэтому государственные служащие не могут быть приняты на служение Церкви, пока они не будут освобождены от прежней службы.

В России духовное звание никогда не было, по закону, в строгом смысле наследственным; но оно сделалось таковым на практике, в силу различных обстоятельств. По естественному порядку вещей, духовные лица стремились иметь в своих детях преемников и, вместе с материальным наследством, передавать им свою должность, а дети духовенства — следовать в жизни по пути отцов, от которых они получали к этому склонность и, по возможности, — подготовку. Поэтому, уже в самом начале кандидаты на духовные должности представляли собой, по большей части, детей духовенства. Этому стало потом содействовать и церковное правительство, особенно в те времена, когда в России был крайний недостаток в школах и в грамотных людях; заботясь о том, чтобы на священнические места не были возводимы “сельские невежды,” оно указывало священникам, чтобы они учили своих детей грамоте и церковному благочинству, “яко да будут достойны к восприятию священства и наследницы по ним церкви и церк. месту” (Моск. Собор 1667 г.). Отчасти и забота о семейном положении духовенства побуждала дух. начальство к замещению церк. должностей по наследству. При этом и государство, со своей стороны, не желая освобождать кого-либо от службы ему и от тягла, все более и более затрудняло доступ к духовному званию посторонним лицам и предоставляло замещение церковных должностей лицам из детей духовенства; оно прямо давало им это назначение, когда у нас стали учреждаться школы духовного образования; в эти школы духовенство обязано было отдавать своих детей, а вакантные места в церковных причетах должны были замещаться выпускниками этих школ. Так постепенно у нас складывалось то положение, что духовные места сделались достоянием почти исключительно одного духовного сословия. В 1867 г. последовало запрещение закреплять места священно-церковно-служителей за их детьми и родственниками. Указом Св. Синода 1868 г. (17 Янв). запрещено обращаться в Св. Синод с просьбами об этом.

По действующим постановлениям, на духовные должности могут приниматься достойные по образованию и поведению лица любого сословия (Св. Зак. IX т., 1 кн., ст. 365-366), также как духовно-учебные заведения, подготавливающие служителей Церкви, открыты для лиц православного исповедания из всех сословий. Но люди из податных состояний для поступления в духовное звание (а дети их — и в духовно-учебные заведения) должны быть исключены из соответствующих сообществ; состоящие же на государственной службе — получить увольнение или отставку.

2) Говоря об условиях частной жизни, требуемых от посвящаемых в клир, мы имеем в виду их брачное состояние. Древняя Церковь не делала различия в том, состоит ли в браке возводимый на какую-либо церковную степень, или нет.

Она допускала, первоначально, женатых лиц до всех степеней священства, отнюдь не требуя от них разрыва брачного союза. Ап. Павел прямо позволяет возводить в диаконы, пресвитеры и епископы состоящих в браке, ставя условием, чтобы они были мужьями одной жены (1 Тим. 3:2. 12; Тит. 1:6). Вопреки появлявшемуся ложному мнению некоторых, будто святость священнослужения и требуемая священством чистота жизни несоместимы с супружеской жизнью, апостольские правила запрещали священнослужителям оставлять своих жен под предлогом благочестия, угрожая противящимся этому правилу отлучением от церковного общения и, в случае их упорства, совершенным лишением их церковных степеней (пр. 5). Тем, кто не признает силы священнодействий, совершаемых женатыми пресвитерами (как это делали некоторые сектанты в IV веке) и не принимает от этих пресвитеров таинств (напр., причащения), каноны изрекают проклятие, как хулителям Богом установленного брака. Церковные историки рассказывают, что когда на I вселенском Соборе некоторые его члены предложили запретить возводимым в священнослужители продолжать брачное сожитие с женами, святой Пафнутий, епископ Фиваиды (сам строгий подвижник и девственник) убедил Отцов Собора не устанавливать такого правила, чтобы не налагать на посвященных тяжелого ига (вынужденного безбрачия), дабы это не нанесло вреда нравственности как священнослужителей, так и оставляемых ими жен. Когда в римской Церкви стало вводиться требование, чтобы возводимые в клир разлучались со своими женами, Трулльский Собор осудил это нововведение и строго подтвердил древнее апостольское правило о нерушимости брачного сожития священнослужителей.

“Кто явится достойным рукоположения в сан диакона или пресвитера, таковому отнюдь да не будет препятствием к возведению на таковую степень сожитие с законною супругою и от него во время поставления да не требуется обязательства в том, что он удержится от законного сообщения с женою своею, дабы мы не были принуждены сим образом оскорблять Богом установленный и Им в пришествии Его благословенный брак” (пр. 13). Требование разлучения клириков с их женами в римской Церкви заявлялось уже в IV в. на частных Соборах. В XI в. папа Григорий VII из церковно-политических соображений узаконил это для всей Западной Церкви своей буллой. Он писал: “не может Церковь быть свободна от рабства миру, пока клирики не будут свободны от жен.” Тридентский Собор подтвердил целибатство клира.

Не требуя от клира отречения от брачной жизни (*целибатства*), Церковь никогда не ставила непременным условием и того, чтобы в клир вступали только женатые; она принимала в него и безбрачных. На это указывают и примеры, известные из церковной истории, и те церковные правила, которыми предполагается пребывание в клире лиц, давших обет девственности. Таковы, напр., правила, которые осуждают клирика, отвращающегося от брака “не ради подвига воздержания” (Апост. 51); — предоставляют лицам, принятым в клир безбрачными, жениться по их желанию, но только во время прохождения ими низших церковно-служительских должностей (Апост. 26), а от не желающих требуют обета целомудрия (Карф. 20); — запрещают вступать в браки уже после возведения в священнослужительские степени (Трул. 6); — охраняют от соблазна и подозрения частную жизнь членов клира, не имеющих жен (1 всел. 3; Вас. Вел. 88), и т. п.

Первоначальные церковные правила о возведении женатых лиц во все степени священства впоследствии подверглись во вселенской Церкви ограничению относительно епископского сана. Девственная жизнь, по евангельскому учению, есть жизнь совершеннейшая. Глубокое уважение к ней должно было пробуждать в христианском обществе желание иметь из среды принявших на себя ее подвиг если не всех священнослужителей, то хотя бы высших церковных пастырей, как представляющих нравственные качества и совершенства христианской жизни. Притом, от таких епископов, как не связанных семейными узами, общество могло ожидать более самоотверженного и полного служения на пользу Церкви, согласно со словами Ап. Павла (1 Кор. 7:32-33). Поэтому, в Церкви уже с первых веков установился обычай избирать в епископы предпочтительно подвижников девственности. С IV—го века развитие монашества, высокое почтение к нему, его влияние на церковную жизнь и на дела Церкви, прочнее утверждают этот обычай. С VI века он возводится в обязательное правило государственным законодательством. Юстиниан I предписал, чтобы в епископы возводились или монашествующие лица, или те, кто не женат или разлучился с женой. Затем, целибатство епископов было освящено и канонами Церкви, — Трулльским Собором.

Он дал следующие постановления: “дошло до нашего сведения, что в иных местах некоторые из предстоятелей (т. е. епископов), по совершившемся над ними рукоположении, не перестают жить со своими супругами, полагая тем нареkanie на себя и соблазн другим. Стараясь все устроить к пользе порученных паств, мы признали за благо, чтобы ничего подобного впредь не было. И это говорим не с целью уничтожения или изменения апостольского законоположения, но в видах попечения о преуспянии людей в лучшем и чтобы не допускать до священного звания каких-либо нареканий” (пр. 12 в сокращ.). Относительно жен тех лиц, которые производились в епископы, Собор постановил: “жена производимого в епископское достоинство, предварительно разлучившись с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его в епископы да вступит в монастырь, далеко отстоящий от местопребывания сего епископа и да пользуется содержанием от епископа” (пр. 48).

Хотя ни этот Собор, ни последующее законодательство не требовало от епископов монашества, но в церковной практике, мало-по-малу, установился такой порядок, что епископы стали избираться исключительно из монахов, вероятно, вследствие того убеждения, что лица, воспитанные монашеской дисциплиной, более способны к исполнению высоких и многотрудных обязанностей сана епископа.

Примечание. По церковным правилам, если епископ, возведенный не из монахов, пожелал принять иночество, то он должен оставить свое архиерейское служение и место: “ибо обеты монашеские содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства и начальствования” (Конст. соб. 879 г., пр. 2). Принявший монашество обязан начинать свое воспитание в этой жизни с ученичества и строгого подчинения воле своих руководителей в ней. Для возведенного в епископы это было бы несовместимо с достоинством его сана и с его обязанностями. Но для монаха, удостоенного епископской степени, как для лица, уже воспитанного ученичеством и послушанием, эти последние обязанности считаются уже выполненными. Однако, с их прекращением сохраняются другие обеты иночества, совместимые с епископством (целомудрие, нестяжательность, воздержание и т. п.).

В России до недавнего времени существовало правило не возводить в священники и диаконы неженатых лиц (разумеется, за исключением монахов для монастырской службы). Неженатый, назначавшийся на приходское священнослужительское место, обяза-

тельно должен был вступить в брак; а вдовцы вообще не могли быть назначены; как отсутствие жены, так и повторный брак равным образом преграждали им доступ к священству. Очевидно, правило это было направлено на охранение чистоты нравов священнослужителей и к защите их поведения от подозрений. В старину строгость его доходила до того, что овдовевшие священники и диаконы должны были постригаться в монахи, иначе им было запрещено священнослужение. Такое установление было вызвано соблазнами, происходившими от нечистой жизни многих вдовых священнослужителей.

Оно было дано всероссийским митрополитом Св. Петром (в XIV веке), потом было подтверждено митрополитом Фотием (в нач. XV в.) и русскими Соборами (Московским 1503 г., Виленским 1509 г., Стоглавым).

Московский Собор 1667 г. хотя и признавал это постановление практически полезным, но отменил его, как не согласующееся с канонами вселенской Церкви. Впрочем, и после этого овдовевшие священнослужители должны были иметь от своего архиерея особое разрешение на свое служение (священники — епитрахильные грамоты, а диаконы — оранные или постихарные). Это было отменено уже в 1765 г. Если такие меры принимались церковным правительством в древней России относительно священнослужителей, лишившихся жен, то само собой понятно, что в то же самое время не могло быть допущено возведение в приходские священники или диаконы холостых лиц или вдовцов. С 1869 года для мирского духовенства законом разрешено возводить на священнослужительские степени и неженатых лиц (т. е. холостых и вдовых после первого брака), если они доподлинно известны епархиальному архиерею своим усердием в Церкви, вполне безукоризненной жизнью и, притом, имеют не менее 40 лет от роду.

Церковные правила требуют известных условий и от супружества лиц, принимаемых в клир. 1) На основании повеления Апостола Павла, чтобы священнослужитель был мужем только одной жены, каноны не позволяют принимать в клир двоеженцев, т. е. вступивших во второй брак после прекращения первого (Ап. 17; Вас. Вел. 12). Второбрачие допускается и для мирян только по снисхождению к человеческой немощи, с возложением на них эпитимий, но не признается соответствующим нравственным качествам, требуемым от служителей Церкви. Не допускаются в клир и по причине второбрачия жены, т. е. женившиеся на разведенной или на вдове: брак соединяет обоих в плоть едину. (Ап. 18). Впрочем, эти правила относятся только к тем, кто стал двубрачным уже после своего крещения. В позднейшие времена низшим клирикам было дано разрешение вступать во второй брак; но после такого брака они не только не могут быть допущены к возведению на священные степени, но и лишаются права надевать стихирь (это есть как бы снятие с них церковной степени, в которую они были посвящены). 2) Брак принимаемых в клир должен быть совершен по правилам Церкви, быть христиански законным. Поэтому, не может быть допущен к служению Церкви напр. тот, кто сочетался гражданским браком, без благословения Церкви (Ап. 17), или сочетавшийся с женой, состоящей в близкой степени родства, запрещенной Церковью при бракосочетании (Ап. 19). Вступившие в незаконное, по церковным правилам, супружество еще до своего крещения, но прекратившие его после крещения, могут быть терпимы в клире (Феоф. 5). 3) Служитель Церкви не может иметь такую жену, общественное положение, поведение и религиозные убеждения которые не соответствуют его званию, вносят нравственное расстройство в его семейную жизнь, подают повод для соблазна, роняют доброе имя ее мужа в глазах общества. Таким образом, не допускается в клир: а) имеющий жену нехристианку или неправославную, пока она не присоединится к православной Церкви; то же самое касается и его детей (Карф.

45; 4 всел. 14); б) взявший в жены женщину зазорного поведения, бесчестную (Апост. 18), или тот, чья жена была уличена в супружеской неверности (Неок. 8); в) — женатый на лицедейке (*scenica*), т. е. выступающей на публичных зрелищах (Ап. 18); (По сути зрелищ языческого мира, долгое время сохранявшейся и среди христианского общества, актрисы не отличались доброй нравственностью, не пользовались хорошей репутацией даже в языческом обществе, и принадлежали вообще к самому низкому званию.) г) состоящий в браке с рабыней (Ап. 18); по римским законам этот брак не только не освобождал жену от власти ее господина, но и рожденных от нее детей делал рабами; такое семейное положение служителей Церкви было бы унижительным для них и для Церкви, нравственно подавляло бы их и сопровождалось бы прочими неудобствами для их церковных обязанностей. Безусловно запрещенные священнослужителям браки, оказавшись таковыми уже после возведения кого-либо на иерархическую степень, подвергают сочетавшегося таким браком обязательному исключению из нее; и только в виде снисхождения священнослужение запрещается ему навсегда, без лишения степени (Трул. 26).

Условия совершения посвящения.

1) Посвящению в иерархические степени должен предшествовать акт избрания и испытания кандидата на священство. Правила, касающиеся избрания, были уже рассмотрены нами прежде (в статье об епископах и о приходском причете); здесь отметим только то, что домогающиеся незаконными путями получить какую-либо церковную степень, недостойны ее уже по самим своим нравственным качествам, и получившие ее таким способом не имеют права пользоваться ей. С особенной силой каноны возстают против *симонии* (святокупства или приобретения священства деньгами). Имя этого греха произошло от некоего Симона волхва, который хотел получить от Апостола Петра власть продавать другим дары Св. Духа за деньги (Деян. 8:18-21). Они повелевают исключать из клира обличенного в купле какой-либо церковной степени или должности; епископа, поставившего его за деньги или подарки, — также лишать сана, — а тех, кто посредничал в такой гнусной торговле, лишать степени, если они принадлежали к клиру, или отлучать от Церкви, если они из мирян (Ап. 29; 4 всел. 2; Трул. 22; 7 всел. 5 и др.). Апостольское правило подвергает того и другого еще и отлучению от Церкви (29 пр.). Наравне с симонией церковные правила осуждают и стяжание священства через мирскую власть (Ап. 30; 7 всел. 3, и др.), понимая под этим такой безнравственный и оскорбительный для церковной власти образ действий, когда кто-либо добивается своими происками получения церковной степени посредством насилия или влияния светской власти, не имея на эту степень права или минуя законный путь ее приобретения. Правила предоставляют мирскому начальству право иногда принимать участие в избрании кандидатов на церковные должности, но только в тех же границах, в которых это определено для христианского общества. Непозволительно также, по церковным правилам, чтобы епископы передавали свое место родственникам или раздавали им епископский сан. Это было бы поступком неподобающего епископу пристрастия, оскорбительным для достоинства Церкви делом, несообразным со значением священного сана, который есть дар благодати Божьей, а не наследственное звание.

2) Посвящение на всякую церковную степень должно сопровождаться назначением возведенного в сан пресвитера, диакона или низшего клирика в определенный приход или храм, а епископа — в определенную область. В православной Церкви не допускаются так называемые безотносительные посвящения (существующие в римско-католической Церкви), и каноны прямо повелевают считать подобные назначения недействительными, по-

священных же без точного назначения не позволяют допускать где-либо до служения, к посрамлению возводивших их (4 всел. 6).

3) Одним из существенных признаков законности и действительности священства, по учению православной Церкви, признается его апостольская преемственность, т. е. принятие священства от того, кто сам получил полноту духовной власти в Церкви от Апостолов, через последовательный и непрерывный ряд их преемников. Преемственность апостольской власти идет в Церкви через епископство. Таким образом, власть посвящать на все иерархические степени принадлежит исключительно законно возведенным епископам, как преемникам апостольской власти. Там, где не существует епископства, как особой высшей степени священства, или там, где в нем прервалась преемственность от Апостолов, православная Церковь не признает за рукоположением на церковные степени значения таинства и благодатного освящения на церковное служение. Для посвящения пресвитера, диакона и прочих причетников считается достаточным один епископ (Ап. 2), так как служащие на этих степенях находятся по своему служению в зависимости от одного епископа. Возведение на епископскую степень должно совершаться не иначе, как несколькими епископами, по меньшей мере — двумя (Ап. 1; 1 всел. 4; Ант. 19; Карф. 13, 60). Основание последнего правила состоит в том, что посвящение должно приниматься не от равной власти, а от высшей (Ер. 7, 7). Епископы же все равны между собой по благодати священства и по духовной власти в Церкви; высшая власть над ними принадлежит Собору епископов. Притом, епископы, через посвящение, вводятся в число членов правительства вселенской Церкви, которое, по коренным началам церковного устройства, составляется из всего епископства в целом, а не принадлежит только отдельным епископам, или кому-то одному из них; поэтому, и свои полномочия в Церкви епископ должен получить, при своем рукоположении, не от одного епископа, а от их Собора. В римско-католической Церкви посвящение в епископы может быть совершено одним Папой, без участия в этом акте других епископов; это вытекает из ее учения о значении папского сана. Хотя низшие церковно-служительские степени и не принадлежат к степеням священства, однако, посвящение на них каноны также передают власти епископа (Ап. 2; Лаод. 26; Тр. 33; 7 всел. 14), как начальствующего лица в порученной ему Церкви. Впрочем, настоятелю монастыря, имеющему пресвитерский сан, позволено посвящать на должность чтеца, но только для своего монастыря (7 всел. 14).

4) Посвящения должны происходить в последовательном порядке степеней, так что посвящаемый на высшую степень должен иметь предварительное посвящение на все предшествующие степени (начиная с причетнической). Первоначальное основание этого канонического требования заключалось не в том, чтобы от соблюдения указанного условия зависела сила и действительность самого таинства священства, а в том, чтобы прохождение низших степеней служило испытанием способностей и достоинств лица для производства его на высшую степень и подготовкой к ней (Сард. 10; Двук. 17).

5) Рукоположение в иерархические степени не должно происходить тайно (Феоф. 7). По церковному уставу, оно должно совершаться во время литургии внутри алтаря; притом, на одной литургии может быть посвящено только одно лицо на каждую степень (т. е. один епископ, один пресвитер, один диакон). Епископ посвящается перед чтением Апостола, пресвитер — после великого входа, диакон — после совершения евхаристии. Диакон может быть посвящен и после литургии прежде-освященных даров. Причетническое посвящение может быть совершено при всяком богослужении и над несколькими лицами одновременно. При литургии — во время чтения часов вне алтаря. Архиерейскому

посвящению у нас предшествует: а) акт наречения в епископы. Избранному кандидату торжественно, на публичном заседании Св. Синода (или совершающих его посвящение архиереев) объявляется Высочайше утвержденное назначение его в епископы, на что кандидат выражает свое согласие по установленной форме; это сопровождается кратким молитвословием; б) перед началом литургии, за которой должно происходить рукоположение, возводимый произносит посреди церкви исповедание православной веры и клятвенное обещание верного служения Государю, послушания церковному правительству, твердого соблюдения церковных правил, и пр. (Присяга, по установленной духовным регламентом форме, требуется и от возводимых на другие священные степени).

б) Посвященный на всякую церковную степень получает ставленную грамоту, свидетельствующую о его рукоположении для определенной церкви и указывающую обязанности его служения.

Последствия посвящения.

Правила и обязанности посвященных относятся: одни к той церковно-служебной деятельности, для которой они поставлены, другие — к их жизни и особому положению в обществе. Рассмотрение первых относится к разделу о церковном устройстве и управлении; здесь же будут даны краткие описания вторых.

Правила, касающиеся внешнего поведения клира, его занятий и семейной жизни.

Как мы уже упоминали, Церковь требует от своих служителей всецелой преданности ее интересам и делу служения, к которому они призваны, и такого образа жизни, который соответствовал бы достоинству их звания и не только не подавал бы повода к соблазну, к нареканиям на них и на саму Церковь, но давал бы ее служителям право нравственно влиять на других. К этой цели направлены законоположения Церкви, касающиеся внешнего поведения клира, его занятий, отношения к обществу, и т. п. Что предосудительно в мирянине, того Церковь не терпит и в своем служителе, и преследует своим строгим судом; что она только терпит в первом, того не позволяет последнему.

1) Во внешней жизни духовных лиц, в ее обстановке, Церковь запрещает все, что могло бы подвергнуть опасности их нравственность, а тем более служить соблазном для других. Она не допускает для них таких поступков, которые, хотя бы и не заключали в себе чего-либо безнравственного или непристойного, однако, могли бы подавать повод к пересудам о них, оскорбительным для их звания и доброго имени, к различным подозрениям, порицаниям и т. п. Так, напр., церковные правила строго запрещают неженатому или вдовому служителю Церкви держать у себя в доме других женщин, кроме близких кровных родственниц (матери, сестры, тетки), или таких женщин, которые свободны от подозрения по самому своему возрасту (I всел. 3; Трул. 5; Вас. Вел. 88); духовным лицам не позволяется посещать корчмы, кроме случаев крайней необходимости (Ап. 54; Карф. 49; Лаод. 24; 7 всел. 22), устраивать вскладчину пиршества (Лаод. 55), присутствовать на публичных игрищах, петь светские песни, плясать (Ап. 42 и 43; Тр. 24 и 51; Лаод. 54) и т. под.

2) Церковные правила не оставляют без внимания одежду и вообще внешний вид духовных лиц. “Всякая роскошь и украшение тела чужды священного чина и состояния,” — говорит соборное правило; “посему епископы и клирики, украшающие себя светлыми и пышными одеждами, да исправляются; равным образом и употребляющие благовонные масти. От древних времен всякий священный муж довольствовался нероскошным и

скромным одеянием; ибо все, что не для потребности, но для убранства употребляется, подлежит обвинению в суетности” (7 всел. 16). Осуждается и несоблюдение духовным лицом приличия в одежде где бы то ни было (Тр. 27). О ношении одежды определенной формы некоторое указание дает нам правило Трулльского Собора (27): “всякий из числящихся в клире да употребляет одежды уже определенные для состоящих в клире” (Прекрасно замечание папы Целестина (V в.) о платье духовенства: “отличие клирика, — говорит он, — составляет образование, а не одежда, поведение, а не покрой платья, чистота ума, а не наряд”). Отращивание волос клиром не было заведено в древней Церкви; по словам Апостола Павла, оно было неприлично для мужчины (I Кор. 11:14). Члены клира стриглись так, как того требовало приличие (“не носить длинных волос на манер некоторых варваров, и не сбривать их наподобие египетских жрецов”). Впоследствии для них установилась однообразная форма стрижки (Тр. 21), напоминавшая веноч. Позднейший обычай духовных лиц отращивать волосы имел, вероятно, основанием пример ветхозаветных назореев и самого Спасителя. У нас священнослужителям вменяется в обязанность отращивание волос и ношение *рясы* (одежды, заимствованной от греков), за исключением живущих за границей. Причетникам позволено, по их желанию, стричь волосы и носить светскую одежду.

3) Церковь не запрещает духовным лицам мирских занятий для приобретения средств к существованию и материальному благосостоянию (7 всел. 15), но не позволяет им таких занятий, которые: а) унижительны, по своему характеру, для достоинства служителей Церкви, неприличны их нравственному уровню, демонстрируют лишь жажду обогащения, напр., содержание корчмы (Тр. 9), ростовщический промысел или ссуда денег под рост (Ап. 44; I всел. 17; Лаод. 4; Карф. 5; Трул. 10), откупничество (4 всел. 3; Карф. 19); б) сами по себе не совместимы с прямыми обязанностями духовных лиц, препятствуют их отправлению, или же сопряжены с ответственностью, несовместимой с церковным служением, напр., адвокатская деятельность, поручительство перед судом за других, принятие чужих имений под управление и т. п. обязанности. (Апост. 20; Карф. 19; 4 всел. 3; 7 всел. 10; Двукр. 11). Принятие духовными лицами светских должностей в государстве (военных и гражданских) каноны также запрещают, имея при этом в виду несовместимость двух разнородных (духовной и мирской) служб, которые, при этом, нередко противоречат друг другу по своим целям, средствам, свойствам и т. п. (Ап. 81 и 83; Двукр. 11). По нашим законам, духовные лица не могут: а) занимать должностей на государственной службе (недуховных), быть присяжными заседателями в суде, членами земских управ и мировыми судьями; а также членами или кандидатами от призывных участков в Присутствиях по воинск. повинн. (Опр. Син. 29 Мая 1885 г). б) быть ходатаями и поверенными по чужим делам, кроме тех, в которых они ходатайствуют за духовное ведомство, за свои семьи и за опекаемых ими; в) лично принимать обязательства или ручаться в судебном разбирательстве по векселям, подрядам и т. п.; г) заниматься торговлей и промыслами, влекущими причисление их к торговому сословию.

4) Как мы видели, служители Церкви (за исключением епископов) могут быть женатыми; но из вступивших в клир неженатыми Церковь разрешает жениться после посвящения только низшим церковно-служителям (Ап. 26); посвященные же в священнослужительские степени (а также иподиаконы) обязаны оставаться неженатыми; женитьба им безусловно запрещена, пока они состоят в этом звании (Трул. 3); Императорские законы в греческой империи грозили за вступление в брак после хиротонии конфискацией имущества; а жену и детей от этого брака объявляли незаконными. Эти императорские законы, как и правила Трулльского Собора, были вызваны нередкими отступлениями от древнего

апостольского правила, возбранявшего вступать в брак после рукоположения. Это отступление допускалось в некоторых случаях даже церковной властью некоторых поместных Церквей (Анк. 10). Прекращая на будущее время подобные браки, Трул. Собор довольно снисходительно отнесся к вступившим в них до того времени: не исключая этих лиц из их степеней, он наложил на них эпитимью, потребовал расторжения браков и запретил возводить на высшие степени (пр. 5). Наши законы также признают такой брак недействительным. Святость и чистоту брачного союза священнослужителей Церковь ставит в такую тесную связь с их служением, что супружеская неверность не только их самих, но и их жен считается препятствием к отправлению священнослужения, если оскорбленный муж не разведется с виновной женой (Неок. 8 пр.). Церковь требует и от детей своих служителей такого внешнего поведения, которое было бы сообразно со званием их родителей (Лаод. 10; Карф. 18, 30).

Гражданские права и преимущества посвященных в клир.

Все лица, посвященные на церковно-общественное служение, составляют особый класс, называемый духовным званием или *духовенством*. К нему относятся и принявшие иноческое пострижение, даже если они и не посвящены в какую-либо церковную степень. Не принадлежащее к иночеству духовенство называется *белым* (оно не обязано, как монахи, носить черное платье). Закон перечисляет в нем следующие чины: а) протопресвитеры, протоиереи пресвитеров, иереи, протодиаконы, диаконы и иподиаконы; б) церковные причетники, в звании псаломщиков.

Служению духовных лиц соответствуют права и преимущества, дарованные им в государстве. Принадлежащие к белому духовенству распространяют, через законный брак, права своего положения на своих жен, которые сохраняют свое звание даже во вдовстве. Но дети духовных лиц в духовном звании не состоят и к духовному ведомству не причисляются. До 1869 года и они принадлежали к духовному званию, так что для поступления в светские учебные заведения или на светскую службу от них требовалось разрешение на это архиерея. Впрочем, призрение сирот является обязанностью духовного начальства.

Вдовы и дети священнослужителей пользуются теми же правами, что и жены персональных дворян, причетнические — правами персонального почетного гражданства, если, разумеется, те и другие не имеют прав привилегированного положения вследствие других обстоятельств. Закон уравнивает всех детей духовенства, в каком бы положении родителей они ни были рождены.

Все вообще служители Церкви свободны от податей и повинностей, как государственных, так и земских, не исключая воинской повинности и обязанностей присяжных заседателей. Оставившие места псаломщиков ранее 6-летней церковной службы привлекаются к исполнению воинской повинности, а выбывшие по истечении этого срока зачисляются в запас. Квартиры, в которых живут духовные лица, также не подлежат государств. налогу (Собр. узакон. и распор. Прав. в 1893 г. № 79).

Священнослужители в судебном отношении подлежат особому церковному суду не только по делам своего служения, но и по некоторым общим преступлениям (против благочинства и благоповедения, по жалобам на них за обиды, по взаимным спорам о пользовании церковной землей и т. п.). По уголовным делам они задерживаются только в случае крайней необходимости, при обвинении в таких преступлениях, которые влекут за собой лишение прав состояния. Под стражей они содержатся отдельно от остальных заключен-

ных. О возбуждении следствия над ними извещается духовное начальство, которому закон предоставляет право некоторого участия в суде над ними (просмотр следственных актов, представление мнения). Приговор к временному заключению, не влекущий потерю духовного звания, приводится в исполнение духовным начальством, по его распоряжению (тюрьма заменяется монастырем). Взыскание выговором, наложенное уголовным судом, производится также по распоряжению и от имени духовного начальства.

Священнослужители освобождены от судебной присяги и свидетельствуют по *священству* (монахи — по *иноческим обетам*). В случае неявки в суд по повесткам, они вызываются через духовное начальство. Обида, причиненная священнослужителям, преследуется строже.

Священнослужители за свою службу имеют право на пенсию из государственного казначейства, часть которой передается их вдовам и сиротам, — на награждение их орденами и на пожалование других знаков отличия (за исключением орденов Станислава и Белого Орла (Лица дух. звания, сообразно с приличием их сана, не именуются кавалерами ордена, а только *причисляются* к орденам (см. учрежд. орд. ст. 138).), а также установленных специально для военных и гражданских чинов знаков отличия), с присвоением тех прав, которые присущи этим наградам. Специально для священников и протоиереев установлены следующие награды: набедреник (при богослужении); фиолетовая скуфья, такая же камиловка, наперстный крест от Св. Синода (иногда из кабинета Его Величества), палица (при богослужении), митра (непосредственно по Высочайшему усмотрению, а не по представлению).

Оставление духовного звания и неповторяемость посвящения.

Низведение с церковных степеней или оставление духовного звания может происходить или по суду (лишение сана, исключение из духовного звания), или по добровольному желанию служителя Церкви (сложение сана, выход из духовного звания). Первое рассматривается в статье о духовном суде.

Самовольное оставление церковного служения для мирского — преступно. “Однажды зачисленным в клир, — говорит вселенский Собор, — определили мы не вступать ни в военную службу, ни в мирской чин; иначе дерзнувших на это и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавать анафеме” (4 всел. 7).

Предосудителен и несообразен с каноническими правилами поступок и того священнослужителя, который ищет, хотя бы и законным путем, сложения с себя священства; этим он показывает, что мирские интересы для него важнее и дороже, чем святость служения Богу и Церкви. Такой поступок тем более достоин осуждения, чем менее благовидны и извинительны побуждения к нему. Конечно, церковная власть не может насильно удерживать на церковной службе тех, кто твердо решил сложить с себя священство; но она должна, со своей стороны, стараться отговорить их от принятого намерения.

По нашим законам просящие о снятии с них священства испытываются в течение 3-х месячного срока в их решимости и увещаются не оставлять принятого ими звания. В случае их непреклонности, епархиальное начальство представляет дело Св. Синоду, который и дает им разрешение на сложение сана. увольнение причетников из духовного звания разрешается Консисторией с утверждением архиерея. Но если проситель находится под судом или следствием, то рассмотрение его просьбы откладывается до следственного или судебного решения о нем (чтобы не дать подсудимому избежать наказания лишением сана, если он окажется заслуживающим его).

О последствиях снятия священства с лица по добровольному его желанию в правилах вселенской Церкви не говорится (возможно потому, что оно само по себе является лишением, которое законы делают тяжким наказанием).

Правительство русской Церкви иногда довольно снисходительно допускало к причетническим должностям сложивших с себя священство (вдовцов) для вступления во второй брак (Моск. Соб. 1667 г.). (См. дела архива Синода 1800 г. №766; 1810 г. №256; 1832 г. проток. №171; 1835 г. проток. №47.). Государственные же законы, в наказание за этот предосудительный поступок, предусматривают невыгодные последствия для оставляющих священство. (Резолюция Импер. Николая I-го: “полагаю, что звание священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну в удостоении онаго, столько же должно затруднить добровольное онаго сложение. Я полагаю, что нельзя допустить, чтобы лицо носившее сие высокое звание могло непосредственно посвящаться иному служению, какое бы ни было, без всякого соблазна и как бы в доказательство, что мирские обязанности главнее духовных.” — Преосв. Митроп. Филарет указал на особого рода соблазн, который может произойти от священника, слагающего с себя сан: по должности духовника священник знает многие тайны совести многих людей; нерушимость этих тайн обеспечена строгостью церк. закона; сложивши же с себя сан, он является среди тех же людей с языком уже не так крепко связанным, как прежде. Есть тайны совести, открытие которых может произвести расстройство в семьях и быть причиной великих несчастий. Закон был бы несправедлив и вреден, говорит преосв. Филарет, если бы не употребил против сего возможной предосторожности. Собр. мнений и отзывов, Т. 4, стр. 529, №549). Добровольно снявшие с себя священство и вышедшие из духовного звания (белого духовенства) лишаются всех отличий и преимуществ, приобретенных ими на духовной службе, и светские чины, если они имели их до вступления на нее, им не возвращаются, как уже однажды сложенные при посвящении на церковную степень. За ними оставляются только права, связанные с происхождением и образованием; но принимать их на государственную или общественную службу запрещено: оставивших священнический сан — ранее 10-ти лет, а диаконский — ранее 6-ти лет. По истечении этого срока они не могут поступать на светскую службу в той губернии, где состояли на духовной службе, и при новой службе прежняя им не зачисляется. В новейшее время, по ходатайству Св. Синода в каждом отдельном случае, слагающим с себя священство, принимая во внимание особо уважительные причины, Высочайшей милостью обычно позволяется поступать на государственную службу (на основе прав рождения и образования) ранее указанного срока, но не в той губернии, где они служили прежде; впрочем, другие законные ограничения остаются в силе. Причетники, увольняемые по своему желанию из духовного звания, такой кары не несут; они обязаны лишь приписаться к городскому или сельскому сословию, если только они не пользуются по рождению правами почетного гражданина или высшего сословия, а по образованию не имеют права на поступление на государственную службу.

Примечание. Снятие священства никакими церковными обрядами у нас не сопровождается.

Раз утративший какую-либо церковную степень, по суду ли Церкви, или по собственному желанию, никогда не сможет получить нового посвящения на служение Церкви (Карф. 36; Вас. Вел. 3), как оказавшийся недостойным прежде вверенного ему служения и не заслуживающим доверия.

Если посвящение не может повторяться над лишившимся церковной степени, то тем более оно ни в коем случае не повторяется над тем, кто получив его законно, был низведен со своей степени (Ап. 68; Карф. 59).

Силу правила о неповторяемости посвящения древняя Церковь иногда распространяла на присоединившихся к ней членов клира из некоторых сообществ, отделившихся от нее, а именно — из таких сообществ, в которых основные догматы веры не подвергались

искажению и сохранилась преемственность апостольского рукоположения в священство, а, значит, оставалась некоторая внутренняя связь с православной Церковью, при внешнем разрыве с ней. Получивших в таких сообществах правильное посвящение Церковь позволяла, при вступлении их в общение с нею, принимать на те же церковные степени, какие они имели, без нового посвящения (1 всел. 8; Карф. 79; Вас. Вел. 1). Так и ныне поступает русская православная Церковь, когда к ней присоединяются члены клира из римско-католической Церкви (см. ст. о присоединении иноверцев).

Монашествующее духовенство.

Сущность и возникновение монашества.

Монашество есть высшее выражение благочестия, стремление к достижению христианского совершенства. Отречься от всех вещественных благ земной жизни, неослабной борьбой со своими помыслами, чувствами и желаниями достигать бесстрастия и душевной чистоты, посвятить себя всецело Богу, умереть душой для плоти и мира, жить для Бога и Бога, по подобию ангельской жизни, — вот сущность монашеского подвижничества.

Возникновение монашества, как людей особого класса в церковном обществе, относится к IV веку (его началу). Стремление к самоотверженному служению Богу, находившее себе выход до того времени в подвигах мученичества за веру, с прекращением кровавых гонений обратилось к подвигам монашеской жизни. Между тем, мир со своими бесчисленными соблазнами, общество с господствовавшими в нем пороками, являлись трудно преодолимыми препятствиями к этой жизни для стремившихся к ней, поселяли в них отвращение к мирской жизни, заставляли их бежать из суетного и греховного общества в пустыни. Первые великие подвижники и подвижницы пустынножительства (св. Антоний, Пахомий, Илларион и др.) привлекают своей жизнью множество подражателей и учеников, собирающихся вокруг них; будучи воспитанными под их руководством, ученики эти становятся также примерами и учителями для других. Ливийская, Палестинская, Сирийская и др. пустыни наполняются отшельниками; монашество с поразительной быстротой распространяется на востоке и на западе. Эти граждане пустынь объединяются в более или менее многочисленные общины (монастыри), получают от своих руководителей уставы, принимают к себе новых членов, дающих обет безусловно повиноваться этим уставам и неуклонно до конца жизни идти избранным путем; некоторые отшельники остаются в совершенном уединении, вне всякого общения даже с миром иноков. Церковь почтила и благословила монашеский образ жизни (Ганр. 21; Двукр. 4), подчинила его своему надзору (4 всел. 4), стала ограждать своими законами его чистоту, призывать его подвижников на свое служение, когда это приносило пользу Церкви, содействовала распространению этого образа жизни, создавала приюты для его приверженцев, в том числе и по соседству с мирским обществом, на которое монашествующие имели огромное нравственное влияние. Законы государей, заботившихся об интересах православной Церкви и веры, оказывают покровительство монашеству, содействуют его благоустройству и причисляют его к разряду служителей Церкви.

Среди новых народов монашество появлялось и утверждалось вместе с христианством, а иногда и предшествовало ему в некоторых местах. Так и в России монастыри возникли с введением в ней христианства. У нас монашество с самого своего начала пользовалось чрезвычайным почтением, привлекало к себе лучшие силы и быстро развивалось.

Благоговение перед ним в старину было так велико, что бояре и князья считали спасительным делом принятие пострижения хотя бы на смертном одре; монастыри вскоре размножились. Особенно усилилось стремление к монашеской жизни с XIV века, после разорения России монголами. Много монастырей было разрушено во время татарского погрома; но потом их было основано еще больше, чем прежде. Всеобщее благоволение к ним наделяло их богатыми материальными средствами; монастыри сделались владельцами обширных земельных наделов, сел и деревень, разного рода угодий. Значение монастырей в церковной, государственной и общественной жизни было огромным.

Отвлечение монашеством народных сил от государственной службы и повинностей побудило государственную власть к тому, что она стала принимать меры к сокращению числа монашествующих и монастырей. При императоре Петре Великом появился запрет на строительство новых монастырей без разрешения Св. Синода и Верховной Власти, а строить скиты было вообще запрещено; малые монастыри упразднились; было положено за правило не увеличивать числа монашествующих сверх уже существовавшего их числа (определенного переписью, которую было приказано провести). Вместе с этим монастырям был дан статус благотворительных учреждений: они должны были давать приют нищим, больным, умалишенным, особенно же — солдатам инвалидам. Вышел также (в 1723 г.) указ о том, чтобы не постригать в монахи на освобожденные места, а определять на них отставных солдат (разумеется, не для пострижения, а для прокорма). Этот указ был вскоре отменен; но прежняя свобода поступления в монастыри сильно ограничена: в 1725 г. было запрещено постригать кого-либо (за исключением вдовых священнослужителей) без разрешения Св. Синода. При императрице Анне Иоановне опять была сделана перепись наличных монахов и произведен строгий розыск, по которому все, оказавшиеся постриженными без требуемого законом разрешения и без соблюдения других установленных правил, были взяты из монастырей в солдаты. Снова было издано повеление принимать в монастыри только вдовых священнослужителей и отставных солдат (1734 г.). Монашество до того сократилось числом “через разные случаи,” что Св. Синод выразил опасение, как бы оно вообще не прекратилось в России. В царствование императрицы Елизаветы прежние ограничения относительно поступления в монашество были прекращены.

Поступление в монашество.

Монашество открыто для христиан обою пола и любого мирского состояния. *“Грядущего ко мне, — говорит спаситель, — не изгоню вон”* (Иоан. 6:37). Так как монашеская жизнь представляет собой жизнь покаяния, то искренно обращающемуся к ней никакой прежний образ жизни не препятствует принять монашество (Трул. 43).

Для того, чтобы монашеские обеты были действительными, необходимо: а) полное их понимание и осознание всей их важности, свободное волеизъявление и твердая решимость исполнять их. Поэтому, от поступающих в монашество закон требует такого возраста, когда в человеке предполагается полное раскрытие разума и свободной воли (Вас. Вел. 18; Трул. 40).

Василий Великий позволил принимать от дев, посвящающих себя Богу, обет девственности только по достижении ими не менее 16 или 17-летнего возраста; но Трулльский Собор нашел возможным допускать к монашеству даже 10-ти летних, предоставив, впрочем, усмотрению начальства монастыря продление срока испытания такого лица перед его пострижением (там же).

По нашим законам, желающие постричься в монахи должны быть: мужчины не менее 30-ти лет, а женщины не менее 40 лет от роду (Св. 3. IX, 344). Вдовы священнослужители и лица, получившие богословское образование, могут быть приняты в монашество, с разрешения Св. Синода, и в более раннем возрасте (25 лет). Возраст принимаемых в монастырь для послушания и приготовления к монашеству не определяется. Для того, чтобы желающий монашеской жизни давал ее обеты не опрометчиво, а обдуманно и с твердой решимостью, и чтобы испытать такую решимость и искренность его намерения, правила Церкви повелевают подвергнуть его предварительному испытанию (*искусу*), для которого назначается трехлетний срок. Этот срок позволено сокращать для подвергшихся тяжелой болезни или для тех, кто и в мирском состоянии вел жизнь, подобную монашеской. Пострижение таких благочестивых лиц разрешено после шестимесячного искуса (Трул. 40; Двукр. 5). У нас от положенного искуса могут быть освобождены те же лица, для которых сделано исключение из правила, определяющего возраст для пострижения.

б) Принятие монашества не должно сопровождаться нарушением каких-либо обязанностей, требуемых от каждого христианина законами Божескими и человеческими. Таким образом, не имеют права для принятия монашества муж оставлять свою жену, а жена мужа, или родители своих малолетних детей, пока призрение последних не будет обеспечено. По нашим законам, связанных супружеством позволено постригать, с соблюдением других условий, только тогда, когда оба супруга, по взаимному согласию, принимают монашество. Поступающие в монахи должны быть свободны от государственных, общественных и частных обязательств. Поэтому у нас не позволено принимать в монастырь служащих лиц без официального их увольнения, подлежащих воинской повинности — пока они ее не исполнят, а также — лиц, являющихся должниками и состоящих под судом (Св. Зак. IX, ст. 347).

в) Разрешение на пострижение в монахи зависит у нас от церковно-правительственной власти. В прежние времена право принимать в монастырь и давать иноческий чин желающим принадлежало настоятелям монастырей. Чтобы подчинить строгому надзору выполнение требуемых законом условий принятия в монашество, у нас с 18-го столетия было запрещено постригать кого-либо без разрешения Св. Синода. По действующим правилам (с 1865 г.) давать это разрешение предоставлено власти епархиальных архиереев. Так как поступающий в монастырь должен сам представить надлежащие документы, то епархиальное начальство может определить его в монастырь на послушничество, не входя в предварительные сношения с гражданскими ведомствами об отсутствии препятствий к поступлению просителя в монашество, а только уведомляя то учреждение, из которого выданы представленные документы. Само пострижение епархиальное начальство разрешает по представлению монастырского начальства и по рассмотрении того, может ли представленный быть удостоин пострижения по своему возрасту, времени пребывания в монастыре на искусе, по свидетельствам о его поведении и по другим условиям (Уст. Конс. 77 г.).

Пострижение в монахи.

В православной Церкви нет, как в римско-католической, орденов или различных по обетам и деятельности классов монашествующих лиц. Монашество устроено у нас по единому чину, положенному св. Василием Великим и требующему следующих главных обетов: *целомудрия, нестяжательства* (или отречения от собственности) и безусловного *послушания* церковной и монастырской власти (отречения от собственной воли). Обряд

пострижения состоит в произнесении обетов монашеской жизни и в запечатлении их пострижением волос во имя Божие, с облачением в иноческое одеяние; при этом постригаемому дается новое христианское имя, взамен прежнего, которое он носил в миру. (У нас не принято, чтобы монах употреблял и свою мирскую фамилию.) Совершает этот обряд обычно настоятель монастыря; но может совершать его и любой монах, даже не имеющий священнической степени. Кроме обыкновенного пострижения есть еще великое, или пострижение в схимонахи (в схиму), требующее более строгой иноческой жизни и отличающее постриженных от других монахов особым одеянием.

Правила, касающиеся внешнего поведения монахов.

Правила благоповедения и ограничения прав, существующие для всех духовных лиц, относятся, конечно, и к монахам. Соответственно их особому положению, для них установлены еще и следующие ограничения:

а) согласно своему обету нестяжательности, монахи, по каноническим правилам, не должны иметь никакой собственности; поэтому, поступающие в монахи должны распорядиться своим имуществом по гражданским законам; а с поступлением в монастырь, все им принадлежащее (т. е. принесенное в монастырь или приобретенное во время пребывания в нем) считается уже монастырской собственностью; монашеская жизнь, относительно имущества, должна быть устроена по образцу первой христианской общины (Деян 4. 32), в которой ничего из своего имущества никто не называл своим, но все было общим (Двукр. 6.). По нашим гражданским законам, поступающий в монастырь также не может удерживать за собой свое недвижимое имущество, но должен до своего пострижения передать родовое имение законным наследникам, а благоприобретенное передать по своему усмотрению в чью-либо пользу. При отсутствии такого распоряжения, имущество в обоих случаях переходит к законным наследникам безвозмездно, по распоряжению правительства. Монах отрекается от своего имущества навсегда, так что и в случае сложения с себя монашества он не может получить обратно переданное имение. Недвижимой собственности монах не имеет права приобретать ни по договору, ни по наследству; он может лишь покупать или строить за свой счет какие-то помещения для себя внутри монастыря (там, где это допускается духовной властью). Монаху не запрещено иметь и приобретать позволенными ему способами деньги и другую движимую собственность и пользоваться ею (напр., получать доход за службу, жалование, продавать собственное рукоделие); но он не имеет права получать что-либо по завещаниям (кроме книг духовного, нравственного и научного содержания, икон, крестов и других религиозных предметов), сам делать завещания об имуществе (за исключением завещаний монашествующим духовным властям. Наши законы относят к монашествующим духовным властям: архиереев, архимандритов, игуменов и игумений, строителей монастырей, настоятельниц женск. монастырей, ризничего Московс. Синод. Дома. Св. 3. IX, 340), брать в долг или давать другим деньги под долговые обязательства или принимать на хранение что-либо чужое (кроме вышеуказанных предметов); впрочем, делать вклады в кредитные учреждения монаху не возбраняется. Все имущество, оставшееся после смерти монаха, обращается в собственность монастыря.

Примечание. В тех монастырях, где устроено полное общежитие (см. ниже), монахи не могут ничего приобретать в свою собственность, но все получаемое ими составляет общее достояние; в этих монастырях и всякое оставшееся после настоятеля имущество признается собственностью монастыря.

б) По своему обету девственной жизни, монах не может вступать в брак (см. ст. о браке). Охраняя целомудрие монашествующих от соблазна, каноны возбраняют им не только сближение, но и вообще общение с лицами другого пола. Так, не допускаются *двойные* монастыри, т. е. смешанные, — мужские и женские (7 всел. 18), не позволено держать в мужском монастыре женскую прислугу (7 всел. 18) или даже допускать на ночлег в монастырь лицо другого пола, есть или беседовать наедине монаху с монахиней, даже если они родственники (Тр. 47; 7 всел. 18, 20) и т. п.

в) По обету отречения от своей воли, монах не имеет права отказываться от работы и обязанностей, возлагаемых на него епархиальной и монастырской властями, переходить самовольно или даже на время отлучаться без позволения своего начальства из своего монастыря в другой (Тр. 46; 7 всел. 21; Двукр. 4). Вообще, он обязан оказывать настоятелю полное послушание и делать все только с его благословения (Инстр. благоч. монастырей 12 и 19).

Учреждение, устройство и управление монастырей.

По канонам монастырь, как и всякое освященное здание, не может быть устроен без воли и благословения местного епископа (4 всел. 4; Двукр. I). У нас разрешение на учреждение монастыря зависит от Св. Синода, если при этом не запрашивается содержание от казны. При учреждении новых монастырей наше духовное начальство обращает внимание на то, чтобы с целями монашеской жизни объединялась, по возможности, благотворительная или воспитательная цель (устройство при монастыре богадельни, больницы, школы и т. п.).

Существующие у нас монастыри разделяются: а) по полу монашествующих лиц — на *мужские и женские*; б) по внутреннему устройству монашеской жизни — на *общежительные и необщежительные* (по древнему — *киновии и скиты*); в первых братья получают все нужное для себя от монастыря, по распоряжению настоятеля, и плоды своего труда предоставляют в распоряжение монастыря на общую пользу; во вторых братья, имея общий стол от монастыря, все прочее приобретают для себя сами на свои доходы, жалование, труды и пр. У нас церковное правительство требует, чтобы вновь учреждаемые монастыри устраивались по правилам общежития. в) Про своему содержанию монастыри разделяются на *штатные и заштатные*; первые получают от казны назначенное пособие (взамен отобранных в 18-м столетии имений) и число братьев для них определено (Послушники и послушницы к составу братии не принадлежат. Епархиальным архиереям предоставлено право увеличивать число монашествующих в монастырях и архиерейских домах сверх существующих штатов, если в этом появится необходимость и если имеются собственные средства к содержанию сверх назначенного штата. опред. Син. 1893 г. 18 Января); последние содержатся исключительно на свои средства и принимают столько братьев, сколько смогут содержать. Штатные монастыри (по штатам 1764 г). подразделяются, соответственно получаемому ими штатному пособию от казны и числу братьев, на 3 класса. Сверх того, есть еще наиболее значительные мужские монастыри, называемые *Лаврами и ставропигальными* (или патриаршими) монастырями. (Название ставропигии произошло от водружения креста патриархом при учреждении монастыря, который поступал в непосредственное ведение патриарха. Ставропигальных монастырей у нас шесть: Новоспасский, Симонов, Донской, Заиконоспасский; все в Москве, Воскресенский или Новый Иерусалим, в Моск. губ. и Соловецкий. Лавр четыре: Киево-Печерская, Троицко-Сергиевская, Александро-Невская и Почаевская, в Волынской губернии) При некоторых больших монастырях существуют приписанные к ним малые монастыри.

Каноны требуют, чтобы все монашество находилось в подчинении у местного епископа, а епископ обеспечивал должное попечение о монастырях своей области (4 всел. 4). Между тем, еще в греческой Церкви сложился обычай передавать в ведение патриарха некоторые монастыри, которые становились зависимыми только от него, а не от власти своих епархиальных архиереев (становились ставропигальными). Этот обычай перешел и в Россию. Но у нас, в прежние времена, — кроме того, что иные монастыри подчинялись только высшей церковной власти (греческих или всероссийских патриархов), — очень многие из них состояли под покровительством царей и князей, от которых получали несудимые грамоты, освобождавшие эти обители от суда и ведения местного архиерея. В таких царских и княжеских монастырях все управление монастырскими делами, кроме дел чисто духовных, и назначение властей подлежало ведению их покровителей. Несмотря на то, что русские Соборы издавали постановления против таких, несогласных с канонами, отчуждений от епархиальной власти, это продолжало существовать до времени церковных реформ в начале XVIII ст., когда все монастыри были подчинены епархиальным управлениям. Теперь из ведения епархиальной власти изъяты только Лавры и ставропигальные монастыри. Первые и Соловецкий монастырь подведомственны Св. Синоду, последние (кроме Соловецкого) — Московской Синодальной конторе.

Непосредственное управление в монастырях принадлежит их настоятелям и настоятельницам, с советом старшей братии и старших сестер. Настоятелями Лавр, с титулом священно-архимандритов, всегда назначаются местные митрополиты и архиереи (в Почаевской), которые управляют свими обителями через своих *наместников* (в звании архимандритов) и через *духовные Соборы*, состоящие из нескольких иеромонахов под председательством наместника. Настоятели прочих монастырей носят сан или архимандрита (в штатных монастырях 1-го и 2-го класса, а в прочих — по заслугам), или игумена. Не возведенные на степень игумена (в штатных монастырях) называются просто настоятелями или управляющими монастырем. Для отправления богослужения в этих монастырях определяются причеты из белого духовенства (определять вдовцов запрещено). Настоятели ставропигальных и первоклассных монастырей имеют помощников (из иеромонахов) в звании наместников. В общежительных монастырях кандидаты на должность настоятеля избираются самими монахами, преимущественно из местной братии или из другого общежительного монастыря, и утверждаются Св. Синодом по представлению местного архиерея; (Архиерей имеет право представить своего кандидата из того же или из другого общежит. Монастыря. Ук. Син. 1862 г. 20 марта.) в другие монастыри — назначаются или Св. Синодом (если монастырь зависит только от него), или же епарх. начальством. В монастыре существуют еще следующие должности и должностные лица: казначей, эконом, ризничий, духовник; их названия указывают на круг их обязанностей. Посвященные не священнослужительские степени монахи называются иеромонахами и иеродиаконами; послушники, готовящиеся к пострижению и, с благословения настоятеля, носящие монашеское одеяние (рясу и клобук) называются *рясофорными*; прочие монастырские служители (за исключением вольнонаемных) называются послушниками. Епархиальное начальство производит надзор за подведомственными ему монастырями через благочинных монастырей.

Устройство монастырей имеют также *архиерейские дома*, являющиеся особыми церковными учреждениями, со своим отдельным имуществом и управлением. Архиерейский дом служит помещением для архиерея и его свиты и имеет свою церковь (крестовую) с несколькими монахами для отправления в ней богослужения. Хозяйством дома заведует *эконом* под наблюдением консистории и самого архиерея.

Оставление монашества.

Оставление монашества, как нарушение данных Богу обетов, есть поступок более предосудительный, чем оставление священства. Просящие об увольнении их из монашества подвергаются предварительному увещанию в течение 6 месяцев, сперва через монастырское начальство с братией, а потом — через специально назначенных архиереем лиц и, наконец, — в полном присутствии Консистории. Непреклонному в своем решении дается увольнение, с разрешения Св. Синода, причем на уволенного накладывается эпитимья (на 7 лет).

По гражданским законам, сложивший с себя монашество сохраняет только права данные ему по рождению, вообще не принимается на государственную службу до конца жизни, лишается права жить или приписываться к какому-либо сословию в той губернии, где он состоял монахом, равно как и в обеих столицах, в течение 7 лет (пока несет эпитимью); за неисполнение всего этого ему угрожает ссылка в Сибирь на поселение.

Примечание. Монашество римско-католической Церкви по существу своих обетов, устройству и управлению в целом сходно с монашеством православной Церкви. Но в римско-католической Церкви монашествующие разделяются на множество различных орденов (доминиканцы, францисканцы, иезуиты, бернардины, базилиане и др.). Вступающие в тот или иной орден дают — кроме обетов целомудрия, нестяжательности, послушания — еще и другие частные обеты служения Богу и Церкви особыми благочестивыми делами, согласно с уставами основателей этих орденов. Учреждение или закрытие ордена зависит от воли Главы Церкви. Каждый орден имеет во главе начальника (генерала ордена) с его помощниками. В России могут быть лишь ордена, допущенные государственной властью. Каждый монастырь находится у нас в ведении и полном подчинении епархиального архиерея и управляется настоятелем (супериором), его помощником (викарием) и прокуратором. Для непосредственного наблюдения за монастырями архиерей назначает визитатора.

Монашество Армяно-Григорианской Церкви устроено по чину св. Василия Великого и во всем сходно с православным.

Брак.

Его существо и цели.

Общее христианское учение об основе, целях и свойствах брачного союза следующее. Определение брака в Кормчей книге: “супружество или законного брака тайна от Христа Бога установлена есть, во умножение рода человеческого, и в воспитание чад к славе Божией, в неразрешимый союз любви и дружества, и в взаимную помощь, и во еже отгребатися греха любодеяния”(гл. 50). Другое определение в Кормчей: “брак есть мужеви и жене счетание и с бытие во всей жизни, божественныя же и человеческия правды общение;” — есть буквальный перевод из римского права: “nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicato” (Кормч. гл. 48, зак. гр. ст. 4).

Он зиждится на божественном установлении, положенном Творцом в самой природе человека и подтвержденном откровенным законом Божиим.

Целями этого союза служат: а) продолжение и распространение человеческого рода (“и благословил их — Адама и Еву — Бог глаголя: раститесь и множитесь и наполните землю”; Быт. I, 28); в частности же — размножение на земле членов благодатного Царства Божия через христианское воспитание детей; — б) удовлетворение нравственной потребности человека иметь друга в жизни, связанного с ним неразрывным союзом так, чтобы они могли жить одной жизнью, дополнять друг друга (“и будета два в плоть едину, якоже ктому не ста два, но плоть едина; еже Бог сочета, человек да не разлучает”; Мат. 19; — в) взаимное вспомоществование супругов в продолжении всей их жизни как в религиозно нравственном отношении, так и в житейских нуждах (“не добро быти человеку единому, сотворим ему помощника по нему”; Быт. 2:16); наконец — г) обуздание беспорядочных влечений чувственности в поврежденной грехом человеческой природе (см. 1 Кор. 7 гл. 2 — 9 ст.).

Он есть союз свободно заключаемый двумя лицами разного пола на всю жизнь и не одним из супругов не разделяемый в одно и то же время с другим лицом.

В христианстве этот союз должен быть благословенным и освященным Церковью; иначе он — нехристианское сожительство. По учению православной Церкви (а также римско-католической, армянской и других древних иноверных Церквей), освящение брачного союза есть таинство (иначе называемое венчанием), обязательное для сочетающихся браком членов православной Церкви.

По русским законам, браки лиц христианских исповеданий должны быть совершены духовенством той Церкви, к которой принадлежат вступающие в супружество; только тогда браки считаются законными (Св. Зак. X, ч. I; ст. 65, 1113). Браки же русских раскольников признаются законными, когда они внесены в метрические книги (со дня записи), которые ведутся полицейскими чинами.

Законы о брачном союзе.

Такое понятие о христианском браке показывает, что он, как союз религиозно-нравственный, не может быть учреждением только гражданским или политическим, подведомственным одному государству; но, с другой стороны, он и не есть исключительно церковное учреждение. Поэтому, и определение условий для брачного союза зависит и от церковного, и от гражданского законодательства. Наши гражданские законы о брачном союзе имеют истоки в церковных законах и состоят с ними в неразрывной связи.

Те и другие законы определяют условия: 1) для вступления в брак; 2) для его совершения и 3) для его расторжения. Нарушение условий первых двух пунктов влечет или непризнание законом действительности брака (*impedimenta dirimentia*), или же лишь ответственность за вступление в него и соответствующее наказание, но не упразднение уже заключенного брачного союза (*impedimenta prohibentia*).

Условия для вступления в брак.

Их можно разделить на два рода: одни требуются самим существом брака, другие — семейным и общественным положением лиц, желающих вступить в брак.

Условия первого рода.

а) *Сознательная добрая воля* и ясно выраженное *согласие* на брачный союз заключающих его лиц. Это условие столь существенно, что вообще, при его нарушении брак не может быть законно заключен, а заключенный, — не может считаться действительным

(Св. Зак. X, 1 ч., ст. 12, 37). Сознательные же его нарушители становятся виновными в тяжком преступлении, как попирающие божеское и человеческое право. Церковь, со своей стороны, заповедует священникам освящать брак не ранее того, как они полностью удостоверятся в добровольном согласии на него брачующихся лиц; поэтому она включила в сам чин венчания то, чтобы жених и невеста, каждый от себя, торжественно, перед лицом Церкви, засвидетельствовали это в своих ответах на поставленные им священником вопросы: “имали ли произволение благое и непринужденное и крепкую мысль пояти себе в жену (в мужа) сию (сего)...юже (его же) пред собою зде видиши?” Кроме того, перед венчанием как они сами, так и посторонние свидетели, должны подтвердить своей подписью в брачном акте (в обыске) их вступление в брак по взаимному согласию и желанию, а не по принуждению. Таким образом, не допускается заключение брака:

аа) С применением физического насилия (напр., при насильственном похищении кем-либо женщины, для вступления с ней в брак), и по прямому принуждению как со стороны одного из брачующихся лиц, так и со стороны других, имеющих над ними власть лиц, напр., родителей. За похищение женщины для вступления с ней в супружество, а также за всякое содействие в этом преступлении каноны Церкви грозят мирянам отлучением от нее, а духовным лицам — снятием с них церковных степеней (4 всел. 27; Трул. 92). По гражданским законам, как Византийским, внесенным в русскую Кормчую книгу (Корм. гл. 48, гр. 7, ст. 27; и гр. 39, ст. 40) и, следовательно, всегда имевшим значение на Руси, так и по действующим у нас, браки, заключенные с похищенными, не признаются действительными, а виновные в похищении подвергаются строгому наказанию. Принуждение родителями детей и господами рабов, хотя и существовало в народных нравах и обычаях древней Руси, но всегда осуждалось Церковью и законами государства. Так, еще церковный устав великого князя Ярослава относил дела такого рода к духовному суду (“Аще девка не восхочет замуж, а отец и мати силою дадут, и что сотворит над собою, отец и мати у митрополита у вине; также и отрок. Аще девка восхочет замуж, а отец и мати не дадут и что сотворит, митрополиту у вине отец и мати, тож и отрок.”), что подтверждалось и в последующие времена (См. акты арх. эксп. 4, стр. 206; пол. собр. зак. 1722 г. № 3963). Подчиненность этих дел церковному суду показывает, что русская Церковь всегда противодействовала этим бракам. Строго подтверждая запрещение принужденных браков, “которые бывают в детях за страх родителей и в рабах по принуждению господ их, без произволения сочетанных,” Император Петр I постановил указом, чтобы родители и господа подтверждали присягой, по установленной тогда форме, непринужденность браков их детей и рабов, “понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзают во время брака смело спорить и принуждение объявлять, одни за стыд, другие за страх” (Собр. Зак. 1724 г., №4406). Действующие гражданские законы запрещают родителям принуждать своих детей, а опекунам лиц, вверенных их опеке, к вступлению в брак против их желания (Св. Зак. X ч. 1, ст. 12).

бб) В безумии или сумасшествии одного или обоих брачующихся лиц (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 5). Действия лиц, находящихся в таком состоянии, очевидно, не могут быть признанными сознательными и свободными. Поэтому наш закон относит браки таких лиц к одному разряду с браками по насилью и также признает их недействительными (ст. 37). Свидетельство о том, что брачующиеся находятся в здравом уме, вносится и в брачный акт (обыск). Временная потеря брачующимся лицом сознания и здравого рассудка вследствие болезни или других посторонних причин (напр., опьянения) также должна служить препятствием к заключению брака, пока продолжается такое состояние; иначе такой брак будет делом насилия и притом оскорблением святости таинства.

вв) По обману или подлогу личности при браке, напр., когда кто-то из вступающих в брак ложно выдает себя за другое лицо и таким образом вводит в заблуждение относительно своей личности того, с кем сочетается браком. В подобном случае совершается не только преступление, но налицо и полное отсутствие условия брачного союза — сознательного согласия обманутой стороны на брак, которое дается не обманываемому, а другому лицу (Такой брак, очевидно, ничтожен) (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 37).

б) Вступающие в брак должны иметь и физическую способность к брачному сожителю, и нравственную (т. е. чтобы они сознавали обязанности брачного союза и были в состоянии их исполнить). Поэтому:

аа) от них требуется *возраст*, которым вообще может определяться достаточная зрелость (или, в старости, — крепость) как физическая, так и духовная. Последняя необходима, между прочим, для изъявления свободного и вполне сознательного согласия на брачный союз. Каноны древней Церкви не определяют возраста, не ниже, или не выше которого дозволен брак; Церковь следовала в этом отношении законам государства. Законы же греко-римские, определяя наступление естественной зрелости в 14 лет для мужского пола, и в 12 лет — для женского, требовали, чтобы браки заключались не ранее, как по достижении женихом и невестой этого возраста. Последние памятники Византийского законодательства определяют, чтобы жених был не менее 15, а невеста — не менее 13 лет от роду. И те и другие постановления перешли в Россию через Кормчую книгу (гл. 48, гр. 4, ст. 2 и 4; гл. 49, 2 ст. 1, ст. 50) и имели законную силу, хотя в нашей стране физическая зрелость достигается позже. Впрочем, Стоглавый Собор запретил мужчинам вступать в брак ранее 15 лет. В XVIII веке Св. Синод из обоих указанных в Кормчей книге предельных возрастов жениха и невесты назначил для браков последний, т. е. для жениха 15-ти летний, а для невесты — 13-ти летний (Собр. Зак. 1774 г. №14229) (Как было упомянуто в статье о восприемниках, этот возраст и должен считаться церковным совершеннолетием.). Но в 1830 году Высочайшим указом запрещено вступать в брак лицам мужского пола, без различия вероисповеданий, ранее 18, а женского — ранее 16 лет от роду, ввиду предотвращения тех вредных, известных из опыта, последствий, которые происходят от бракосочетания несовершеннолетних, — как сказано в Высочайшем повелении (Собр. Зак. 1830 г. № 3807). Только для коренных жителей Закавказского края (у которых зрелость наступает раньше) прежний закон оставлен в силе. Позднейшие постановления предоставляют епархиальным архиереям право разрешать, по личному усмотрению, в необходимых случаях, браки лиц, которым (жениху или невесте) не достаёт не более полугода до брачного совершеннолетия (см. Свод Зак. X, ч. I, ст. 3). Брачный союз лиц, не достигших возраста *определённого Церковью* для вступления в брак, законным и действительным не признаётся (ст. 37). Предельный возраст старости, по достижении которого наш закон не признаёт способности к вступлению в брачный союз, определен у нас как 80-летний для мужчин и женщин. Имеющему более 80 лет от роду брак запрещается, а совершившийся не признаётся действительным (ст. 4 и 37). (Правило св. Василия Велик. (24) запрещает 60-летней вдове вступать в брак.) Что касается браков лиц, имеющих слишком большую разницу в возрасте, то такие браки мало соответствуют христианскому понятию о брачном союзе и его целях и, как нередко показывает опыт, это неравенство вредно влияет на нравственные отношения супругов. Инструкция благочинным приходских церквей, указывая на запрещение священникам венчать незаконные браки, причисляет к ним и бракосочетания тех лиц, из которых одно молодое, а другое престарелое, не определяя, впрочем, в точности этой разницы в возрасте (ст. 18). Но так как ни в канонах Церкви, ни в законах государства (действующих) нет по-

становления, запрещающего подобные браки, то священнику остается только мерами убеждения отклонять от этих бракосочетаний; если же намеревающиеся вступить в такой брак остаются непреклонными в своем решении, то венчать их беспрепятственно (Ук. Син. 20 фев. 1861 г. № 129).

бб) Лишенному физической способности к брачному сожителю (но не к деторождению, которое не зависит от воли человека) сама природа не дает права вступать в брак. Хотя заключенный с таким лицом брак и не считается недействительным, тем не менее закон предоставляет право другому супругу (как введенному в заблуждение относительно физической способности сочетавшегося с ним лица) требовать расторжения этого брачного союза, как несоответствующего одной из его целей. Византийские законы причисляли к физической неспособности для брачного союза также злокачественные болезни, напр., проказу, — что вошло и в нашу Кормчую книгу (см. гл. 46, ст. 32; гл. 48 гр. 11, ст. 2; гл. 49, зач. 2, ст. 9); но действующие законы о подобных препятствиях к браку не упоминают.

вв) При заключении брачного союза лицом православного исповедания с исповедующим другую религию это *различие религий* также должно приниматься во внимание. Так называемые *смешанные браки* (т.е. когда брачующиеся принадлежат к различным вероисповеданиям) предполагает возможность возникновения между супругами несогласия (напр., относительно религиозного воспитания детей), нарушения добрых взаимоотношений. Но и независимо от этого разномыслие супругов в религиозных предметах не вполне согласуется с православной идеей о брачном союзе, которая заключается в образе духовного союза Христа с Церковью, и требует от супругов не только внешнего мира и согласия, но и полного духовного общения и единения их друг с другом. Притом, разное верие родителей, оказывая влияние на склад религиозных понятий и убеждений детей этих родителей, может легко поселить в них религиозный индифферентизм. Поэтому, древняя вселенская Церковь своими канонами (4 всел. 14; Трул. 72; Лаод. 10 и 31) запретила своим членам вступление в брак не только с неверными (иудеями и язычниками), но и с непринадлежащими к ней иноверными христианами; браки, заключенные вопреки этому правилу, она не признавала твердыми и повелевала расторгать их, как незаконное сожителю, за исключением только таких случаев, когда неправославное лицо, вступившее в брак с православным, давало обещание перейти в православную веру. Но брачные союзы, заключенные прежде принятия одним из супругов православной веры, Церковь запрещала расторгать, если неправославный или даже чуждый христианству супруг (или супруга) пожелает продолжать сожителю с православным. Основанием этому служили слова Ап. Павла: “если какой брат имеет жену неверующую и она согласна с ним жить, то он не должен ее оставлять; и жена, которая имеет мужа неверующего и он согласен с ней жить, не должна оставлять его; ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим” (1 Кор. 7:12-14). В самом деле, христианство по своему духу не может разрывать семейных связей, разделять сердца супругов и совершать насилие над их чувствами и доброй волей. Кроме того, сохранение супружеского союза при обращении одного из супругов к православной вере должно, с одной стороны, свидетельствовать о непринужденности и чистоте намерений в самом этом обращении, в с другой — быть действенным средством обращения неверующего супруга под влиянием верующего, как и говорит далее Апостол: “почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь не спасешь ли жены?” (ст. 16; ср. I Петр. 3:1-2).

Вслед за каноническими постановлениями Церкви, греко-римские законы также запрещали христианам вступление в брак с нехристианами и заключение таких браков приравнивали к прелюбодеянию или считали уголовным преступлением; но относительно браков православных христиан с иноверными христианами (еретиками) прямого указания в государственных законах не содержится.

Русская Церковь в прежние времена строго придерживалась буквального смысла канонических правил относительно смешанных браков. Но в позднейшие времена Св. Синод дал разрешение на венчание браков православных лиц с иноверными христианами на том основании, что а) по смыслу вышеприведенного правила Апостола и канонических постановлений Церкви брачное сожителство православного христианина с иноверным, или даже с неверующим, нельзя считать за непозволительное сожителство, незаконное само по себе; б) причиной запрещения канонами смешанных браков служит, главным образом, опасение, что православное лицо и его дети могут быть совращены в иноверие неправославным супругом; следовательно, когда не будет места такому опасению, тогда и смешанный брак может быть допущен. Первый раз это разрешение было выдано в 1721 году, чтобы дать возможность пленным шведам, поселенным в Сибири для горнозаводских работ, жениться на русских (см. Пол. Собр. Зак. 1721 г. №№ 3798 и 3814).

По действующим русским законам, лица православного исповедания могут вступить в брак с лицами других исповеданий, но только христианских, при соблюдении следующих условий: 1) чтобы иноверцы, вступающие в брак с православными, не подвергали какому бы то ни было насилью религиозные убеждения своих православных супругов и дали письменное подтверждение тому, что в воспитании детей от этого брака обоего пола будут поступать согласно законам Российского государства, т. е. будут крестить и воспитывать их в православной вере; 2) чтобы такие браки были венчаны непременно в православной церкви православным священником, с соблюдением всех условий и правил, установленных для браков лиц православного исповедания. Благословение брака по обрядам иноверной Церкви (после правосл. венчания) предоставляется воле брачующихся. Просьбу о совершении обряда бракосочетания по правилам одной лишь иноверной Церкви принимать запрещается; совершенное же вне православной Церкви венчание иноверцев с православными не признается действительным. Только при заключении смешанного брака в Финляндии, между ее коренными жителями, венчание производится в обеих церквях (жениха и невесты), и от брачующегося иноверца не требуется вышеуказанного обязательства относительно воспитания детей, которые должны быть, безусловно, воспитаны в вере их отца. Но это постановление не распространяется на совершаемые в Финляндии браки с иноверцами лиц православного исповедания, находящихся и расквартированных там в качестве командированных; их браки должны совершаться на основании общих действующих в России правил. (Уст. Конс. 26 и 27; Св. Зак. X, ч. I. ст. 67, 68 и 72). В прежние времена на заключение брака православного лица с иноверным каждый раз испрашивалось разрешение епархиального архиерея; но с 1840 г. это постановление отменено. Архиерейское разрешение должно быть испрашиваемо священниками только в исключительных случаях. Отменен также в 1864 г. и тот закон, по которому иноверный жених, не состоящий в русском подданстве, мог жениться на русской подданной православного исповедания только по принятии присяги на русское подданство или же испрашивая на это каждый раз особого Высочайшего соизволения (Собр. Указ. 1864 г. № 24). Высоч. Утв. мн. Госуд. Сов. 10 Февраля 1864 г.).

Православный священник (конечно не без разрешения своего епархиального начальства) может повенчать брак и обоих иноверных лиц христианского исповедания, в случае крайней необходимости, когда в том месте, где заключается этот брак, нет священника или пастора той веры, к которой принадлежат брачующиеся. Но в таком случае совершение и расторжение такого брака производится уже по обрядам и правилам православной Церкви (Св. Зак. X, 1 ч., ст. 65).

Вступление в брак с нехристианами (евреями, магометанами, язычниками) русским подданным православного вероисповедания (а также и римско-католического) безусловно запрещено, и если бы такой брак состоялся, то он не признается законным и действительным (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 37 и 85). Это запрещение согласуется с той догматической истиной, что некрещенный не может пользоваться благодатными дарами, которые сообщаются через таинства и потому он не может быть участником в таинстве брака. Но заключенный вне христианства, еще до принятия кем-либо из супругов св. крещения, брак может, согласно с учением свящ. Писания, оставаться в силе без церковного благословения и после того, как один из супругов примет православную веру и св. крещение. Только в этом случае непременно требуется, чтобы: 1) дети, рожденные после принятия одним из супругов крещения, крестились и воспитывались в православной вере; 2) как муж, так и жена, оставались только в единобрачном сожительстве друг с другом. При несогласии на эти условия брак должен быть расторгнут (Св. Зак. X, ч. 1, гл. 3, отд. I). (Об условиях расторжения браков в подобных случаях будет сказано ниже).

Примечание. Членам евангельско-лютеранской Церкви в России брак с язычниками также запрещается, но допускается — с магометанами и евреями при следующих условиях: 1) чтобы на такой брак было испрашено разрешение местной лютеранской консистории; 2) чтобы бракосочетание совершалось только по обряду означенной Церкви, а не по обычаям магометан и евреев; и 3) чтобы дети от такого брака непременно были воспитываемы в христианстве и чтобы нехристианский супруг пребывал только в единобрачном сожительстве с христианской женой, отказавшись от многоженства (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 210, 211).

Условия брачного союза.

1) Брак не может быть заключен между лицами, находящимися в близких степенях родства между собой. Родство, по закону природы, образует между людьми особую духовную связь, создает особые нравственные отношения между ними, которые благотворны для общественной жизни и должны быть священны. Они не должны подавляться и заменяться супружескими отношениями, чему они сами противятся и что было бы оскорблением нравственного чувства, унижением человека до уровня бессмысленных животных, между которыми есть половые отношения, но не существует разумно-нравственных. Вместе с тем, брачный союз между близкими родственниками привел бы к странному смешению родственных наименований и к неестественному превращению взаимных родственных отношений как между сочетавшимися браком и прочими их родичами, так и между посленными, — т. е. к низведению старших по наименованию родственников до положения младших, и наоборот (наприм., дядя, женившись на племяннице, оказался бы в сыновнем отношении к своему брату или к своей сестре, дочь которых есть его супруга; а жена его — в братском отношении к своим родителям, как жена их брата; дети таких супругов становятся в то же время внуками для своего отца, как дети племянницы, а для матери — двоюродными братьями и сестрами, как дети ее дяди). Кроме того, запрещение

браков между близкими родственниками должно способствовать большему сближению между собой людей разных родов и распространению в человеческом роде любви посредством брачных союзов.

Кроме указанных оснований запрещения браков близких родственников в целом, существует еще одно весьма важное основание особого запрещения браков между родственниками близкими по крови или по происхождению: от такого союза отвращается сама физическая природа человека. Она ищет своего продолжения и обновления через смешение разнородной, а не родственной крови. Идущих наперекор этому ее требованию она, как доказывают многочисленные опыты, наказывает или бесплодием, или, что еще хуже, слабым душевно и телесно потомством, с уродствами, болезненностью (глухонемыми, идиотами и т. п.); от подобных браков человеческий род вырождался бы. Ввиду естественных и нравственных причин, еще ветхозаветный закон запрещал брачный союз не только единокровных близких родственников, но и разнородных; такие браки он почитал преступными (см. Лев. 18 гл.). Христианская Церковь соблюдает еще большую чистоту браков, чем законы ветхозаветной Церкви.

Какие именно степени родства, по законам православной Церкви, являются настолько близкими, что служат препятствием к заключению брачного союза? Вместе с указанием этих степеней, изложим вкратце правила, определяющие большую или меньшую близость родства (насколько это относится к правилам о вступлении в брак).

Родство бывает: 1) плотское, 2) духовное и 3) гражданское или адаптивное. Первое подразделяется на родство *кровное* или однородное (*cognatio*) и *свойство* или разнородное (*affinitas*).

а) В *кровном* родстве лица связываются между собой рождением или происхождением. Близость этого родства определяется *степенями* и *линиями*. Связь одного лица с другим посредством рождения (одного из них от другого) называется степенью; связь степеней последовательно идущих от одного лица к другому составляют *прямую* и *боковые* линии. Первая идет от данного лица или к его предкам, т. е. к его отцу, деду, прадеду и т. п. (это *восходящая* линия) или к его потомкам, т. е. к его детям, внукам, правнукам (*нисходящая* линия). Боковые линии, по отношению к данному лицу, нисходят: или от братьев и сестер к их потомству (1-я боковая), или от братьев и сестер его родителей, т. е. от дядей и теток к их потомству (2-я боковая), или от братьев и сестер его деда и бабушки (3-я боковая) и т. д. В прямой линии столько степеней родства между данными лицами, сколько между ними находится соответствующих рождений. Так, между родителями и детьми — одно рождение и, таким образом, это есть родство 1-й степени; между дедами и внуками — два рождения, следовательно, те и другие состоят между собой во 2-й степени родства. В боковых линиях степени родства определяются также по числу промежуточных рождений между двумя данными лицами и общим их предком (т. е. берется сумма степеней, в которых состоит этот предок как к одному из данных двух лиц, так и к другому). Таким образом, братья и сестры находятся во 2-й степени родства; дядя и тетка с племянниками — в 3-й степени; двоюродные братья и сестры — в 4-й степени и т. д. (См. таблицу, напечатанную отдельно).

б) Брак, соединяя мужа и жену в плоть едину, как бы в одно лицо, делает близкими друг другу и кровных родственников того и другого супруга. Такой род близости называется свойством (по словянски — *близочеством*), или разнородным *родством*. Смотря по тому, сколько родов соприкасаются между собой через брак, т. е. входят в свойство друг с другом, само это родство называется или двухродным, или трехродным и т. д. Так, кров-

ные родственники мужа состоят в двухродном родстве с кровными родственниками жены и в трехродном родстве с ее свойственниками (напр., с женой ее брата или с мужем ее сестры). Здесь близость родства между данными лицами определяется также степенями. Кровные родственники жены в какой-либо степени являются родственниками (по свойству) и ее мужа в той же самой степени, потому что муж и жена не образуют степени, супружество — вне степеней. Для определения близости между одним из кровных родственников мужа и одним из кровных родственников жены, складывают степень родства первого лица по отношению к мужу со степенью родства второго лица по отношению к жене; сумма указывает на степень свойства между данными родственниками обоих супругов. Так, напр., между мужем и его братом — 2-я степень родства, и между женой и ее братом также 2-я степень; следовательно, между братом мужа и братом жены — 4-я степень свойства*). Подобным же образом вычисляются степени свойства в трехродном родстве (см. таблицу). Родственные наименования в свойстве: отец мужа — свекр, мать — свекровь; отец жены — тесть, мать — теща; жена сына — сноха; муж дочери — зять; жена брата — невестка; муж сестры — зять; брат мужа — деверь; сестра мужа — золовка; брат жены — шурин; сестра жены — свояченица; родители мужа и жены между собой — сваты; муж свояченицы называется свояк; дети жены или мужа — пасынки и падчерицы; муж матери — отчим, жена отца — мачеха.

Между лицами находящимися в кровном родстве по прямой линии, как восходящей, так и нисходящей, и, притом, во всех степенях, браки всегда были безусловно запрещены. Впрочем, невозможно и предполагать, чтобы кто-либо мог дожидаться своих потомков в отдаленных степенях родства (даже в 4-й степени) и искать заключения с ними брачного союза.

В боковых линиях кровного родства брак безусловно запрещался лицам, находящимся в первых трех степенях родства (Ап. 19; Феоф. Алекс. 5), согласно с Моисеевым законом (Левит. 18 гл., 12-13 ст.); при этом брак во второй степени родства называется страшным и гнусным грехом и приравнивается к убийству (Вас. Вел. пр. 67 и 75). Брак в четвертой степени кровного родства по боковой линии греко-римскими законами христианского периода то запрещался (Феодосий В.), то разрешался (Аркадий и Юстиниан). Но Церковь не одобряла такого брака и Трулльский Собор прямо запретил его (пр. 54).

В последующем Византийском государственном законодательстве правительствующие лица греческой Церкви распространили запрещение браков на дальнейшие степени бокового кровного родства и довели запрещение до 7-й степени родства включительно. Далее этой степени родство уже не давало оснований опасаться противоестественного смешения крови или родственных отношений в заключаемых при этом родстве браках.

Двухродное родство, или свойство, Церковь приравнила кровному родству, с точки зрения дозволенности в нем браков, и поэтому безусловно запретила браки находящимся в первых четырех степенях свойства, повелевая разлучать вступивших в такой незаконный брак и подвергать их эпитимии (Тр. 54; Вас. Вел. 23, 78, 87; Неок. 2.). Но и в этом виде родства (в свойстве) число запрещенных для брака степеней в греческой Церкви было расширено сверх пределов, указанных канонами и, соответственно кровному родству, доведено до 7-й степени включительно. Относительно браков в трехродном родстве правила Церкви не упоминали, не считая, конечно, нужным исправлять или дополнять гражданское греко-римское постановление, воспрещавшее браки только в первой степени этого родства (напр., между отчимом и женой его пасынка), хотя и тут духовные власти греческой Церкви распространяли запрещение браков и на 4-ю степень родства.

Законы, касающиеся браков в родстве, были приняты и действовали посредством Кормчей книги в русской Церкви в том же виде, как они установились в греческой Церкви после Трулльского Собора, т. е. с распространением запрещения браков на степени родства далее указанных канонами вселенской Церкви. Только со 2-й половины 18-го столетия наше церковное правительтельство стало ограничивать число родственных степеней, безусловно запрещенных Кормчей книгой для брачного соединения, сообразуясь с точным смыслом канонов вселенской Церкви (Ук. Синода 1767 г. 31 марта). Своим постановлением Св. Синод определил руководствоваться относительно браков в родстве правилами закона Божия, данного в св. Писании (кн. Левит), и канонами вселенской Церкви (54-м правилом Трул. Собора), т. е. не допускать браков только в первых 4-х степенях кровного родства и двухродного свойства, и в первой степени трехродного свойства (Ук. Син. 25 Апр. 1841 г., и 28 Марта 1859 г.). Но епархиальным архиереям предоставлено право давать разрешение на браки, в случае необходимости, в тех степенях родства, которые не возбраняются в указанных правилах. Впрочем, заключенный и помимо разрешения брак в таких степенях родства запрещено объявлять незаконным, расторгать и даже производить о нем дознание.

Примечание. Без позволения своего архиерея священники не имеют права венчать состоящих в 5-й степени кровного (в боковых линиях) и двухродного родства, во 2-й, 3-й и 4-й степенях трехродного родства; не должны они также венчать своей властью браки лиц в 6-й и 7-й степенях кровного и двухродного родства, если от таких браков может произойти смешение родственных отношений.

в) Духовное родство происходит через восприятие от св. крещения. Канонами вселенской Церкви (Тр. 53) запрещены браки между восприемниками и родителями восприятых (разумеется, вдовствующими). Но впоследствии Византийские церковные правила, на основании того, что духовное родство выше телесного, распространили первое, подобно свойству, на потомков как восприемника, так и восприятого до 7-й степени включительно (дети того и другого считались в 3-й степени родства между собой, внуки — в 4-й степени и т. д.). Сверх того, наличие родства признавалось и между теми, которые были крещены одним и тем же восприемником (2-я степень). Сообразно с этим, полагалось запрещать соответствующие браки, что было внесено в Кормчую книгу (гл. 50). Относительно браков между двумя восприемниками одного и того же лица (т. е. между крестным отцом и матерью) церковные каноны не имели нужды упоминать, равно как и о браках восприемников с крестниками: такие браки были немыслимы потому, что по обычаю древней Церкви, восприемник при крещении был один, и при том одного пола с крещаемым. Когда же вошло в обычай иметь при крещении одного лица двух восприемников разного пола, то оба восприемника стали считаться состоящими в духовном родстве как с восприятым, так и между собой; в силу этого и правила о запрещении браков в духовном родстве стали применяться к обоим восприемникам. Но позднейшее законодательство Русской Церкви, с 18-го столетия, постепенно ограничивало вышеозначенные правила, как постановления частной греческой Церкви.

По действующему праву русской Церкви, запрещенное для браков духовное родство простирается не далее той степени, которая установлена канонами древней вселенской Церкви, т. е. — только на родство восприемников с их крестниками и плотскими родителями последних. Но так как, согласно неоднократным разъяснениям Св. Синода, при двух и более восприемниках одного и того же лица, в духовное родство с родителями крещаемого вступает только один из них (одного пола с крещаемым), и так как между самими

этими восприемниками духовного родства не возникает (см. об этом в ст. о восприемниках), то на этом основании: не запрещается вступать в брак 1) восприемнику с восприемницей одного и того же лица (Ук. Синод. 31 Янв. 1838 г.); 2) Св. Синод давал разрешение на брак второго восприемника (не одного пола с крещаемым) с одним из вдовствующих родителей воспринятого им лица (Сепаратный указ Св. Синода 16 Апреля 1874 г.). Впрочем, и брак между двумя восприемниками следует заключать только с разрешения и благословения епархиального архиерея, ввиду того, что он может смущать немощную совесть брачующихся и быть предметом нареканий там, где в указанных случаях признается и почитается духовное родство.

г) В Кормчей книге и родство по усыновлению, в некоторых его степенях, считалось препятствием к заключению брака. Постановления об этом внесены в нее из Византийского церковного права, по которому усыновление, как освящаемое особым молитвенным словом, почиталось не меньше духовного родства по крещению, и потому брак усыновленного с женой и другими родственниками усыновителя по прямой линии, а также с сестрой и теткой усыновителя, возбранялся. Наше действующее право, при определении препятствий к браку, не касается родства по усыновлению. Впрочем, брак, при существовании такого родства (в его близких степенях), нуждается в архиерейском разрешении.

Примечание. В евангелическо-лютеранской Церкви в России браки запрещаются: в кровном родстве между родными в прямой (восходящей и нисходящей) линии во всех степенях, и боковой линии — между племянником и его теткой; в духовном родстве — лицам, находящимся в 1-й степени этого родства (зятю с тещей и свекру с невесткой, отчиму с падчерицей и пасынку с мачехой). С разрешения генеральной консистории, по особо важным причинам, может быть разрешен брак дяди с его родной племянницей или племяннику с вдовой родного дяди (3 степень). Духовное родство по крещению не признается и препятствием к браку не считается; но брак усыновленных с усыновителями запрещается, пока усыновление не упразднено законным порядком (См. Св. Зак. XI, т. 1, ст. 206-208). В р.-католич. Церкви исчисление степеней кровного родства в боковых линиях отлично от принятого у нас: исчисление ведется не в обеих линиях, а только в одной, и притом — в самой длинной; соответственно этому исчисляются и степени свойства. Находящимся в родстве и свойстве между собой по прямой линии брак безусловно запрещается во всех степенях; родство и свойство по боковым линиям считается препятствием к браку до 4-й степени включительно. В родстве по усыновлению воспрещаются браки: а) между усыновителем и усыновленным или его потомством; б) между усыновленным и супругой усыновителя, и наоборот.

Брачные союзы лиц, состоящих в близком кровном или духовном родстве или свойстве, т. е. в запрещенных церковными правилами его степенях, законными и действительными не признаются (Уст. Кон. 205).

2) На вступление в брачный союз брачующиеся лица должны иметь *дозволение* или согласие тех, от кого они находятся в зависимости по своему семейному или общественному положению.

а) Основной нравственный закон, обязывающий детей к почтению и повиновению их родителям, требует, чтобы на такое важное дело, как вступление в брачный союз, брачующиеся испрашивали дозволение и получали благословение от своих родителей. Заключить брак помимо воли родителей, и тем более вопреки прямому и решительному их запрещению, значило бы нанести им оскорбление. Церковь не может давать благословение на такой брак. Еще более обязательную силу имеет это согласие родителей для тех

детей, которые не пользуются самостоятельным положением в обществе и находятся под родительской властью, то есть, вообще не имеют права заключать самовольные договоры и обязательства. Виновность таких детей, вступающих в брак без воли родителей, канонические правила ставят наравне с блудодейством и сам брак не считают твердым (законным) до тех пор, пока не последует примирение детей с оскорбленными их своеволием родителями и согласие родителей на заключенный брак (Вас. Вел. пр. 38 и 42). Но и в последнем случае церковные правила повелевают очищать грех неповиновения родителям эпитимией (там же пр. 33). По римскому праву, согласие отца на брак детей было необходимым условием законности брака (Digest 23, 2, 2), так что заключенный вопреки этому условию брак считался недействительным и рожденные от него дети признавались незаконными; он обретал законную силу только с момента отцовского согласия. Власть отца над сыном оканчивалась с эмансипацией последнего.

По древнему русскому церковно-гражданскому праву, действовавшему (по Кормчей книге) согласно с каноническими правилами и Византийскими гражданскими постановлениями, согласие родителей на брак детей всегда было непременным условием законности брака. (В *градском законе* (в Кормчей книге) совершеннолетним (“самовластным”) позволено вступать в брак и помимо согласия отца (“не хотящу отцу”) (гр. 4, п. 12-13).) По прежним русским обычаям, это условие выражалось в той форме, что родители сами принимали на себя избрание тех лиц, с кем должны сочетаться их дети, и давали на это повеление своим детям. Вступившие в брак без воли родителей подвергались суду, первоначально — церковному, а со времени Петра I — и светскому (Собр. Зак. 1722, № 3963, п. 16).

Наши действующие гражданские законы также определенно запрещают брак без дозволения родителей (Св. Зак. X, ч. I, ст. 6), не ограничивая этого запрещения каким-либо возрастом детей; а вступившим в брак вопреки решительному запрещению родителей грозят церковными и другими наказаниями (эпитимиею, тюремным заключением и, кроме того, лишением права наследования по закону имения того из родителей, который оскорблен неповиновением детей). Впрочем, как канонические постановления не требовали упразднения таких браков, так и настоящие гражданские законы не причисляют их к недействительным бракам и само преследование за них закон предоставляет воле родителей. Могут ли дети, даже совершеннолетние, каким-либо законным порядком отменить запрещение или несогласие родителей на их брак, — на это наши законы не дают никаких указаний, (Византийское право позволяло гражд. начальникам давать разрешение на брак находящимся под родительской властью детям в том случае, если родители несправедливо ему препятствовали.) за исключением одного очень частного случая, указанного в Св. Зак. т. X, ч. 1, ст. 7.

Для евангелическо-лютеранской Церкви в России существует постановление, по которому от родителей, запрещающих их совершеннолетним детям вступление в желаемый ими брак, требуется объяснение законных и достаточных к тому оснований перед надлежащими присутственными местами. Законными же причинами для этого признаются: а) если лицо, с которым хочет вступить в брак сын или дочь, приговорено к позорному наказанию или лишению чести; б) если доказано, что это лицо привержено пьянству, распутству, безумной расточительности или другим порокам; в) если оно страдает падучей или заразной болезнью; г) если оно грубо и намеренно оскорбило своих родителей или прародителей (или таковых — другой стороны) ругательствами или другими обидными для их чести поступками и не получило за это прощения от них; д) если дети, не испрашивая или не получив разрешения на брак, дали в этом решительное тайное обещание, или же похищением и иными недозволенными средствами старались вынудить это позволе-

ние; е) если другая сторона была разведена с признанием ее виновности; ж) если в возрасте, воспитании и образовании имеется слишком большое неравенство; з) если другая сторона исповедует нехристианскую веру. По тем же причинам и опекун может не дать согласия на брак несовершеннолетнего, состоящего под его опекой (Св. Зак. X I, ч. I, ст. 201-203). У римских католиков опекун может отказать в своем согласии на брак несовершеннолетнему, если: а) лицо, с которым последний хочет сочетаться, развратного поведения, страдает заразной болезнью, подверглось уголовному или исправительному наказанию; б) если в возрасте или в образе воспитания есть большое неравенство (Полож. о брачн. союзе, ст. 15-17).

б) Браки лиц, оставшихся без родителей и не имеющих гражданской самостоятельности, должны быть заключены с согласия тех, кто исполняет для них обязанности родителей. Некоторое указание на это дают канонические правила (Вас. Вел. пр. 22) и внесенные в Кормчую книгу Визант. брачные постановления (гл. 48, гр. 4, ст. 3, II 18). В наших действующих гражданских законах дозволение опекунов и попечителей ставится наравне с дозволением родителей (ст. 6).

Примечание. Во время существования в России крепостного права крестьянам запрещался брак без дозволения их господ, — что согласовывалось с канонами Церкви (Вас. Вел. 40).

в) В каноническом праве нет указаний на необходимость иметь разрешение начальствующих на вступление в брак подчиненных лиц. Общее каноническое положение не вступать в брак против воли обладающих (Вас. Вел. пр. 40 и 42), очевидно имеет в виду только рабов и детей (См. толк. его в Кормч. книге). Действующие гражданские постановления запрещают лицам, состоящим на службе как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальства, удостоверенного письменным свидетельством (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 9).

Примечание. Нижние воинские чины, отчисленные в запас, могут вступать в брак, не испрашивая разрешения военного начальства (Ук. Син. 3 Окт. 1880 г.).

3) Как уже было упомянуто (в ст. о рукоположении в священство), лицам, рукоположенным в какую-либо степень священства (начиная со степени иподиакона), канонические правила позволяют пребывание в брачном сожителстве, в которое они вступили прежде рукоположения, но безусловно воспрещают вступать в брак после рукоположения (Апост. 26; Тт. 6); вступивших же в такой брак повелевают исключать из церковного клира (Тр. 6; Неок. I); сам же их брак называют неправильным, незаконным сожителством (Тр. 3). Равным образом, непозволителен брак монашествующих, по существу их обетов; по каноническим правилам, вступление монаха или монахини в брак считалось равным греху любодеяния и виновный в этом подлежал тяжелой эпитимии (4 всел. 16; Тр. 44; Вас. Вел. 60). Согласно церковным постановлениям, наши гражданские законы запрещают монашествующим и священнослужителям, пока они пребывают в своем сане, вступать в брак. Состоявшиеся вопреки этому закону браки не признаются действительными (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 2 и 37). Само собой понятно, что после снятия монашества или священства право на вступление в брак возвращается.

Примечание. Наши гражданские постановления не позволяют вступать в брак арестантам, содержащимся в исправительных арестантских отделениях (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 19). Осужденные на каторжные работы могут, с дозволения своего начальства, вступать в брак между собой и со ссыльными, после своего перевода в разряд исправляющихся

(находящиеся в 1-м разряде — через 3 года, во 2-м разряде — через 2 года, а в 3-м — через 1 год).

Заключение брачного союза.

В обряд совершения браков входят два главных действия: А) обручение и Б) венчание.

Обручение.

Обручение (*sponsalium*) есть законно совершенное взаимное обещание или обязательство жениха и невесты на будущее их вступление в брачный союз (“память и возведение хотящего быти брака”; Кормч. гл. 48, гр. 1, ст. 1). (*Sponsalia sunt mentio et repromissio nuptiarum futurarum* (Digest. 23, 1,1))

Уже ветхозаветный закон приравнивал обручение к браку: обрученная невеста принадлежала своему жениху; нарушение ею верности своему жениху считалось преступлением, равносильным нарушению супружеской верности (Второзак., 22:23-27). В христианстве с самого начала обручение стало освящаться молитвой и благословением Церкви, отчего оно получало высшее значение и большую твердость, чем та, которая давалась ему существовавшими тогда гражданскими законами. По греко-римскому праву, обручение не имело безусловно-обязательной силы для обручившихся и могло быть расторгнуто без особо уважительных причин, по одному лишь согласию обрученных, или по нежеланию одной стороны вступить в преднамеренный брак с другой, — причем без всяких юридических последствий (кроме возвращения обручального дара в его удвоенной цене или полной его потери). Но христианская Церковь смотрела на благословенное ею обручение как на предварительное сочетание, хотя еще и не полное, но тем не менее уже предваряющее собой брачный союз и потому нерасторжимое по произволу обручившихся. Так, (по каноническим правилам) женившийся на обрученной другому (при жизни обрученного с ней), виновен в прелюбодеянии (Тр. 98); похищенная кем-либо для брачного сожительства невеста, обрученная другому лицу, должна быть возвращена ее законному жениху, даже если бы она претерпела насилие от похитителя (Анк. 11; Вас. Вел. 22).

Под влиянием церковных законов и греческие императорские законы, со своей стороны, утвердили впоследствии такое же значение освященного Церковью обручения, почти сравнив его с браком (см. Кормч. гл. 42), так что, напр., недозволено было кому-либо вступать в брак с обрученной его отцу или брату, даже если отец или брат не женились на ней (Кормч., гл. 48, гр. 7, ст. 10 и др.). Но от церковного обручения отличалось то, которое совершалось только гражданским порядком (предбрачный договор), условия, последствия и порядок которого определялись гражданскими законами.

Сблизившись по своему значению с венчанием, церковное обручение стало сближаться с ним и по времени совершения, соединялось с венчанием в одном богослужении.

Греческие законы церковного и гражданского обручения, внесенные в нашу Кормчую, действовали в России без изменения. Церковное обручение могло, по желанию, сопровождать собой предбрачный договор, или же совершалось вместе с бракосочетанием. Петр Великий (в 1702 г.) постановил, чтобы обручение происходило за шесть недель до венчания и чтобы жених и невеста, если не пожелают вступить в брак друг с другом после обручения, могли разойтись (Пол. Собр. зак. 1702 г. № 1907). Этот указ был издан ввиду существовавшего прежде вредного обычая устраивать браки так, что жених и невеста почти не знали друг друга; предоставление им полной свободы расторгнуть обручение долж-

но было содействовать упразднению этого обычая. Но позднее, по повелению Императрицы Елизаветы (в 1744 году), эта свобода расторгать обручение была отменена, как противная св. правилам (сказано в повелении); подтверждена нерасторжимость церковного обручения, кроме как ввиду особо важных причин, возникающие по которым дела велено представлять через Св. Синод на Высочайшее рассмотрение (Ук. 1744 г., 13 Дек.). Наконец, для ограждения святости церковного обручения и для устранения возможных дел о его расторжении, Св. Синод (в 1775 году) постановил, чтобы церковное обручение совершалось одновременно с венчанием, а не порознь (*Полн. Собр. Зак.* № 14356; Св. Зак. X, ч. 1. ст. 31). Исключение сделано впоследствии (в 1796 г.) только для Особ Царской Фамилии, вступающих в брак с лицами иных государств и вероисповеданий; их обручение разрешено совершать отдельно от венчания и даже заочно (*Полн. Собр. Зак.* № 17505).

Примечание 1. Так называемое домашнее обручение не имеет у нас юридического значения; оно есть только благословение родителями жениха и невесты, сопровождаемое иногда обыкновенным молебствием, но не чинопоследованием церковного обручения.

Примечание 2. У лютеран обручение может быть или гражданское (с соблюдением форм гражд. условий), или церковное — в присутствии пастора и свидетелей. С согласия обеих сторон, то и другое может быть отменено (тем же порядком, как оно было заключено). По требованию же одной стороны оно может быть отменено, с дозволения Консistorии, по причине принуждения к обручению, безнравственной жизни одной из сторон, обручения одной стороны с другим лицом, ее недозволенные связи с ним, неизлечимой различной болезни, дурного и оскорбительного обращения с обрученной стороной, непреодолимого отвращения одной стороны к другой, обнаружения какого-либо обмана, перемены вероисповедания другой стороной, несогласия родителей или опекунов по законной причине, наконец — при неисполнении оглашения брака в законный срок (не менее, как через год после обручения, а в селах — через 4 месяца). Если между обрученными была половая связь, то отмена обручения не допускается; и если брак не состоится, то невеста может быть, по ее просьбе, объявлена разведенной супругой обрученного. Обольщенная кем-либо девица (обещанием жениться на ней) пользуется правом обрученной ему.

Венчание.

Предварительные действия.

Прежде освящения брачного союза таинством, священник обязан тщательно удостовериться в беспрепятственности этого союза и подтвердить его законность надлежащим формальным актом.

У нас в прежние времена (с начала XVI в.) желающим вступить в брак давалось от епархиального архиерея письменное дозволение на заключение брака, или, так называемая *венечная память*, в которую заносились брачующие лица и предписывалось, чтобы священник, венчающий брак, выяснил, нет ли к нему законных препятствий. При выдаче дозволения архиереем взималась определенная пошлина; впоследствии она стала поступать в государственную казну. В 1765 г., при Императрице Екатерине II, венечные памяти и пошлины на них были отменены, а вместо этого установлено, чтобы священники перед венчанием каждого брака сами производили и записывали в книгу дознание или исследование о законности брака. Потом (с 1835 г.) для этих записей была установлена единообразная форма (прил. к X т. Св. Зак.); для их внесения из Консistorии выдается специальная, надлежащим образом скрепленная книга, называемая *обыскной*.

По действующим постановлениям дознание о браке должно быть произведено следующим образом (Св. Зак. X, ч.1).

а) Желающий вступить в брак должен письменно или устно уведомить об этом священника своего прихода и объявить, с кем он намерен сочетаться браком (ст. 25). По этому уведомлению в церкви производится *оглашение* (публичное оповещение) о браке в ближайшие три воскресные или другие, встречающиеся между ними, праздничные дни, после литургии. Если невеста принадлежит к другому приходу, то оглашение должно быть произведено и в ее приходской церкви (ст. 26). При смешанных браках оглашения обязательны и для неправославной стороны; они должны быть произведены в ее приходской церкви (ст. 67 и 69. В случае отказа в оглашениях от римско-католич. священников брак может быть венчан и без оглашения от католич. церкви; в таком случае лицо римско-католич. исповедания должно представить удостоверение от местной полиции о своем небрачном состоянии и правоспособности на вступление в брак (полож. Ком. Мин., Выс. утв. 11 Мая 1891 г.). По оглашении, все, имеющие сведения о препятствиях к браку, должны немедленно дать знать об этом священнику письменно или на словах, и никак не позже сделанного в церкви последнего из трех оглашений (ст. 27). Священник, который должен венчать брак, должен быть извещен форменным свидетельством о последствиях оглашения, произведенного священником церкви, к которой принадлежит другая брачующаяся сторона, (или настоятелем иноверческой церкви, если брак смешанный). Означенная предбрачная предосторожность указана уже в нашей Кормчей книге (гл. 50, в начале), с той оговоркой, что если в течение 2-х месяцев после оглашения не было совершено венчание, то оглашение должно быть возобновлено, и только епархиальный архиерей может разрешить венчание без повторения оглашений.

б) После оглашений, все требуемые законом сведения о женихе и невесте, свидетельствующие о законности их брачного намерения, должны быть вписаны, по установленной форме, в обыскную книгу той церкви, в которой брак предполагается заключить. Эти сведения касаются звания жениха и невесты, их имен, местожительства, вероисповедания, возраста, нормальности умственного состояния, их добровольного согласия на брак, в который они вступают, надлежащего дозволения на него, отсутствия возбраняющего брак родства между ними; здесь же указываются письменные документы, представленные для удостоверения в беспрепятственности брака, время сделанных оглашений о браке и, наконец, время совершения означенного брака. Справедливость всего указанного в обыске и, при этом, обязательство нести за все эти показания ответственность перед судом, утверждают своими подписями как жених и невеста, так и два или три поручителя от каждого из них, разумеется правоспособных к поручительству. Представленные для обыска письменные документы оставляются в подлиннике и хранятся при обыскной книге; а с тех документов, которые необходимо возвратить кому следует, должны быть сняты копии. На возвращаемых подлинниках делаются скрепленные священником записи о совершении брака.

К бракосочетанию священник должен приступать только по составлении обыска. Но если законные препятствия к браку открываются не только после обыска, но даже во время самого венчания, священник обязан остановить совершение брака и донести епархиальному архиерею, который или сам решает дело, или делает представление о нем Св. Синоду (Св. 3. X, 1. ст. 291).

Время и место совершения таинства брака.

Законный брак совершается в положенные для этого дни (ст. 31).

Каноническое правило запрещает совершать браки в дни св. Четырдесятницы (Лаод. 52). Потом Церковь распространила это запрещение на все те дни, в которые христиане должны пребывать в посте, воздержании и молитве, следуя постановлению св. Апостола (1 Коринф. 7:5). Так, церковным уставом запрещается венчать браки не только в дни великого поста, но и в течение других постов — рождественского, успенского и апостольского, а также в дни рождественских праздников (с 25 Декабря, по 6 Января), св. Пасхи и сырной недели (см. Корм. гл. 52). Кроме того, Церковь не допускает совершения брака в вечернее время (накануне) каждой среды и пятницы, как дней поста, в вечерние часы воскресных дней и обязательных для всех православных христиан в России церковных праздников, храмовых и других местно чтимых в области или приходе праздников, а также накануне высокотождественных праздников восшествия на престол и свящ. коронования Государя Императора (Выс. ук. 24 Янв. 1839 г.).

Назначенное Церковью время для совершения таинства брака — это предобеденное время, тотчас после литургии, чтобы брачующиеся могли принять это великое таинство в воздержании от пищи и питья и даже приобщиться св. Тайн (Кормч. 50). Во всяком случае, венчание не допускается совершать в позднее время, близкое к ночи, а тем более в ночное время.

Законный брак должен совершаться непременно в церкви и при свидетелях (не менее двух). Венчание вне церкви допускается только в тех местах, где, по обстоятельствам, невозможно совершить его в церкви; в подобных случаях непременно требуется благословение архиерея (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 31).

Примечание. Нельзя совершать несколько браков (т. е. венчать несколько пар) за один раз (Ук. Синода 16 Янв. 1757 г.).

Брак должен быть совершен священником того прихода, к которому принадлежит жених или невеста. Это церковное постановление, внесенное в Кормчую книгу (гл. 50), было строго подтверждено духовным регламентом (ч. 2, ст. 12) и подтверждалось последующим законодательством церковной правительственной власти. Оно предполагается и гражданскими законами, в статьях о совершении браков (ст. 25).

Повторные браки.

Христианство, согласно с первоначальным законом брака, положенным Творцом при создании людей, решительно отвергает одновременное многобрачие (полигамию) и освящает союз только из двух лиц — одного мужа и одной жены (моногамия). Вступление в новый брак при существовании прежнего всегда считалось и считается преступлением для христиан как по церковным правилам, так и по гражданским законам.

Но запрещение многобрачия не относится к повторным бракам, заключаемым после прекращения первого брака смертью одного из супругов или, в известных случаях, законной властью. Слово Божие прямо говорит: “жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет, только о Господе,” — т. е. по христианскому закону (1 Кор. 7:39; ср. Рим. 7:2-3). Молодым вдовам Апостол Павел даже советует вступать в брак, чтобы не подавать противнику никакого повода к злоречию (1, Тим. 5:14). На основании Слова Божия Церковь никогда не возбраняла вдовствующим второго брака; напротив, она осуждала некоторых еретиков, которые считали второй брак грехом и не хотели иметь церковного общения с второбрачными (Вас. Вел. пр. 41; 1 всел. 8).

Впрочем, Церковь видела во втором браке некоторое несовершенство христианской жизни и на дозволение этого брака смотрела как на снисхождение к человеческой немощи, так как само Слово Божие ставит двубрачие ниже единобрачия (1 Кор. 7:8-9, 40) и запрещает возводить двоеженцев на степени духовной иерархии (1 Тим. 3:2-12; Тит. 1:6). Поэтому, Церковь своими правилами не оставляла второго брака без очищения покаянием и налагала на второбрачных некоторую эпитимию, а именно — непродолжительное отлучение от св. Причастия, с пребыванием в молитвах и посте (Лаод. 1; Вас. Вел. 4). Сам чин венчания для второбрачных установлен иным, чем для первобрачных, — с молитвами о даровании брачующимся покаяния и очищения их немощи. Взгляд Церкви на второй брак выразился также и в том, что одним из своих правил она не позволяет пресвитеру разделять брачное торжество с второбрачным, которому прилично не веселиться, а приносить покаяние (Неок. 7).

В Слове Божиим нет прямого указания относительно третьего брака, но Церковь не одобряет его, как многобрачие. Каноническое правило говорит о нем так: “на третий брак нет закона; посему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем, как на нечистоты в Церкви; но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшие, нежели распутное любодеяние” (Вас. Вел. 50). Таким образом, Церковью не было дано закона, дозволяющего 3-й брак, как 2-й, но она терпит его, потому и его заключение может совершаться не на основании общего правила (как заключение 2-го брака), а по особому разрешению на него церковной власти. Но разрешаемый 3-й брак должен, по правилам Церкви, подлежать более строгой эпитимии, чем 2-й брак (отлучению от св. Причастия на 5 лет).

Если уж 3-го брака Церковь не одобряет, называя его *обузванным любодеянием*, то тем более не терпит она четвертого брака и решительно отвергала его с самого своего начала. По правилу св. Василия Великого (80), он есть тягчайший грех блуда.

Государственный греко-римский закон (Юстиниана) в некоторых случаях еще терпел 4-й брак; но впоследствии это допущение было отменено (имп. Василием Македонянином) и 4-й брак был безусловно запрещен, как недействительный (Кормч. 7, гл. 48, гр. 4, ст. 25), что было подтверждено поместным Собором в Константинополе в 920 г. (Кормч. гл. 52).

По действующим гражданским законам, для лиц православного исповедания 4-й брак безусловно запрещен и действительным не признается (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 21 и 57). Непозволителен брак православного лица с иноверцем, если последний был троебрачным и пожелал вступить в 4-й брак (Ук. Сената 26 Февр. 1814 г. На иноверцев запрещение 4-го брака не распространяется гражд. законами).

Примечание. У лютеран вдовец может жениться только по истечении 6 недель после смерти жены; а вдова может выйти замуж по истечении 3-х месяцев по смерти мужа и, сверх того, после медицинского освидетельствования, что она не беременна; в случае беременности она может вступить в брак только через 6 недель после своего разрешения от бремени. У римских католиков вдове запрещено вступать в брак прежде 10 месяцев со дня смерти мужа (также — и разведенной).

Прекращение брака.

Естественное прекращение брачного союза происходит вследствие смерти одного из супругов, которая открывает оставшемуся в живых супругу возможность вступить в новый законный брак (2-й или 3-й). В других же случаях брак может быть или а) аннули-

рован вследствие непризнания его законным и действительным, или б) расторгнут по просьбе одного из супругов, основанной на законной причине.

Незаконные браки.

Тот брак, который заключен при существовании препятствий, безусловно воспрепятствующих его, должен считаться недействительным; поэтому его аннулирование есть, собственно, пресечение преступления. Как упоминалось прежде, недействительными признаются следующие брачные сочетания:

Совершенные по насилью, обману или в сумасшествии одного или обоих брачующихся лиц. Впрочем, аннулирование брака, заключенного по насилью и обману, должно зависеть от желания потерпевшего супруга, т. е. от принужденного к такому браку или обманутого, а потому и право возбуждения дела об этом может принадлежать только ему или его представителям, т. е. его родителям, опекунам (Св. З. т. X, ч. 1, ст. 664-665; и ст. 666. Улож. о нак., ст. 1549-1551, Уст. уг. Суд. 724-1012).

Брачные сочетания лиц, находящихся в близком (т. е. в запрещенных церковными правилами степенях) кровном или духовном родстве или свойстве (Уст. К. 210).

Брачные сочетания лиц, уже связанных другими законными супружествами, прекратившимися и нерасторгнутыми законно. По аннулировании такого противозаконного сочетания, восстанавливаются прежние законные брачные союзы виновных в двубрачии. Впрочем, тот из супругов, который был оставлен другим, вступившим в другое брачное сожителство, имеет право не согласиться на продолжение супружества с ним и просить свое епархиальное начальство о дозволении на вступление в новое супружество; но лицо, виновное в двубрачии, осуждается на вечное безбрачие, как только его прежний законный брак прекратится смертью другого супруга или вследствие требования последнего (Уст. К. 214-216).

4) Бракосочетания лиц, не достигших возраста, определенного Церковью для вступления в брак, или же старше 80 лет. При церковном несовершеннолетии обоих супругов или одного из них, их брачное сожителство немедленно прекращается; по достижении же возраста, определенного *гражданскими* законами для вступления в брак, они могут, если того пожелают (но не принуждаются), продолжить супружество, и в этом случае их союз подтверждается в Церкви по чиноположению. Дело о признании недействительным брака, который был заключен прежде достижения одним из супругов церковного совершеннолетия, может быть начато только тем из супругов, который вступил в брак во время этого несовершеннолетия, и продолжается лишь до времени достижения этим лицом *гражданского* брачного совершеннолетия (притом — если брак не имел последствием беременности жены).

5) Бракосочетания монашествующих и лиц уже посвященных в священнослужители (пока они пребывают в своем сане и звании).

6) Браки православных христиан с нехристианами.

7) Бракосочетания лиц, которым, по расторжении брака, возбранено вступать в новый брак, а также вступивших в 4-й брак.

Дела о признании законности и незаконности браков подлежат рассмотрению епарх. начальства и производятся в тех епархиях, в которых такие браки были совершены (Уст. Кон. 206-207).

Лица, брак которых будет признан духовным начальством недействительным, немедленно, после сношения епархиального начальства с местным гражданским, должны

прекратить дальнейшее сожитие; при этом, признанные виновными в сознательном вступлении в противозаконный брак, подвергаются церковному наказанию по каноническим правилам, независимо от определенных в некоторых случаях наказаний по уголовным законам; но они могут вступать в новый, законом не запрещенный брак, исключая тех, кто осужден на вечное безбрачие. Окончательное решение дел об аннулировании незаконных браков принадлежит Св. Синоду (исключая дела о браках в сумасшествии и многобрачии, решаемые епарх. начальством).

Расторжение браков.

Христианский, законно совершенный брак должен быть, по учению И. Христа и Апостолов, нерасторжимым.

На вопрос фарисеев: *“по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?”* — И. Христос, указав на первоначальный закон Творца о твердости брачного союза, (*“Сотворивший вначале мужа и жену сотворил их,”* сказал Спаситель; т. е. если бы Бог хотел, чтобы жену оставляли и брали другую, то сотворил бы одного мужчину и много женщин (Объясн. св. Златоуста). Потом И. Христос из книги Бытия привел закон о браке, что бракосочетавшиеся должны быть *“единою плотью,”* след., *“как рассекать плоть есть дело беззаконное, так противно закону и разлучаться с женою”* (Златоуст.) присовокупил: *“еже Бог сочета, человек да не разлучает.”* Когда же ученики возразили ему, что Моисей позволил развод, Он ответил: *“Моисей по жестокосердию вашему* (т. е. охраняя жену от жестокосердия мужа.) *позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившийся на разведенной прелюбодействует; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует,”* (Матф. 19:3-8; Марк. 10:2-12). Называя прелюбодеянием вступление в другой брак разведенного с женой мужа, или разведенной с мужем и отпущенной им жены, И. Христос ясно указывает на нерасторжимость брака и на непозволительность развода. Апостол Павел, раскрывая это учение И. Христа, говорит: *“вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, и мужу не оставлять жены своей. Соединен ли ты с женою? Не ищи развода”* (Коринф. 7:20-11, 27). При этом Апостол замечает: *“если жена разведется, то должна оставаться безбрачною или примириться с мужем своим”;* — т. е. самовольно разошедшейся с мужем жене, если она не хочет примириться с ним, не может быть дозволено вступление в брак по причине непозволительности развода, основанной на словах Самого И. Христа; такой брак был бы прелюбодеянием.

Только в виде исключения из общего правила, приведенные слова И. Христа допускают развод по такой причине, которая нарушает святость брачного союза, фактически разрывает его в самом его основании, а именно: по причине измены супружескому союзу, нарушения верности одного супруга другому (*словесе прелюбодейна*). Еще в одном случае апостольское учение делает одного из супругов свободным от брачных уз: когда не желает продолжать с ним брачное сожитие оставшееся нехристианином лицо супружеское (1 Коринф. 7:15).

Христианская Церковь с самого своего начала встретила в греко-римском обществе с такими гражданскими законами о браке, которые допускали беспрепятственный развод по взаимному согласию супругов (*divortium consensu*) или по желанию одного из них (*gerudium*), и предоставляли право разведенным вступать в новые браки. Поэтому Церковь должна была вести упорную борьбу против таких вольностей, уничтоживших достоинство и всякую прочность брачного союза, разрушавших семью в основе и разлагавших нравственность. Она направляла свои законы о разводах главным образом против

существовавшей их легкости и личного произвола при их совершении. Ее законы, на основании учения Христа, строго воспрещали членам Церкви произвольные разводы и подвергали церковным наказаниям тех, кто без законной причины оставлял своих супругов. При этом Церковь возбраняла вступление в новый брак не только произвольно оставлявшим своих супругов, но и оставленным или отпущенным ими, приравнивая такие браки к прелюбодеянию, потому что она не признавала аннулирования их первых браков (Апост: 48; Карф. 115; Вас. Вел. 9, 35, 48, 77; Тр. 87). Законными же основаниями к аннулированию брачного союза канонами признаны только два вышеупомянутые случая, указанные в словах И. Христа и Апостола Павла (Вас. Вел. 21; Неокес. 8; Тр. 72).

На другие причины, которые делали бы развод законным, в канонах вселенской Церкви нет указаний, кроме указания на отрицательные причины, т. е. на такие, по которым развод не может быть допущен; таковыми являются: жестокое обращение мужа с женой, растрата им ее имущества (Вас. Вел. 9), сумасшествие жены (Тим. Алек. 15), долговременное безвестное отсутствие мужа, если нет удостоверения в его смерти, или, по крайней мере, нет достаточной ее вероятности (Вас. Вел. 31, 36; Тр. 93) (Но и в этом случае возвратившийся муж мог взять свою жену, если желал, даже если бы она и вышла за другого.), даже неверность мужа жене (Вас. Вел. 9, 21) (Как на причину того, что последний случай не давал права искать развода, св. Вас. Вел. указывает только на существовавший обычай, не находя в нем, впрочем, достаточного основания.).

Христианские императоры, вводя в закон о браке христианский дух, также запрещали самовольные разводы супругов. Но кроме указанных в св. Писании и в канонах Церкви оснований к расторжению брака, дозволяли развод и по некоторым другим причинам, сходным с прелюбодеянием и разрушавшим брачный союз в его существе. Принятое канонами гражданское законодательство о разводах давало право на них в следующих случаях: 1) если один из супругов покушался на жизнь другого, или, зная о чьем-либо заговоре против него, а также против царя, не открыл этого; 2) если жена будет не только уличена в прелюбодеянии, но и дает повод своим непристойным поведением подозревать ее в этом (напр., пирует с мужчинами, ночует вне своего дома — не у своих родителей и т. п.), и если муж ведет явно развратную жизнь и не слушает увещаний и не исправляется; 3) если муж склоняет свою жену к прелюбодеянию или опорочит ее ложным обвинением в прелюбодеянии; 4) если муж окажется физически неспособным к брачному сожителству после трехгодичного испытания, или заразится проказой. Гражданские законы допускали прекращение брака в случае принятия одним из супругов монашества, по согласию другого супруга, так как иноческая жизнь признается Церковью выше брачной. Безвестное отсутствие мужа считалось основанием для прекращения брака по истечении определенного числа лет (пяти).

Эти постановления греческой Церкви, имели, в целом, силу и в нашей отечественной Церкви. Они вошли в наши Кормчие книги; (гл. 44, гр. 13; гл. 46, гр. 32; гл. 48, гр. 11; гл. 49, зач. 2, ст. 9). Под их влиянием наше прежнее законодательство определяло причины развода (см. устав Ярослава).

По нашим действующим законам, законно-совершенный брак может быть расторгнут только духовным судом, по просьбе одного из супругов; самовольные разводы без суда, по одному взаимному согласию супругов, ни в коем случае не допускаются. Священно-служителям запрещается, под страхом тяжелой ответственности, писать, под каким бы то ни было предлогом и кому бы то ни было, разводные письма. (Выдача таких писем священниками для разделения совместного сожителства супругов, до их примирения, была у нас прежде, до XVIII века, в употреблении). Всякую сделку между супругами от-

носителем отдельного друг от друга проживания, или какое бы то ни было содействие этому со стороны других лиц, закон запрещает (Св. З. X, 1, ст. 103).

Право просить о расторжении брака предоставляется одному из супругов в следующих случаях:

1) Когда другой супруг присужден к ссылке в каторжные работы или в Сибирь на поселение, с лишением всех прав состояния, или же только к ссылке на жительство в Сибирь, с лишением всех особых прав и льгот; в последнем случае супруг, не последовавший за осужденным к месту ссылки, может просить соответствующую месту заключения брака Консисторию о расторжении брака по истечении двух лет со дня вступления в силу судебного приговора о ссылке. Подвергшиеся одному из означенных наказаний также могут, по истечении назначенного срока, просить соответствующую месту заключения брака Консисторию о расторжении их брака и о разрешении вступить в новый брак, если их супруги не последовали за ними к месту ссылки. (Этот срок для ссыльно-каторжных указан в уставе о ссыльных, в Св. З. XIV, ст. 412, а для прочих ссыльных — два года со дня вступления в силу судебного приговора по их делу. Собр. узакон. Правит. 1893 г. № 15.).

2) Когда другой супруг в продолжении не менее 5 лет будет находиться в совершенно безвестном отсутствии и его местопребывание не будет установлено после надлежащих розысков и дознаний. Это право распространено и на солдатских жен в том случае, когда их мужья взяты в плен или пропали без вести на войне, или совершили побег со службы.

3) Когда другой супруг оказался неспособным к брачному сожителю, и при этом его неспособность является врожденной и началась, во всяком случае, не после его вступления в брак. Иск о разводе по этой причине может быть начат только через три года после совершения брака. Неспособность свидетельствуется во Врачебном Отделении Губернского Правления, которое сообщает Консистории о результатах освидетельствования.

4) Когда один из супругов оскорбит святость брака прелюбодеянием. Это преступление должно быть доказано перед духовным судом: а) показаниями под присягой двух или трех свидетелей — очевидцев преступления; б) рождением детей вне законного супружества, обнаруженными метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом. Прочие доказательства могут иметь силу только вместе с одним из упомянутых главных доказательств, или же — когда они в своей совокупности обнаруживают преступление. Собственное признание ответчика в прелюбодеянии, не сопровождающееся доказательствами, не принимается во внимание. Если по требованию оскорбленного лица виновный в прелюбодеянии супруг был приговорен светским судом к наказанию, то это лицо, конечно, уже не может искать развода (Уст. Угол. Суд. ст. 1016).

Епарх. начальство, получив просьбу одного из супругов о разводе по причине неспособности другого супруга к браку или его прелюбодеяния, поручает сперва доверенному духовному лицу убедить супругов, чтобы они прекратили конфликт христианским примирением и оставались в брачном союзе; когда же это увещание остается безуспешным, епарх. начальство приступает к формальному производству дела.

По расторжении брака истец (если он был в 1-м или во 2-м браке), получает право вступать в новый брак; лицо, признанное *неспособным* к супружескому сожителю, осуждается на вечное безбрачие; нарушившему же святость брака *прелюбодеянием* предоставляется право вступить в новый брак не ранее исполнения им церк. эпитимии, наложенной по усмотрению дух. суда. В случае же нарушения прелюбодеянием святости и но-

вого брака, вторично виновный в этом супруг осуждается на вечное безбрачие (Опр. Син. 18 Мар. 1904 г.).

Разрешение на новый брак дается разведенному от епарх. начальства по окончании назначенного просителю 7-летнего эпитимийного срока. Этот срок епарх. архиерей может сократить до 2-х лет. Иноверному супругу, виновному в прелюбодеянии, запрещается вступление в брак с православным лицом.

Поступление в монашество лица, состоящего в браке, нашим законодательством не причисляется к случаям, по которым брак может быть расторгнут; оно, по сути дела, есть прекращение брачного сожительства. Поэтому ищущие монашества супруги не имеют права просить о расторжении их браков; они могут просить только о принятии их в монашество.

Супружеский союз православного лица с нехристианином, заключенный еще до принятия первым православия, может быть расторгнут в следующих случаях: 1) если муж или жена, оставаясь в иудейском законе, не пожелают продолжать брачного сожительства с крещенным супругом; 2) если муж нехристианин не соглашается дать обязательство жить с крещеной женой в единобрачии и воспитывать рожденных от нее детей, после их крещения, в православии; 3) если ни одна из прежних жен новокрещенного (когда их было у него несколько) не желает креститься, а он, между тем, не соглашается жить с некрещеной. Во всех таких случаях лицо крещенное получает от епархиального начальства позволение на вступление в новый брак с православным лицом (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 80-83); прежний же брак его расторгается без особого формального производства, по причине самого несогласия продолжать его. Браки русских раскольников расторгаются гражданским судом по тем же причинам и на тех же основаниях, как и браки православных.

Примечание. По правилам римско-католической Церкви брак, если к заключению его не было безусловных препятствий и если он не признан духовной властью недействительным, не может быть расторгнут, за исключением тех случаев, когда один из супругов принимает христианскую веру, а другой (нехристианин) не желает продолжать с ним брачного сожительства. Неконсуммированный брачный союз может быть уничтожен (*dissolutio*) также в случае принятия одним из супругов обета девственности и еще — с особого разрешения Папы. Но Церковь допускает, по судебному приговору, разлучение супругов (*separatio a mensa et thoro*) навсегда или на время. Первое может быть по причине нарушения супружеской верности, или по взаимному согласию на принятие монашества. Поводом ко второму могут быть: опасность для жизни, здоровья, чести одного из супругов, исходящая от другого, ненависть, жестокое обращение, продолжительная болезнь, и т. п.

В евангелическо-лютеранской Церкви, кроме аннулирования тех браков, которые признаются недействительными или незаконно совершенными (Если, в последнем случае, возникает против них иск со стороны тех, чьи права таким образом нарушены.), считаются, при известных условиях, законными причинами к разводу следующие: нарушение супружеской верности (даже открывшееся после брака нарушение женой целомудрия до брака, или мужем — после его обручения); злонамеренное оставление одним из супругов другого; долговременное (более 5 лет) отсутствие; отвращение или неспособность к брачному сожительству; неизлечимая, заразная, или крайне отвратительная болезнь; неизлечимое сумасшествие; развратная жизнь; жестокое обращение; посягательство на честь другого супруга; противоестественные пороки; присуждение к ссылке и лишению чести. Виновной стороне запрещается или разрешается новый брак по приговору суда. Разведенные супруги могут

вновь сочетаться браком между собою, при соблюдении законных форм для заключения брака.

Если последовало запрещение нового брака виновной стороне, то она может получить (от Генеральной Консistorии) разрешение на новый брак в следующих случаях: а) когда обиженная сторона скончалась или находится в безвестной отлучке; б) когда она снова вступила в брак; в) когда она изъявила согласие на брак виновной стороны. Стороне, виновной в нарушении супружеской верности и за это разведенной, не дозволяется вступать в брак с лицом, с которым это преступление было совершено.

Погребение умерших.

Тело скончавшегося члена православной Церкви, не подвергшегося отлучению от нее судом Церковной власти, должно быть погребено по церковному чиноположению. (По уставу православ. Церкви, тело должно быть предано земле; только в исключительных случаях (напр., на море) оно опускается в морскую глубину.) Закон строго запрещает совершать погребение христиан не только православных, но и других исповеданий, без надлежащих христианских обрядов и без участия духовного лица соответствующего исповедания, если приглашение этого лица на погребение умершего было возможно и не было сопряжено с особыми трудностями (Высоч. Повел. 6 Авг. 1869 г., в ук. Св. Син. 28 Авг., № 4351; мнение Госуд. Сов., утвержд. 13 Мая 1891 г., Угол. Улож., утв. 1903 г., ч. 2, ст. 78). Православный священник не может отказываться совершить погребение тела даже иноверного христианина, в случае крайней нужды, — если не будет в наличии пастора ни того исповедания, к которому принадлежал умерший, ни какого-либо другого (Ук. Св. Син. 1797 г., 24 Авг. и 1800 г., 20 Февр.). В подобном случае священник должен в церковном облачении проводить тело умершего иноверца от места до кладбища и опустить в могилу (с пением: “Святыи Боже” и пр.), потом записать о погребении в метрическую книгу (Ук. Св. Син. 17 Мая 1873г.). Таким же образом должен поступать священник относительно погребения лиц неизвестного вероисповедания, если только нет видимых поводов или оснований сомневаться в принадлежности умершего к христианству.

По церковным правилам и гражданским законам, лишается христианского погребения (а также и поминовения при обществ. богослужении) убивший себя сознательно и намеренно, а не в состоянии умопомешательства или временного беспамятства вследствие каких-либо болезненных припадков. К числу умышленных самоубийц не должны причисляться умершие случайно от злоупотребления крепкими напитками (Опред. Син. 10 Июля 1881 г. №25470; Улож. наказ., ст. 1472). В последнем случае, разрешение на христ. погребение неумышленного самоубийцы дается полицейскими властями, после судебно-медицинского исследования. Тело умышленного самоубийцы не должно предаваться земле на христ. кладбище. “Надлежит палачу оттащить его в безчестное место и там закопать” (Св. Зак. XIII, 923). Не совершается чин церковного погребения и над мертворожденными младенцами и умершими без крещения.

Для предотвращения случаев погребения мнимо-умерших, закон велит предавать земле тела умерших не ранее третьих суток, и при том удостоверившись в их смерти. Если же появляется сомнение в наступлении смерти, то, по смыслу закона и по долгу человеколюбия, следует отложить погребение, пока не обнаружатся очевидные признаки смерти. Но умерших от заразной болезни можно хоронить и раньше указанного срока, чтобы пре-

дотворить распространение заразы; позволяется также, во время сильной летней жары, погребать тела умерших по прошествии только одних суток после их смерти, если, по свидетельству врача или (при его отсутствии) по свидетельству полицейских властей и священника, нет повода сомневаться в наступлении смерти.

Прежде судебно-медицинского осмотра и без разрешения местных полицейских властей священникам строго запрещено предавать земле: а) тела умерших насильственной смертью, следствии внешних повреждений, от ушиба, раны, падения с большой высоты и т. п.; б) тела умерших скоропостижно, с проявлениями необычных припадков, подающими повод подозревать отравление, и вообще — людей, которые, по видимому, были здоровы и умерли скоропостижно от неизвестной причины; в) найденные мертвые тела, а также утонувших, умерших от чрезмерной дозы крепких напитков, замерзших и т. п.; г) когда появляются жалобы о смерти вследствие недопустимого лечения шарлатанами и другими людьми, не имеющими права на лечение; а также тела умерших от наружного употребления вредных припарок, мазей, ванн, умываний, пудры и др.; д) в тех случаях, когда есть подозрения в умышленном умерщвлении и изгнании плода.

Примечание. Вскрытие тел священнослужителей и монашествующих производится с разрешения епарх. архиерея (или, в крайнем случае, с согласия Благочинного), в присутствии представителя духовной стороны, который должен предоставить архиерею заверенную следователем копию протокола.

По установившемуся обычаю, тела умерших православных вносятся в церковь для совершения над ними чина отпевания; но не позволено держать их в церкви более суток, и то — в случае крайней необходимости. Отпевание умерших от заразной болезни должно совершаться или в домах, или на месте погребения (не в церкви).

Погребение не должно совершаться в 1-й день Пасхи и Рождества Христова, ренее вечерни, а также в высокочестивые царские дни.

Тела умерших провожаются священником от их домов до могилы. При погребальном шествии запрещается носить венки или знаки и эмблемы, не имеющие церковного или официального государственного значения; запрещено также при погребении лиц не военного звания исполнять военную музыку. В Петербурге не позволено совершать погребальные шествия мимо Зимнего Дворца.

Тела умерших должны быть погребены только на общих кладбищах, которые устраиваются в специальных местах, отведенных гражданским начальством по согласованию с епархиальным. Кладбища должны быть ограждены забором или плетнем, либо насыпью (не выше 2 арш.) и рвом. Погребение под церквами теперь вообще запрещено (за весьма редкими исключениями. Архиереи обычно погребаются под церковью.). В ограде сельских церквей допускается, с разрешения местных гражданских властей и по предварительному согласию на это епарх. начальства, погребать священников, безупречно проходивших свое служение и христиански скончавшихся; из мирян же могут быть погребены только те лица, которые создали храм на свои средства или обеспечили содержание его причету, и при том имели “житие благозаконное и кончину непостыдную.”

Кладбищенские священники должны наблюдать, чтобы могилы были не менее 21/2 арш. глубиной и зарывались тщательно, вровень с поверхностью земли.

Примечание. Вырывать из могилы тело для перенесения его в другое место запрещается, без особого дозволения от губернатора или градоначальника. Непогребенные тела перевозятся из одной губернии в другую или из уезда в уезд только с разрешения гражданского начальства.

Православное кладбище, — даже если на нем и нет церкви, — должно почитаться священным местом (см. выше о почитании к храмам). Закрытое кладбище нельзя отводить под пашню или каким-либо другим образом уничтожать оставшиеся на нем могилы; оно должно быть (в населенных местах) огорожено или окопано за счет владельцев земли.

Добавления.

Закон об укреплении начал веротерпимости.

(Высочайше утвержденный указ 17 Апреля 1905 г.).

1. Признать, что отпадение от Православной Веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий; причем, отпавшее от Православия по достижении совершеннолетия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало (п. 1).

2. Признать, что, при переходе одного из исповедующих одну и ту же христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все недостигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таком переходе обоих супругов их дети до 14 лет следуют вере родителей; достигшие же этого возраста остаются в прежней своей религии (п. 2).

3. Лица, числящиеся православными, но в действительности исповедывающие ту нехристианскую религию, к которой до присоединения к Православию принадлежали они сами или их предки, подлежат, по их желанию, исключению из числа православных (п. 3).

4. Разрешить христианам всех исповеданий крестить принимаемых ими на воспитание некрещенных подкидышей и детей неизвестных родителей по обрядам своей веры (п. 4).

5. Раскол разделяется на три группы: а) старообрядческое объединение, б) сектантство и в) последователи изуверских учений, сама принадлежность к которым наказуема в уголовном порядке (п. 5).

6. Присвоить наименование старообрядцев, взамен употребляемого названия раскольников, всем последователям течений и объединений, которые принимают основные догматы Православной Церкви, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам (п. 7).

7. Признать, что сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, разрешение на их ремонт или закрытие должны совершаться или даваться на основаниях, которые существуют для храмов православных исповеданий (п. 8).

8. Присвоить духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления духовных треб, наименование “настоятелей и наставников,” без употребления, однако, православных иерархических наименований (п. 9).

9. Разрешить тем же духовным лицам свободное отправление духовных треб как в частных и молитвенных домах, так и в иных необходимых случаях, с запрещением лишь надевать священнослужительское облачение (п. 10).

10. Распечатать все молитвенные дома, закрытые как в административном порядке, так и по определению судебных властей (п. 12).

11. Признать, что во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них Закона Божия инославных христианских исповеданий, оно должно проводиться на родном языке учащихся (п. 14).

Метрические записи и другие церковные документы.

I. События крещения (а также присоединения к православной Церкви), бракосочетания и погребения умерших записываются в установленные книги, называемые метрическими. Ведение этих записей сделано обязательным для всех приходских причетов еще в 18 столетии; (Дух. регл., приб. ст. 29; Ук. Син. 1723 г. Нояб.13 и 1724 г. Февр.20.) впоследствии для них была установлена единообразная форма (1837 г.). В настоящее время причетам выдаются духовным начальством изготовленные по этой форме печатные бланки (в тетрадях).

Метрические книги разделяются на три части: 1-я о родившихся, 2-я о бракосочетавшихся и 3-я об умерших. В них вписываются, в отдельных графах, — в первой части: имена крещенных, время их рождения и крещения, родители и воспитатели; — во второй части: время совершения брака, вступившие в брак, их возраст, поручители жениха и невесты; — в третьей части: умершие, их возраст, время смерти и погребения, причина смерти, место погребения; в каждой части в особой графе указываются и лица, совершившие таинства крещения и брака, напутствовавшие умирающих исповедью и причащением, и совершившие погребение. В первую часть вносятся и присоединенные к православной

Церкви иноверцы. Метрики ведутся в двух экземплярах. Один экземпляр, прошнурованный, скрепленный печатью и надлежащей подписью, выдается из Консистории на один год, по истечении которого отсылается в нее для хранения. Другой экземпляр хранится при церкви. Записи производятся священником, или, по его поручению, кем-либо из причета, немедленно после совершения подлежащей внесению в метрические книги требы, с надлежащей тщательностью и безошибочно, под страхом взыскания за ошибочность записи.

Каждая запись подписывается всеми членами причета, совершавшего требу. Всякий, о ком лично или о члене его семьи записано в метрическую книгу какое-либо событие, имеет право просмотреть запись и, в случае допущенной в ней ошибки, просить о ее исправлении и о верности показания засвидетельствовать письменно в особой графе, существующей для этой цели (в 1-й и 2-й части метрики). К просмотру записи и письменному засвидетельствованию ее верности приглашаются священником и другие лица, участвовавшие и присутствовавшие при требе. Всякие подчистки в метриках строго запрещены; погрешности же записи должны быть обрамлены со всех сторон чертами и надстрочные исправления написанного ошибочно, или пропуски, должны быть оговорены в конце записи с засвидетельствованием оговорки подписью членов причета. В конце каждого месяца и всего года в метриках обозначается число записанных лиц.

Метрические записи имеют весьма важное значение в церковной жизни, и еще больше — в гражданском быту; они составляют главное доказательство происхождения, возраста, событий крещения, брака и смерти внесенных в метрики лиц. Каждое лицо может получить свидетельство о касающихся его и членов его семьи случаях рождения, брака или погребения или выписку из метрических книг от приходского причета или от Консистории. Постороннее лицо, просящее это свидетельство о другом, обязано представить от него доверенность. Кроме того, свидетельства могут быть выданы по требованию присутственных мест и начальствующих лиц. Свидетельства, выдаваемые от причета, должны

быть только выпиской, слово в слово, известной записи из метрической книги, без всякого изменения или пропусков (даже без изменения ошибок в правописании). Они подписываются всеми наличными членами причета и утверждаются церковной печатью. Эти свидетельства не могут заменять собой консисторского метрического свидетельства, а должны служить лишь охранительным документом (и могут получить полную силу только тогда, когда будут утверждены в Консистории удостоверением в том, что совпадают с метрической книгой, хранящейся в Консистории). Они могут выдаваться несколько раз, в неограниченном количестве.

Из Консистории метрические свидетельства выдаются по формальным прошениям лиц, имеющих право на их получение, или по требованию начальствующих лиц или мест. Если оно было выдано один раз, то повторно уже не выдается, за исключением случаев утраты прежнего, на что должны быть представлены доказательства при прошении о выдаче нового свидетельства. Не выдается оно вновь и в том случае, когда оно уже было выдано по требованию какого-либо присутственного места или начальства; просителю предоставляется запрашивать оттуда или подлинное свидетельство Консистории, или его копию.

Права расследования и разрешения всех дел, касающихся удостоверения о действительности событий тех браков и рождений от законного брака, которые не внесены в метрические книги, или — дел, касающихся исправления неправильных записей в метриках, принадлежат духовной Консистории. Подобные дела о метрических записях, которые ведутся военными священниками, а также утверждения их метрических свидетельств, подлежат власти Протопресвитера военного духовенства.

Примечание. Кроме записи в метрических книгах, священник обязан делать отметки: 1) на билетах нижних воинских чинов — о случаях рождения или смерти их детей; 2) на всех документах, представляемых вступающими в брак лицами и возвращаемых им после венчания — об их совершившемся бракосочетании; 3) о смерти и погребении кого-либо — на тех документах, по которым он проживал.

Метрические книги имеют еще важное значение для статистики. На их основании причетами составляются для Консистории и для губернского статистического комитета ведомости о ежемесячном количестве рождающихся, присоединяющихся к православию, умерших (по всем возрастам), о сочетавшихся браком, со всеми видами брачных союзов (напр., холостых с девицами, вдовых с первобрачными, вдовцов со вдовыми и т. п.). Эти статистические данные через Консистирию собираются в Св. Синоде.

Примечание. В С. Петербурге священники обязаны, сверх того, по каждому случаю рождения и брака записывать на особых печатных бланках различные нужные для статистики сведения о них. Эти записи еженедельно отсылаются в статистическое отделение при городской Управе.

На священников также возложена обязанность составлять выписки из метрик о рождении лиц того возраста, который состоит на очереди для исполнения воинской повинности; эти выписки должны ежегодно непосредственно представляться в надлежащие управления.

II. Исполнение прихожанами христианского долга исповеди и причащения св. Тайн или пренебрежение им вносится причетом в особые ведомости, называемые исповедальными росписями. Эти ведомости должны представлять полный именной список всех православных семейств в приходе, со всеми именами, адресами и возрастом каждого лица. Против каждого лица в соответствующей графе должна быть сделана отметка о его при-

ходе на исповедь и причащении, или только об исповеди (без причащения), или, наконец, об отсутствии того и другого и о причине этого. В селах, где прихожане вообще имеют постоянную оседлость, эти списки так и ведутся; они могут легко проверяться причетом относительно принадлежности данного лица к известному семейству или его возраста. Но в больших городах, где состав прихожан постоянно меняется и в их числе состоят многие временно прибывающие из других городов и селений, в исповедных росписях обычно записываются только те лица, которые приходили к исповеди и, при том, записываются с их собственных слов. От того, каким из этих двух способов ведутся исповедные росписи, зависит надежность тех справок, для которых они установлены и которые берутся из них по требованию закона.

Исповедные записи должны служить формальным удостоверением о принадлежности известного лица к членам православной Церкви, или указанием на его уклонение от нее, или, по крайней мере, — на его нерадивое отношение к ней и к религиозным обязанностям (по этой причине, первоначально, с появлением раскола в XVII веке, они и были введены). На основании исповедных росписей составляются статистические указания на число бывших и не бывших у исповеди и причащении, и, стало быть, — на религиозное состояние православного населения в данной местности в определенном году.

Закон указывает также обращаться к исповедным росписям за получением доказательств (косвенных) о действительности событий браков, рождений, о чем-либо возрасте и т. п., когда об этом не достаёт метрических записей, или когда они оказываются неверными или сомнительными (Уст. Конс. 260, 265).

Исповедные росписи пишутся в двух экземплярах: один отсылается в Консисторию, другой оставляется при церкви для справок и выдачи свидетельств в необходимых случаях.

III. Предварительные исследования о правильности совершающихся бракосочетаний вносятся в книгу *брачных обысков* (о ней было сказано в ст. о венчании браков). Эти записи также, как исповедные ведомости, могут служить косвенными доказательствами события брака (Уст. Конс. 260, 265).

IV. Причеты каждой церкви должны вести *клировые ведомости*, т. е. свои послужные списки, по установленной законом форме. Между прочим, закон придает им значение актов, удостоверяющих состояние лиц дух. звания (Св. Зак. IX, 1032).

V. По хозяйственной части, в каждой приходской церкви епарх. ведомства должны быть *приходо-расходная книга и опись церк. имущества*.

Отдел IV. Церковный суд.

Имея свои законы и самостоятельно устанавливая внутренний порядок своей жизни, Церковь имеет право, посредством своего суда, охранять эти законы и порядок от их нарушения ее членами. Совершать суд над верующими — есть одна из существенных функций церковной власти, основанной на божественном праве, как показывает Слово Божие. Так, И. Христос предоставил Церкви судить согрешающих и дал Апостолам власть связывать и разрешать (Матф. 18:15-18); Апостолы повелевают предавать церковному суду развращенных (1 Кор. 5 гл.) и неоднократно указывают на полученную ими от Христа власть

строго наказывать всякое непослушание (2 Кор. 10:6; 13:2-10), определяют некоторые действия суда над пресвитерами (1 Тим. 5:19), и др.

Суд Церкви бывает двояким. а) Есть суд чисто духовный, нравственный, происходящий при таинстве покаяния, когда христианин или получает отпущение своих грехов, или же остается без него, причем и тот и другой приговор может сопровождаться духовными наказаниями (эпитимиями). Этот суд имеет дело с совестью человека, совершается тайно, по одному лишь разумению духовника, а не по определенным церковно-юридическим нормам; поэтому, его рассмотрение имеет мало общего с наукой церковного права (в нее могут входить только немногие внешние условия совершения). б) Есть суд церковно-общественный, явный, рассматривающий открытые действия, обличаемые поступки члена Церкви, — суд, облеченный в определенные формы и принимающий, кроме духовных, и внешние меры против правонарушений. Мы рассмотрим здесь этот последний суд.

Область церковного суда.

Суд Церкви простирается на всех ее членов, как совершенных, т. е. крещенных, так и оглашенных, которые могут быть подвергнуты за свои грехи мерам церковного взыскания (1 всел. 14; Неок. 5); но Церковь не судит *внешних*, т. е. чуждых ей лиц, — их судит Бог (1 Кор. 5:12-13). Относительно предметов, суду Церкви должны подлежать вообще все церковные отношения ее членов и все открытые нарушения ими ее правил, для исправления которых, по их степени и по нравственному состоянию виновного, недостаточны были бы одни частные пастырские меры (Матф. 18:15-17). Судить же дела мирские, чисто гражданские, — такого права Церковь себе не присваивала, как и сам ее Глава, при жизни, отстраняя от Своего суда такие дела (Лук. 12:13-14) (Некто сказал И. Христу: *“Учитель, скажи брату моему, чтобы разделил со мною наследство.”* И. Христос ответил: *“Человек! кто поставил Меня судить или делить?”*).

Прада, в первые века христианства, когда Церковь не была признана государством, христиане, по апостольскому учению (1 Кор. 6 гл.), прибегали к суду своих пастырей во взаимных тяжбах и распрях, не желая обращаться к языческому суду; но это было не столько церковным судом в собственном смысле, сколько частным посредничеством пастырей между сторонами, устранявшим в христианском обществе вражду, которая была бы для него унижительной, и приводившим стороны к взаимному согласию и примирению (третейский суд). Если гражданские тяжбы между членами Церкви и могли подлежать тогда церковному суду, то разве только своей нравственной стороной.

Когда же Церковь вступила в союз с государством и стала пользоваться его покровительством, тогда расширился, по предоставлению полномочий от государства, и круг предметов церковного суда. Так, греко-римские государи утверждают за епископами право разбирать различные гражданские (но не уголовные) дела лиц, обращающихся к церковному суду, и их решения делают обязательными для ведущих тяжбу и для гражданских властей. В силу признания государством епископского суда (*episcopalis audientia*), каноны запрещали служителям Церкви покидать этот суд, сохраняя взаимные тяжбы, и прибегать к мирским судам (4 всел. 9; Карф. 15); а императорское законодательство, подтверждая это, постановляет также, чтобы и все вообще жалобы на духовных лиц (кроме уголовных дел) разбирались духовной властью. С другой стороны и государство, приняв на себя за-

щиту церковных интересов, относит к своему суду, независимо от суда церковного, многие преступления своих граждан против веры и Церкви.

Еще более обширный круг дел был предоставлен от государства церковному суду в древней Руси. По уставам св. Владимира, Ярослава и др. князей, к этому суду относились, кроме духовных дел, преимущественно дела семейные и касающиеся чистоты нравов (дела брачные, домашние ссоры и драки, непочтение к родителям, усыновление, дела по завещаниям и разделу имущества, словесные оскорбления чести, нарушение целомудрия, святотатство и т. п. Некоторые из дел ведались церковным судом совместно с гражданским (оскорбление чести, насилие и побои чужим женам и девицам, поджоги, семейные кражи и др.)), отчего Церковь получила большую возможность оказывать влияние на быт и нравы народа. Кроме того, ведомству церковного суда были подчинены, по всем делам, не только духовные лица с их семьями, но и находившиеся под покровительством Церкви призываемые в благотворительных учреждениях (странники, нищие, убогие рабы, отпущенные господами на помин их души и т. п.). Когда церковные учреждения стали владеть населенными вотчинами, их духовным властям, пожалованными грамотами князей и царей (и даже по ханским ярлыкам в период Монгольского владычества), предоставлялось право суда над крестьянами в этих вотчинах по всем делам, кроме тяжких уголовных преступлений (а иногда и без этих ограничений).

Такой обширный круг полномочий церковного суда, обременявший духовные власти множеством несвойственных им дел, естественно должен был сокращаться по мере усовершенствования наших государственных законов. Уже с момента издания Уложения царя Алексея Михайловича, некоторые из гражданских дел стали переходить в светские суды, а дела по духовным вотчинам, иски на духовных лиц и между ними самими были отнесены в особый приказ (монастырский), состоявший из мирских судей. С начала XVIII века государство постепенно разграничивает ведомство своего и церковного суда, преимущественно по предметам, а не по лицам, и к последнему суду относит те дела, которые непосредственным образом касаются веры и Церкви. Впрочем, духовенство остается подсудным духовным властям, кроме уголовных дел и некоторых видов тяжб.

Дела, отнесенные действующими законами к области церковного суда, можно, для более удобного их рассмотрения, разделить 1) на проступки и преступления – а) вообще всех членов Церкви и б) духовных лиц в частности; 2) на прочие спорные дела, касающиеся также а) всех лиц и б) духовных лиц.

Суд Церкви, относящийся к преступлениям.

Общий для всех христиан.

Его предметы.

По своему существу, церковный суд может касаться (как уже было упомянуто) всех открытых нарушений правил веры, уставов благочинства, нравственных христианских законов и внутреннего распорядка церковного устройства, — особенно тех нарушений, которые сопровождаются соблазном или упорством виновного. Так как большая часть преступлений, не только против нравственных законов, но и против веры или Церкви, преследуется также и светским судом государства, то деятельность церковного суда, по отношению к таким преступлениям, ограничивается тем, что церковная власть налагает на виновных, после приговора светского суда, соответствующие церковные наказания, в дополнение к уголовным наказаниям, и, кроме того, передает светскому суду преследуемые

государством преступления, которые открываются при производстве дел в духовном, а иногда и в светском ведомстве. Так, напр., сведения о происшествиях, заключающих в себе признаки отступления от веры и постановлений Церкви, светская власть сообщает духовной, от которой и зависит требование уголов. преследования виновного светским судом. Исключительно церковному суду подлежат виновные в таких преступлениях, за которые уголовными законами указано налагать только церковные, а не мирские наказания, — будут ли эти преступления изобличены в светском суде, или откроются перед духовным начальством (Покушение на самоубийство, непосещение исповеди в течение 2–3 лет, любодеяние, невольное убийство и т. п.) (Уст. Кон. 276, Уст. Угол. Суд., ст. 1002, 1003, 1006).

Указывая виды преступлений, подвергающих виновного церковному суду, (По Уложению о нак. эти преступления суть след.: преступления против веры, суеверия (волшебство, разглашение ложных чудес и т. п.), нерадивость в исполнении христианского долга (напр., исповеди), нарушение клятвы, кощунство, непочтение к родителям, пренебрежение родителей религиозно-нравственным воспитанием детей, незаконные браки, святотатство и любодеяние всех видов, покушение на самоубийство, неоказание помощи погибающему, неумышленное причинение смерти кому-либо, принуждение родителями детей к вступлению в брак или в монашество.) наши уголовные законы не причисляют к ним многих преступлений, за которые, однако, церковные законы налагают эпитимию, иногда тяжелую (напр., воровство, убийство); — для этих преступлений считается достаточным уголовное наказание; очищать же совесть осужденных предоставляется частными пастырскими мерами (частными эпитимиями); такими же мерами должны быть исправляемы и те противные религиозно-нравственным правилам деяния, которые не указаны в уголовных законах.

Общие церковные наказания.

Как сам И. Христос приходил на землю для того, чтобы спасти души человеческие, а не погубить (Лук. 9, 56), так и Церковь, при исполнении своих наказаний, имеет в виду созидание, а не разрушение (2 Кор. 10:8; 13:10), т. е. нравственную пользу, исправление виновного, спасение его души (1 Кор. 5:5). Кроме того, церковные наказания должны служить предотвращению соблазна в церковном обществе, к удалению от него греховной заразы (1 Кор. 5, 6), “да и прочие страх имеют” (1 Тим. 5:20). Наконец, достоинство Церкви умалялось бы в глазах непринадлежащих к ней, когда явные преступления против ее правил оставались бы в ней безнаказанными, когда она терпела бы в себе упорных и нераскаянных нарушителей ее законов (см. 2 Тимоф.; Трул. 77; Вас. Вел. 6). Но Церковь никогда не придавала своим наказаниям значения возмездия за преступление, удовлетворения правосудию, — что было бы противно ее учению.

Церковь имеет в своем распоряжении одни лишь духовные меры взыскания, состоящие в лишении виновного некоторых духовных благ и церковных прав. Эти меры суть следующие:

1) Публичное покаяние, соединенное с временным отлучением от св. Причастия или – даже от общества верующих (*запрещение*). Оно налагается за серьезные преступления, не сопровождающиеся, впрочем, явной нераскаянностью и сопротивлением виновного церковной власти. В древней вселенской Церкви это наказание назначалось на более или менее продолжительное время (от одного года до 20 лет, а иногда, за особо тяжкие грехи, даже до конца жизни) и подразделялось на несколько степеней. Одни кающиеся стояли при богослужении на паперти, исповедуя перед входящими в храм свой грех и прося у них молитвы (1-я степень – *плачущие* или *обуреваемые*); другие стояли во внутреннем притворе, слушая св. Писание, по прочтении которого выходили из храма ранее

оглашенных (2-я степень – *слушающие*); следующие стояли уже в самом храме у самого входа и выходили из храма вместе с оглашенными, выслушав, с преклонением колен, молитвы за них (3-я степень – *припадающие*); наконец, остальные допускались стоять с верными при всем богослужении, только не могли приступить к св. Причащению (4-я степень). Эти степени проходились в продолжении определенного времени. (Напр., злоумышленный убийца подвергался запрещению на 20 лет, с прохождением 1-й степени наказания в течение 4 лет, 2-й – 5 лет, 3-й – 7 лет и 4-й — 4 года (В. В. 56), а по другим правилам – на всю жизнь (Анк. 22). Произвольно отрекшийся от веры всю свою жизнь должен проходить 1-ю степень покаяния (В. В. 73). Блудник подвергался запрещению на 4 – 7 лет.) Вообще же, каноны предписывают, при назначении церковного наказания, соизмерять его с тяжестью греха и нравственным состоянием подсудимого, “не гнать его по стремлинам отчаяния (тяжестью наказания), но и не опускать узды на расслабление жизни и небрежение” (Трул. 102), — не делать кротость слабостью, ни строгость жестокой (Трус. 3), не связывать паутинными нитями то, что должно быть связано тремя канатами (Вальсамон). Предшествовавшее преступлению доброе поведение, вовлечение в грех насильем, добровольное признание в грехе и другие подобные обстоятельства должны облегчать наказание. За одно преступление запрещено налагать два наказания (Апост. 25). Назначенный срок и степень покаяния могут, по правилам Церкви, сокращаться и ослабляться, в зависимости от силы раскаяния и его плодов (Гр. Нисс. 8; Вас. Вел. 74; 1 всел. 12; Тр. 102, и др.), или, наоборот, увеличиваться при недостаточном раскаянии (Анк. 5). Запрещение снимается со всякого кающегося в случае смертельной опасности (Анк. 6; 1 всел. 13); но в случае его выздоровления оно продолжается до окончания назначенного срока (1 всел. 13; Григ. Нисс. 5).

У нас духовное начальство поручает обычно священнику налагать на приговоренного к церковному наказанию соответствующую церковным правилам эпитимию, по месту жительства виновного или по месту его ссылки, и наблюдать за исполнением эпитимии. В некоторых случаях виновные отсылаются для прохождения церковного покаяния в монастырь, где и должны проходить назначенное настоятелем послушание. Такое наказание налагается или по Высочайшему повелению, или по приговору светского суда, взамен тюремного заключения, а также в случае безуспешности эпитимии по месту жительства виновного.

2) Высшая и крайняя мера церковного наказания есть совершенное исключение виновного из церковного общества, полное лишение его всех церковных прав, так что он становится для Церкви, по словам Спасителя *яко язычник и мытарь*; иначе это наказание называется *анафемой* (Галат. 1, 8 – 9; 1 Кор. 16, 22; 5, 5; Тим 1, 20). Ему подлежат безбожники и отступники от веры, нарушители церковных правил, непокорные церковной власти, мятежники против государства и его власти, вообще – все закоснелые грешники, явно насмехающиеся над Законом Божиим и остающиеся нераскаянными (см. Дух. Рег. 2, 10). С исключенным из Церкви не должно быть никакого духовного общения (2 Иоан. 10 – 11; 1 Кор. 5, 11; 2 Сол. 3, 14). Впрочем, такое прекращение общения не должно переходить во враждебные отношения (2 Сол. 3, 15). Исключенный из одной частной Церкви не принимается никакой другой частной Церковью.

У нас это наказание (возможное, конечно, юридически) не налагается по каждому частному случаю, а заменяется тем, что в определенное уставом время (в неделю православия) в кафедральном соборе всенародно провозглашаются те постановления Церкви, противящиеся которым признаются исключенными из нее. Раскаявшиеся после исключения из Церкви принимаются в нее после публичного покаяния.

Примечание. В случае прощения Высочайшей милостью преступника, который кроме уголовного наказания был приговорен к церковному покаянию, это последнее наказание не снимается с него прощением его вины, но прекращается или продолжается по усмотрению духовного начальства. Не подлежат церковные наказания и действию Всемилоостивейшего манифеста.

3) Церковной власти несвойственно употреблять другие мирские наказания, такие как: лишение свободы, гражданских прав и других житейских благ. Прибегать к телесным наказаниям совершенно возбраняется духовным властям церковными правилами: “повелеваем, — говорят каноны, — епископа, или пресвитера, или диакона, бьющего верных согрешающих, или неверных обидевших, и через сие устрашати хотящего, извергати из священного чина” (Апост. 27). “Подобает вразумляти неблагонаправного наставлениями, увещаниями, иногда же и церковными эпитимиями, а не устремлятися на тела человеческие с бичами и ударами” (Двукр. 9). Вообще, духовному суду должны быть чужды всякие насильственные действия. Когда выказывается непокорность церковной власти, вредная для церковного порядка, то Церковь может обращаться к светской власти с просьбой об ограждении этого порядка и обуздании непокорных (Ант. 5; Карф. 59 и 78; Двукр. 9). Существовавшие у нас, в первые времена, при церковном суде денежные взыскания (штрафы) были определены государственной властью (Уставом Ярослава), как гражданские наказания (в некоторых случаях сверх эпитимии); той же властью впоследствии церковным властям было предоставлено право употреблять и другие нецерковные исправительные наказания (монастырское заключение, использование виновного на тяжелых работах, содержание в узах на хлебе и воде, иногда и телесные наказания).

Церковный суд над духовными лицами.

Предметы суда.

Если Церковь имеет власть судить за преступления против ее законов всех вообще своих членов, то тем более должны подлежать ее суду за свое поведение служители Церкви, в особенности, по делам своего церковного служения, независимо от того, подвергает ли их своему суду по этим делам мирская власть.

Что же касается неподсудности духовных лиц светскому суду по их преступлениям, то она может быть только дарованной от государства привилегией, но не основывается на божественном праве, и каноны ничего не говорят об этой неподсудности. Если каноны запрещают клирикам судиться в мирских судах, а не у епископов (1 всел. 9, Кар. 15 и 117), то эти правила имеют в виду такие жалобы и тяжбы, которые предоставлено было государством разбирать церковному суду (См. об этом выше).

Наши законы (Уст. Дух. Кон. 148) относят следующие проступки и преступления духовных лиц исключительно к церковному суду:

1) *Нарушение* духовными должностными лицами их *служебных обязанностей* (напр., нарушения в отправлении священнодействий, в ведении церковных документов, в хранении и расходовании церковного имущества, в отношениях должностных лиц к прихожанам, в исполнении распоряжений духовного начальства и т. п.). Но если преступления такого рода сопровождаются уголовными преступлениями, подвергающими виновных, по общим законам, лишению или ограничению прав состояния (напр., умышленный подлог, сокрытие следов преступления или намеренное содействие ему и т. п.), то такие действия подлежат светскому суду.

2) Нарушение правил *благочинства и благоповедения*. По своему особому положению, духовные лица подвергаются духовному суду и за такие проступки против благоповедения, которые общим мирским судом не преследуются, но не могут быть терпимы по каноническим правилам от служителей Церкви (напр., нетрезвая жизнь, карточные игры, посещение зазорных публичных мест, пляски и т. п.). К преступлениям против благоповедения следует отнести также и оскорбления, нанесенные кому-либо духовными лицами. Дела такого рода не могут быть обращены в гражданские иски или быть остановленными в суде примирением духовного лица с оскорбленным, коль скоро в поступке первого духовное начальство усмотрит противное достоинству духовного сана (Уст. Кон. 201, 202). Подсудность по обидам и оскорблениям церковному суду не распространяется на всех духовных лиц, но ограничивается одними священнослужителями и монахами, и, притом, — по отношению только к тем делам, с которыми не связано уголовное преступление и которые касаются частных лиц. Оскорбления, хотя бы и частных лиц, в присутственных местах (а тем более — самих этих мест), печатное оскорбление или нанесение вреда чьей-либо чести, обиды с нанесением увечия и т. п. подвергают виновных духовных лиц светскому суду (Кас. реш. Сен. 1867 г. № 800 и 1863 г. №12; Опр. Св. Син. 4 Авг. 1882 г.; Уст. Конс. 201). Причетники направляются в светский суд за проступки против благочинства и благоповедения, предусмотренные в общих законах и совершенные вне церкви и служебных обязанностей; но, кроме того, причетники могут подлежать, как служители церкви, и мерам духовных взысканий.

Все духовные лица подлежат светскому суду по всем тяжким уголовным преступлениям и в случае нарушения государственных постановлений, по которым существуют особые правила судопроизводства и взыскания, как то: притоносодержательство и укрывательство беглых, нарушение устава о питейном сборе, порубка лесов, неисполнение карантинных и таможенных постановлений (Уст. Кон. 149).

Противоречия о подсудности между светскими судами и духовным судом по уголовным делам разрешаются Общим Собр. Кассационных Департаментов Сената, при надлежащем сношении со Св. Синодом (Уст. угол. Суд. 237-238); противоречия же о подсудности по гражданским делам — Общ. Собр. 1-го и Кассац. Департаментов после зачтения заключения Обер-Прокурора Св. Синода.

Наказания духовных лиц.

Высшее церковное наказание, т. е. полное отлучение от Церкви, по самому смыслу преступлений, за которые оно налагается, может распространяться, разумеется, и на служителей Церкви. Другие меры церковных наказаний для служителей Церкви определены канонами как следующие: за тяжкие преступления виновный навсегда лишается своей церковной степени и исключается из клира; за менее тяжкие провинности он временно отлучается от церковного служения, т. е. ему запрещается совершать священнодействия вплоть до его исправления. Низведение с высшей иерархической степени на низшую иерархическую же (напр., с епископской на пресвитерскую) канонами называют святотатством: недостойный быть на высшей степени не может оставаться и на низшей (3 всел. 29). Иногда, впрочем, допускается низведение диаконов в разряд простых церковных служителей (Неок. 10), что не противоречит предыдущему правилу.

За проступки, возбраняющие священнослужение, но совершенные по неведению или открывшиеся после того, как виновный исправил грех добродетельной жизнью, каноны хотя и налагают запрещение священнослужения навсегда, но не лишают запрещенного

той чести и тех преимуществ, которые присвоены его степени (Вас. Вел. 27; Тр. 26; Неок. 9; Ант. 1 и 2). Кроме того, за некоторые проступки запрещалось возводить виновного на высшие церковные степени (Трул. 3; Вас. Вел. 69) и предписывалось лишать старшенства среди членов клира той же степени (7 всел. 5; Трул. 7). Исключенный из клира не подвергался временному отлучению от церковного общения или публичному покаянию, по общему правилу: “не отомстиши дважды за едино” (Ап. 25; Вас. Вел. 32 и 51).

Наши действующие законы (Уст. Дух. Кан. 176), в соответствии с каноническими правилами, налагают на духовных лиц следующие меры взыскания и исправления:

1) Крайняя мера наказания есть лишение священнослужителей их сана, монахов – монашества, а причетников – их церковнослужения, с исключением тех и других из духовного ведомства. Это наказание бывает или по приговору светского суда за преступления (соответствует лишению прав состояния), или же по определению духовного суда за деяния нетерпимые, по своему свойству, в духовном звании (напр., за нецеломудрие, за упорную неисправимость в порочной жизни, в особенности, вызывающую публичный соблазн). В первом случае с осужденным поступают по определению уголовного суда (снятие сана производится духовным начальством). Во втором случае он отсылается в распоряжение Губернского Правления, с подробным объяснением вины, за которую лишен сана.

Последствия для гражданского состояния лица, исключенного из духовного ведомства не за уголовные преступления, а по приговору духовного суда, такие же, как и при добровольном оставлении священства или монашества, с тем ограничением, что осужденному запрещается въезд в столицы в течение 7 лет и поступление на государственную и выборную общественную службу в течение 20 лет, если он был священником, и в течение 12 лет, если он был диаконом; церковным же причетникам – навсегда. Эти запрещения, по прошествии срока, снимаются с подвергшихся им, если они заслужат своим образом жизни одобрение своих обществ или сословий.

2) Меньшая, в сравнении с предыдущей, мера наказания за тяжкие преступления против обязанностей и благоповедения есть также исключение из священной степени, но с оставлением в духовном ведомстве, причем священнослужители из белого духовства определяются на причетнические должности (конечно без права носить стихарь), или могут, если они вдовы, поступать в монастырь, с надеждой на пострижение (однако без возвращения степени священства); а священномонахи оставляются в обыкновенном монашестве на покаянии. К причетникам эта мера наказания не применима.

3) Следующей исправительной мерой взыскания для священнослужителей полагается временное запрещение им священнослужения, с отстранением от места и определением на причетническую должность, или (что легче) без отстранения от места, но с наложением эпитимии в монастыре, либо на месте. Это взыскание налагается или на неопределенное время, вплоть до раскаяния и исправления виновного, или на определенный срок. Запрещение священнослужения в некоторых случаях бывает предупредительной мерой и налагается в случаях обвинения священнослужителей в преступлении, когда есть достаточные основания считать обвинения справедливыми, согласно следственным актам. Распоряжение об этом предоставлено на усмотрение архиерея, обязанного заботиться о том, чтобы обвиняемые в существенных преступлениях против благоповедения не приступали, по заповедям Божиим, к служению алтарю Господню (Уст. Дух. Кон. 159). Временно низведенные в причетники не имеют права носить рясы и другие священнослужительские отличия. По отношению к причетникам эти взыскания заменяются ссылкой в

монастырь для послушания на неопределенное судом время, или полным исключением из духовного ведомства, в зависимости от степени вины.

4) Прочими исправительными мерами являются: а) ссылка в монастырь или в архиерейский дом для испытания, без запрещения священнослужения; б) отстранение от занимаемого места и в) исключение из штата. Легчайшими мерами, в порядке их следования, являются: усиление надзора, денежные штрафы (в пользу попечительства о бедных духовного звания), поклоны в церкви (разновидность эпитимии), строгий или простой выговор, замечания.

Взыскания, а также нахождение под судом или следствием, вносятся в послужные списки духовных должностных лиц, по определению духовного начальства, на основании общих законов. Приговоренные к лишению сана теряют право на пенсию от казны (Уст. о пенсиях).

Примечание. По отношению к монашествующим, церковные наказания налагаются: на священномонахов – как на священнослужителей, на простых монахов и послушников – как на причетников, сообразуясь, впрочем, с их особым положением.

Церковный суд по другим (спорным) делам.

Подсудность лиц *духовного звания* церковному суду в гражданских тяжбах ограничивается только исками по взаимным спорам духовных лиц, возникающим из-за пользования церковной собственностью (а также доходами от церковных служб). Только в тех местах, где нет мировых судебных учреждений, церковному суду предоставлено разбирать дела по жалобам на духовных лиц в нарушении ими бесспорных обязательств и о принуждении к уплате бесспорных долгов. Все прочие гражданские иски между духовными лицами или предъявляемые к ним от светских лиц подлежат светскому гражданскому суду, по общим законам. Касательно *всех вообще* лиц к церковному суду отнесены: а) брачные дела (о незаконных браках, о прекращении и расторжении браков); б) дела, касающиеся удостоверения действительности события брака и дела о рождении от законных браков (так как ведение метрических записей, на основании которых даются эти удостоверения, предоставлено государством церковной власти).

Дела о незаконно совершенных браках поступают на рассмотрение духовного суда: а) по донесениям подчиненных епархиальному начальству мест и должностных лиц; б) по представлениям уголовных судов, если по делам, находящимся у них в производстве, возникает сомнение в законности брака; в) по жалобам и донесениям частных лиц, если их права нарушаются таким незаконным браком, или же в тех случаях, когда такой брак принадлежит к числу преступлений, влекущих за собой уголовное наказание. Церковному суду принадлежит, собственно, в этих случаях решение вопроса о действительности или недействительности брака, об аннулировании его в последнем случае, о присуждении, где следует, виновных к эпитимии, о разрешении и запрещении вступления в новый брак, а также суждение о степени участия духовных лиц в заключении незаконного брака. Все же, что касается уголовных преступлений при заключении такого брака (как то: насилие, обман, одновременное многобрачие) принадлежит компетенции светского суда. Бракоразводные дела отнесены исключительно к духовному суду.

Само собой разумеется, что церковному суду должны также подлежать всякие иски о нарушении, восстановлении и пользовании церковными правами, сопряженные со званием члена православной Церкви вообще и, в частности, с особым положением в ней.

Церковное судопроизводство.

Судебная власть.

Судебная власть в Церкви нераздельна с правительственной. Та и другая принадлежит епископу, как облеченному полнотой духовной власти в Церкви. По установлениям древней Церкви, в епископском суде, как и в других делах церковного управления, участвовал и пресвитерский Совет. Сам епископ мог быть судим не иначе, как Собором епископов (Ап. 74). В некоторых Церквях (напр., африканских) в древности суд над пресвитерами и диаконами также производился Собором нескольких епископов, — трех над диаконами и шести над пресвитерами, при обязательном участии местного епископа (Карф. 12, 29). В древней Церкви Собор митрополитского округа (под председательством митрополита, который принимал дела, подлежащие рассмотрению Собора) составлял первую инстанцию суда над епископом этого округа и действовал в качестве апелляционного суда по жалобам на епископский суд, решения которого он мог отменить, постановив свои (I всел. 5; Ант. 6, 12; Сард. 14; Карф. 139). Митрополитов судил патриарх, через назначенный им Собор. Патриарх принимал также апелляции на суд митрополитского Собора (4 всел. 9, 17; Ант. 12). Впрочем, единогласные решения Собора не могли пересматриваться (Ант. 15). Сами патриархи подлежали суду поместного собора из патриаршего округа и могли апеллировать к вселенскому Собору или к суду других патриархов, в зависимости от церковных обстоятельств.

Суд, принявший решение, которое отменено высшей судебной властью, не подлежит за это обвинению, если только не будет доказано, что это решение было вынесено из-за вражды, пристрастия или человекоугодничества (Карф. 16). Сверх того, каноны позволяют сторонам тяжбы, с согласия надлежащей судебной власти (епископа или митрополита), избирать себе судей из духовных лиц (не из низших, разумеется, по иерархической степени) и предоставлять им решение тяжбы в церковных делах; но на такой суд апелляции не допускаются (Карф. 17, 107, 136).

По каноническим правилам, не допускались до предъявления обвинений по церковным делам: а) иноверцы; б) исключенные из клира и отлученные от Церкви; в) опороченные позорным деянием; г) находящиеся или бывшие под судом; д) выступавшие ранее обвинителями, но не доказавшие своего обвинения; е) заинтересованные в деле; ж) рабы против господ, малолетние (до 14 лет), домашние обвиняемого. Те же лица не допускались и в свидетели.

Обвинитель, по канонам, должен поддерживать свое обвинение в суде лично; его неявка прекращала дело. Но неявка по уважительным причинам не лишала его права поддерживать обвинение. — Обвиняемый должен присутствовать на суде лично; для этого он три раза приглашался в суд. Его неявка без уважительной причины давала основание к его осуждению в том, в чем его обвиняли. Собственное признание обвиняемого считалось лучшим доказательством его виновности.

В русской Церкви, по действующему праву, церковный суд представлен двумя инстанциями: первая есть епархиальный суд, вторая – суд Св. Синода (единственная инстанция для епископов, а для других дел – апелляционная и ревизионная).

Епархиальный суд производится или непосредственно архиереем, или через консисторию. Но консистория, по отношению к архиерею, не может считаться самостоятельным судебным учреждением, так как ее действия по судопроизводству и судебные приговоры утверждаются или не утверждаются архиереем, который может выносить свои ре-

шения, не взирая на ее решения. Низших судебных инстанций нет; благочинный (или, в некоторых епархиях, его Совет) может разбирать некоторые малозначительные дела между духовными лицами только в качестве доверенного от архиерейской власти.

Порядок судопроизводства.

Непосредственный архиерейский суд касается духовных лиц и происходит без формального судопроизводства, так сказать, частным образом. Ему подлежат: а) проступки, совершенные по неведению или нечаянности (непредумышленные), требующие исправления и очищения священнослужительской совести иерархическим действием архиерея, и которые неудобно предавать гласности и формам обычного суда; б) все вообще проступки, не отягощенные явным вредом и соблазном, замеченные в священнослужителе, прежнее поведение которого было безукоризненно; в) жалобы, поданные именно с тем, чтобы поступившего неправильно исправить архиерейским судом и назиданием, без формального делопроизводства. В подобных случаях архиерей производит, через доверенное духовное лицо, дознание о виновности лица, испытывает его совесть и, смотря по поступкам и признакам его раскаяния, делает ему пастырское вразумление, или налагает основательную эпитимию (до 2-х недель), с прохождением ее на месте, или в архиерейском доме. На этот суд апелляции не допускаются и судимость в послужные списки не вносится.

Во всех прочих случаях епархиальный суд производится через консисторию формальным образом. Порядок судопроизводства в ней существенно отличается от принятого светскими судебными учреждениями порядка.

Предавая духовных лиц формальному епархиальному суду за проступки и преступления, подлежащие ведению этого суда, на основании полученных сведений, донесений и жалоб, епархиальное начальство производит, через доверенных духовных лиц, следствие по делу виновного. Это следствие ведется согласно с общими установленными правилами и формами, под наблюдением консистории. Все свои оправдания и возражения обвиняемый и причастные к делу лица вносят в следственный акт, который они прочитывают и подписывают в течение определенного срока, с письменным изъяснением своего удовлетворения или причин неудовлетворения произведенным следствием. На медлительность или неправильность действий следователей архиерею могут приноситься частные жалобы и, в случае неполучения удовлетворения от него, — Св. Синоду. Консистория надзирает за следствием, указывает, если находит нужным, дополнить или исправить его недостатки прежним или другим следователям, может сама вызвать подсудимого для более обстоятельного допроса, если его показания на следствии неудовлетворительны. Затем, на основании добытых следствием формальных доказательств, выносит свой приговор (Подсудимый может отводить членов Присутствия, по законным причинам, от участия в суждении о его деле.), окончательное утверждение которого зависит от архиерея. На утвержденный приговор подсудимый имеет право принести (через архиерея) апелляцию в Св. Синод только тогда, когда он приговорен к высшей мере наказания, т. е. священнослужитель — к лишению сана, а причетник — к исключению из духовного ведомства. На решения же, подвергающие прочим мерам наказания, обвиняемым могут приноситься лишь частные жалобы в Св. Синод. Если при расследовании дела откроются преступления, подлежащие уголовному суду, то о них духовное начальство сообщает прокурору Окружного Суда.

Судебные прения в Присутствии консистории бывают только при производстве дел по искам о разводе вследствие нарушения святости брака. Стороны тяжбы (или их поверенные, допущенные по определению консистории) вызываются для устного состязания между ними, которое протоколируется и подписывается как ими, так и членами консистории, и служит основанием для судебного решения*). Если представленные истцом свидетели преступления – лица гражданского ведомства, и если почему-либо их вызов в консисторию неудобен, то они допрашиваются местной полицией по предложенному ею списку вопросов, а если свидетели – духовные лица, живущие не в том месте, где производится дело, то они допрашиваются в местных консисториях.

По всем прочим делам консистория выносит судебные решения или на основании сообщений от светских присутственных мест (напр., при наложении эпитимий), или по справкам и документам и на основании следствия, проведенного ею через духовных лиц, либо через посредство гражданской власти.

Отдел V.

Церковное имущество.

Церковь, как всякое сообщество, имеет потребность, для успешного достижения своих целей, в материальных средствах (напр., в зданиях для богослужебных собраний, в известных предметах, необходимых для отправления богослужения, в средствах на содержание различных церковных учреждений). Поэтому, Церкви должно принадлежать право на обладание собственным имуществом.

Нельзя сказать, чтобы это было одним из существенных ее прав, т. е. таким, без которого немислимо было бы само ее существование и осуществление ее духовных целей. Когда Церковь не была признана государством, она существовала и выполняла свое назначение, а ее потребности в материальных средствах удовлетворялись частной собственностью ее членов, приносимой ими ей в дар на те или иные ее нужды. В то время Церковь в римской империи могла, по гражданским законам, владеть имуществом на имя отдельных своих членов (напр., епископов), или под именем *погребального общества*, так как подобные общества были признаны в государстве юридическими лицами. Ответчики, в случае уклонения от явки на прения, принуждаются к ней гражданской властью по требованию консистории. – Полиция вообще обязана исполнять все законные требования духовного суда и духовных следователей. Тем не менее, Церковь всегда оставляла за собой право обладать собственным имуществом, называя приобретаемое ею Господним достоянием, принадлежащим Богу (Апост. 38, 40), и своими законами определяла его сохранение и распоряжение им.

Признание государством Церкви как самостоятельного сообщества, должно, по справедливости, сопровождаться и признанием ее правоспособность к обладанию имуществом.

В римской империи это последовало в начале IV века, за объявлением закона, предоставлявшего свободу христианскому вероисповеданию. Константин Великий возвратил Церкви отнятое у нее во время гонений имущество, отдавал ей имущество мучеников, не оставивших после себя близких родственников, сам жертвовал ей земли, здания, назначал

некоторым церквам жалование, позволял Церкви принимать по завещаниям и приобретать другими законными способами собственность. Последующие христианские императоры предоставляли Церкви различные имущественные привилегии (Напр., освобождение церковного имущества от некоторых налогов и повинностей, наследование Церковью имущества духовных лиц, умерших без завещания и наследников, увеличение исковой давности относительно церковной собственности, некоторые исключения из общих правил о завещаниях, сделанные для завещаний в пользу Церкви и др.), давали ей возможности умножать свое имущество.

В России Церкви, с самого ее возникновения, также были предоставлены все способы приобретения имущества. Некоторым церковным учреждениям сами князья своими уставами и грамотами определяли средства содержания; так, напр., на содержание архиепископских кафедр вводились пошлины с торговых мер и весов (наблюдение за которыми устав св. Владимира предоставлял святителям), пени и пошлины с церковного суда, десятины с княжеских имений и доходов. Предоставлялись земли с различными угодьями, селения с данями и налогами и др. Церкви с причетами содержались или за счет своих строителей (князей и владельцев), или за счет приношений и сборов от приходских общин (преимущественно натурой), а также получали земли и другую недвижимость в качестве наделов или пожертвований от них же, иногда (впрочем, в редких случаях) владели вотчинами. Особенно же в древней Руси приумножалась недвижимая собственность монастырей. Государь и владельцы, по религиозному чувству и особенному уважению к иноческой жизни, к просветительской и благотворительной деятельности монастырей, наделяли их землями и поместьями на помин своей души. Сами монастыри также могли беспрепятственно приобретать обширные земельные участки или покупкой, или занятием пустующих земель (чаще всего – на окраинах государства), которые обрабатывались и колонизировались ими. Жалованными грамотами государей (Права владения и имущественные привилегии Церкви были признаны и подтверждались также татарскими ханами.) вотчины монастырей и духовных властей снабжались разными экономическими и судебными льготами. Эти льготы и хозяйственное благосостояние монастырей привлекали на монастырские земли многочисленное население.

С конца XIV века возникла и стала созреть мысль о том, что владение монастырей землями и селами несообразно с целями иноческой жизни, вредно влияет на нее. Эта мысль впоследствии (в XVI веке) вызвала оживленные споры с ее противниками. Защитниками ее были: знаменитый подвижник Нил Сорский (основатель скита его имени на р. Соре), его последователи – подвижники Белозерского монастыря и горячий обличитель современных ему пороков – Максим Грек. Представителем противоположного мнения был также знаменитый ревнитель строгого иночества и дух. просвещения преп. Иосиф, игумен Волоколамского монастыря. С другой стороны, от расширения вотчинного владения монастырей и от привилегированного положения их вотчин стали страдать государственные интересы (у правительства уходила из рук земля, которая была ему нужна для задачи служилым людям и для интересов казны; служилые люди беднели и испытывали затруднения в несении службы из-за убыли на их землях крестьян, переходивших на льготные монастырские земли; государственные повинности должны были ложиться всей тяжестью на остальные нельготные земли и их население). Поэтому, уже с начала XVI века государственное правительство начало ограничивать права владения монастырей и архиепископов, и поднимало вопрос об изъятии церковных вотчин в пользу государства. Такой вопрос был поставлен Иоанном III в 1503 г. Московскому Собору (Незадолго до того, после покорения Новгорода, он раздал своим боярским детям, за их службу, несколько церковных земель Новгородской области), но святители, ссылаясь на св. Писание, каноны Церкви, постановления и

примеры греческих и русских государей и ордынских ханов относительно неприкосновенности церковной собственности и ее преимуществ, ответили великому князю, что они не смеют и не благословляют отдавать церковного стяжания, как Богу посвященного. Князь более не настаивал. Иоанн IV успел провести на Соборах постановления, значительно ограничивающие возрастание церковных вотчин. После Стоглавого Собора, который предоставил дело о церковных землях благоусмотрению Государя (защищая, тем не менее, в своих постановлениях неприкосновенность церковного имущества), правительство запретило епископам и монастырям вновь приобретать вотчины без предварительного царского дозволения, под страхом изъятия их в пользу Государя. Собор 1573 года постановил принимать вотчины, с согласия Государя, только бедным землею монастырям; а в 1581 г., на требование царем от церковного правительства пожертвований церковного имущества (по случаю истощения государства от войны), Собором было положено: монастырям и архиереям впредь не приобретать земель; завещанные земли возвращать родственникам завещателя за денежное вознаграждение в размере стоимости имущества, а если у него не окажется родственников, даже дальних, отдавать в казну, которая заплатит за землю деньгами; кто поступит вопреки этому, у тех отбирать землю в пользу Государя. Но эти распоряжения строго не выдерживались. Царь Алексей Михайлович своим Уложением подтвердил решительное запрещение увеличивать церковные вотчины и упразднил некоторые их привилегии; часть церковных земель была даже отобрана в казну. Со времени Петра Великого окончательно отменяются имущественные привилегии церковных учреждений; церковные вотчины привлекаются наравне со всеми прочими (и даже более) к общим государственным обязанностям по платежам и отбыванию повинностей; церковное имущество и распоряжение им попадают под строгий контроль государственной власти (посредством особых учреждений, часто менявших свое название (Монастырский Приказ, Камер-Контора, Коллегия Экономии и пр.) и подведомственных то светскому, то церковному правительству); доходы от имущества становятся источником средств на удовлетворение различных государственных и общественных нужд (Даже и таких, как, напр., литье пушек, постройка триумфальных ворот, покрытие расходов на приказные палаты, устройство конных заводов (при Бироне) и т. п.). Наконец, в 1764 году (26 Февраля) церковное земельное имущество, с его доходами, включается в состав государственного имущества и поступает в ведение и пользование государства; церковным же учреждениям и архиереям назначено денежное вознаграждение от казны (по штатам) и надел землей в определенном количестве.

При изложении действующего церковно-имущественного права в России мы рассмотрим: а) средства содержания церковных учреждений и способы приобретения этих средств; б) особые права и преимущества, предоставленные церковной собственности; в) управление церковным имуществом.

Средства содержания и способы их приобретения.

Средства содержания церк. учреждений и должностных лиц или даются от государства его правительством, или приобретаются Церковью от частных пожертвований, либо другими, дозволенными ей ее собственными способами.

Средства, получаемые от государства.

а) *Денежные вклады.* Сюда относятся: 1) казенное содержание и жалование архиереям, церковно-правительственным учреждениям и служащим в них, кафедральным соборам и их причетам; 2) оклады архиерейским домам и штатным монастырям, назначенные

взамен отобранных у них в казну земельных владений и освобождения от обязательной службы архиерейских и монастырских крестьян; 3) жалование состоящему в штате сельскому приходскому духовенству, пенсии священно-церковнослужителям епархиального ведомства, а также содержание церквей при казенных учреждениях, жалование и пенсии их причетам, по особым положениям; 4) пособия на общецерковные нужды, на особые церковные потребности в некоторых местностях, — напр., на улучшение содержания духовно-учебных заведений, на строительные расходы по дух. ведомству, на церковно-приходские школы, и др. Суммы, оставшиеся свободными из отпускаемых на содержание соборов, монастырей, архиерейских домов, школ и приходского духовенства поступают также в распоряжение духовного ведомства.

Обеспечение епархиального приходского духовенства постоянным жалованием, предполагавшееся правительством еще с 18-го столетия и осуществлявшееся для весьма немногих церквей (притом в очень скудных размерах), с особой решительностью стало вводиться в царствование Николая I. Он повелел отпускать из казначейства денежные суммы на жалование приходскому сельскому духовенству, начиная с более бедных епархий, с тем, чтобы эта сумма ежегодно постепенно увеличивалась. В 1842 г. были выработаны и утверждены штаты постоянного содержания причетов, причем приходы были разделены на 7 классов, по числу душ в приходе. Размер жалования был неодинаков для различных губерний и для приходов разного класса. Такое постепенное увеличение отпускаемых из казны денег, прекратившееся с 1861 г., было повелено восстановить в 1892 г. и продолжать впредь ежегодно до тех пор, пока не будет назначено содержание от казны всем причетам в Империи. Назначение содержания причетам, не получавшим его до этого времени, предоставлено св. Синоду (Мн. Госуд. Сов. 23 Апр. 1893 г.). Положение о пенсиях введено в действие с 1866г. Об их выплате установлены особые (временные) правила. Установленный позднейшим законом размер жалования следующий: священнику от 100 до 600 руб., диакону 80 – 300 р., псаломщику 40 – 200 р. Пенсии из Госуд. Казначейства назначены за 35-летнюю службу: 300 руб. в год священникам, 200 руб. диаконам, псаломщикам – 100 р. Устав о пенсиях священнослужителям и псаломщикам Высочайше утвержден 3 Июня 1902 г.

б) *Надел земель и пользование угодьями и лесами.* Распоряжение правительства об этом последовало в 1764 г. относительно монастырей и архиерейских домов, а потом (в 1766 г.) и относительно сельских приходских церквей. В определенную тогда пропорцию земельных раздач церквам велено было засчитывать и то количество земли, которое до того времени было закреплено за церквами, по так называемым писцовым книгам (*писцовые земли*). По действующим законам, монастыри наделяются землей из казенной собственности в количестве 100 – 150 десятин (и более, где могут позволить местные обстоятельства); архиерейские дома – в количестве 60 десятин; сверх того, те и другие получают лучшие угодья из казенных оброчных статей (мельницы, рыбная ловля). Для продовольственных нужд причетов сельских приходских церквей обязательный надел каждого причета землей (которая отводится или из казенных земель или от крестьянских по распоряжению правительства) должен быть в размере 33 – 39 десятин, смотря по количеству состоящих в пользовании у прихожан земель.

Есть церкви *ружные*, причеты которых получают от прихожан определенную *ругу* (т. е. содержание натурой или деньгами). Они также наделяются узаконенной порцией земли, которая остается в пользовании прежних ее владельцев, пока между ними и причетами существует соглашение о руге.

Церковные земли могут быть обрабатываемы теми лицами, которым они предоставлены в распоряжение, средствами их собственного хозяйства, или отданы в наем, с ограничениями относительно срока арендного содержания. Эти ограничения состоят в том, что земли, обращенные, с надлежащего разрешения духовного начальства, в оброчную статью, могут быть отданы в аренду с торгов, по разрешению духовного начальства и по оформленному условию с нанимателем, не более как на 12 лет; прочие же земли, полевые и сенокосные, позволяется отдавать в наем (Членами причета или всеми сообща, или каждым в отдельности, с ведома прочих членов. Усадебные земли не должны отдаваться под постройки посторонним лицам) только на годичный срок, по письменному условию, официально оформленному или частному. Обращать же в оброчную статью можно только ту часть земли, которая превышает узаконенную пропорцию для содержания причета; разрешение на это может быть дано Св. Синодом только в случае особо уважительных причин. Земли, принадлежащие городским церквам, могут быть оброчными статьями.

Кроме надела землей и угодьями, монастырям и архиерейским домам (там, где есть возможность) отводятся казенные лесные участки, с тем, чтобы эти учреждения, пользуясь лесными материалами для своих потребностей, охраняли данные им леса от истребления и заботились о лесонасаждении в них. Дозволено также отпускать из казенных лесных угодий, за уменьшенную плату или бесплатно, строевой лес на необходимые церковные постройки, по ходатайству духовного начальства.

Примечание. О пользовании церковными лесами существуют особые постановления, направленные на охранение лесов от истребления, чтобы они могли служить источником постоянных доходов.

Частные пожертвования.

Церковные учреждения и причеты могут на общих основаниях принимать от частных лиц пожертвования как деньгами, так и другими вещами, движимым или недвижимым имуществом.

а) Принятие денег и другой движимости не обусловлено какими-либо особыми законами. О пожертвованиях в пользу Церкви или на постоянное содержание причета, ценность которых значительна, сообщается Св. Синоду через епархиальное начальство. Дела, возникающие по благотворительным завещательным распоряжениям частных лиц и пожертвованиям в пользу архиер. домов, монастырей и церквей недвижимым имуществом разрешаются местным епарх. начальством. Предварительно, местная духовная Консистория входит в сношение с кем следует о том, имеет ли жертвователь или завещатель право так распорядиться своим имуществом, и соблюдены ли в точности все положения, установленные для подобных случаев (Уст. Кон. 106, 126, 137; Св. З. X, 1, 985). Выписки из дух. завещаний, по которым что-либо оставляется в пользу духовных учреждений, передаются Окружными Судами прокурору для их направления по принадлежности (Св. Зак. X, ч. 1, 109).

Назначение в духовном завещании передачи чего бы то ни было в пользу церкви или целого причета не лишает кого-либо из священно-церковнослужителей той же церкви (или того же причета) права быть свидетелем завещания (Реш. Сен. см. Ж. М. Ю. 1866 г. №4).

К добровольным приношениям относятся и подаяния причету от прихожан за исполнение для них церковных треб. Постановлений об обязательной плате за это теперь в законе не существует. Иногда, впрочем, она устанавливается решениями местных сель-

ских общин или обычаем. Постановления о ней существовали в прошедшем столетии. В 1801 г. именной указ, отменив изданное до того постановление об обязательной обработке крестьянами церковных земель, увеличил упомянутую плату за требы. (Напр., за крещение было положено давать 6 коп., за свадьбу 20 к., за погребение 20 к.)

б) Право наследования в случае всякого имущества, остающегося после монашеских лиц низших степеней, а также в случае выморочного имущества, остающегося после архиереев, настоятелей и настоятельниц монастырей, по закону принадлежит только монастырям и архиер. домам. Вещи, относящиеся к ризнице, не могут быть передаваемы в любом случае ни по завещанию, ни по праву наследования (Св. З. X, I, ст. 1025, 1187 и 1224).

Примечание. По закону Юстиниана, епископ должен был оставлять своей церкви все приобретенное им во время епископства (Кормч., гл. 44, гр. 10, ст. 5).

в) Особый вид пожертвований составляет сбор добровольных денежных подаяний через *сборные книги и кружки*.

1) Сборные книги могут быть выданы только в пределах епархии ее начальством (надлежащим образом прошитые, имеющие подпись и печать Консистории), и только на истинные и существенные нужды церквей, особенно – на постройку и ремонт в бедных приходах тех церквей, без которых православный народ не был бы удовлетворен церковным богослужением. На другого рода церковные нужды сборы могут быть произведены только в пределах прихода и его окрестностей (Ук. Св. Син. 30 Сент. 1856 г.). Книга для сбора на определенную церковь выдается одному благонадежному (по свидетельству местной полиции) лицу, выбранному приходом с согласия причета, и на срок не более одного года. На таких же основаниях выдаются книги и для сборов на монастыри (одному из монахов). Жертвователи могут вписывать в эти книги свои подаяния. По истечении срока книги освидетельствуются и проверяются местной Консисторией. Повсеместные сборы в Империи разрешаются не иначе, как Высочайшей властью, по ходатайству Св. Синода (о них сообщается Пр. Сенату). Сборы на заграничные православные церковные учреждения также допускаются только по Высочайшему соизволению, испрашиваемому Св. Синодом по предварительному сношению с Министерством Иностранных Дел.

2) В церквах и часовнях денежные сборы на местные церковные потребности производятся посредством кружки (или кошелька и тарелки), которой церковный староста обносит во время богослужения посетителей церкви. С разрешения архиерея, кружки для той же цели могут быть выставлены вне церквей и часовен на их стенах или оградах. Сверх того, законом или высшей церковной властью определено иметь во всех церквах (в казенных – с согласия их управления) несколько кружек и для других церковных целей (на бедных духовного звания, на улучшение быта паломников в Палестине, на распространение православия между язычниками в Империи, на восстановление православия на Кавказе). Сборы по этим кружкам, отчетность по сборам и их отсылка по назначению относятся к предметам церковного хозяйства. Только высшей церковной властью разрешается выставлять или обносить временами кружки во всех церквах для нужд некоторых нецерковных учреждений и благотворительных обществ (напр., на больных и раненых воинов, на попечительство о слепых); в той или иной церкви производятся также сборы на местные благотворительные учреждения при ней, по уставам этих учреждений или с разрешения епархиального начальства. Но всеми подобными сборами распоряжаются те общества и учреждения, для которых эти сборы позволены. Взято за правило обносить в церквах *постоянно* только кружки в пользу самой местной церкви и бедных духовного

звания (последнее не обязательно для монастырей); прочие же кружки, дозволенные к ношению, носить по очереди, — не более одной каждый раз (Опр. Синода, 23 Мар. 2876 г.).

Другие способы приобретения Церковью материальных средств.

а) Главный из таких способов есть *продажа восковых свечей*, употребляемых при богослужении; она составляет главнейший источник церковных доходов. В древней Руси производство этих свечей и торговля ими не были ограничены какими-либо законами и предоставлялись всякому. Церковь не имела от них дохода, употребляя при богослужении свечи, приносимые в нее прихожанами. Импер. Петр I (Ук. 1731 г. П. С. 3. № 3746) запретил свободную продажу церковных свечей и велел обратить ее в пользу церквей с тем, чтобы прибыль от продажи шла на содержание богаделен при церквях. Но это повеление осталось неопубликованным и потому не приводилось в действие. В начале 19-го столетия на докладе бывшей Комиссии духовных училищ (от 28 Авг. 1808 г.) последовало Высочайшее утверждение, в силу которого только церквям предоставлялось право производить розничную продажу церковных свечей (Пол. Соб. Зак. т. 30, №№ 23122 и 23254). Такая мера открывала Комиссии богатый источник средств на содержание духовно-учебных заведений, так как вся прибыль от продажи свечей (определенная по количеству проданных свечей, по их весу) должна была поступать в Комиссию на этот предмет. Порядок взимания центральным духовным управлением прибылей из доходов церквей был впоследствии изменен (см. ниже); но постановление о продаже церк. свечей остается в силе. По действующим законам (Они имеют в виду не только ограждение церк. денежных интересов, но и борьбу с фальсификацией церк. свечей.) церк. свечи должны быть изготавливаемы из *чистого пчелиного воска*; розничная торговля ими никому, кроме церквей и состоящих в ведении дух. начальства свечных заводов и лавок, не дозволяется. Их выпуск с заводов и оптовая продажа должны производиться не иначе, как в цельных запечатанных пачках, весом не менее 20 фунтов в каждой (при том, с этикеткой завода и с обозначением на обертке, что в пачках церк. восковые свечи). Чтобы отличить церк. свечи от изготавливаемых для домашнего употребления, не из чистого пчелиного воска, для первых установлены особый внешний вид и цвет фитиля.

Длина церк. свечи должна быть в 6 раз больше ее толщины, кроме свечей имеющих особое назначение в церкви; ее фитиль должен быть белым с красной нитью. Свечи не только с этими особыми признаками, но и с одним из них, должны считаться церковными. Для домашнего употребления свечи, если их изготавливается боле 8 штук на один фунт, не должны быть одинаковыми по виду и цвету фитиля с церковными свечами.

Дела о нарушении правил, касающихся изготовления, хранения для продажи и самой продажи церк. свечей, производятся порядком, определенным в законах о нарушении уставов казенного управления.

Возбуждение таких дел является обязанностью полиции; они подсудны мировому или городскому судье, или земскому начальнику, если сумма штрафа за нарушение указанных правил и цена подлежащих при этом конфискации свечей не превышает, каждая в отдельности, 300 руб.

За нарушение правил о выпуске с заводов и оптовой продажи церк. свечей виновные подвергаются взысканию в размере не свыше 100 руб.; тот же штраф установлен за розничную продажу их лицами, не имеющими на это права: сверх того, все найденные у таких лиц церк. свечи конфискуются. Виновные в изготовлении, хранении для продажи

или в самой продаже *свечей не из чистого пчелиного воска*, числом более 8 штук на 1 фунт и одинакового с церк. свечами вида и цвета фитиля, подвергаются конфискации неправильно изготовленных свечей и штрафу не свыше 300 руб. (если не подлежат более строгому наказанию по ст. 173 уст о нак., налаг. мир. суд.). – Денежные штрафы идут в пользу дух. ведомства и конфискованные свечи передаются в распоряжение еп. начальства (см. Церк. Вед. 1893 г. №№ 4 и 6; Уст. о наказ. Мир. Суд. 483-485).

Для увеличения средств на обще-епархиальные потребности, особенно – на потребности духовных училищ, по представлению Съезда духовенства и с разрешения архиерея, для епархии могут учреждаться на обще-церковные средства свечные заводы, а при цервах – свечные лавки, и устанавливаться обязательная для епархиальных церквей покупка свечей с этих заводов (Ук. Св. Син. 10 Янв. 1871 г.; Опр. Св. Син. 25 Июля 1879 г.).

б) Исключительно церквам принадлежит право продавать *венчики и листы разрешительной молитвы*, возлагаемые при погребении на умерших (Опр. Св. Синода 18 Марта 1810 г.). Изготавливать эти предметы и снабжать ими все епархии предоставлено Московской Синодальной Типографии. Они должны продаваться в церквах по установленной цене. Доход от их продажи должен идти на содержание бедных учеников духовных училищ, по назначению Съезда от духовенства епархии (Ук. Син. 19 Янв. 1871 г.).

К источникам средств монастырей и городских кладбищенских церквей принадлежит еще продажа ими мест для погребения умерших; доходы от нее причисляются к прочим доходам этих церквей и монастырей.

в) Церкви и монастыри обязаны увеличивать свои доходы вкладами своих капиталов в кредитные учреждения (не только государственные), для приращения их процентами, или покупкой процентных государственных бумаг (непрерывно на имя церкви или монастыря и, если они назначаются на содержание причета, — с обозначением этого их предназначения). Отдавать церковные деньги под заклад запрещено; займы же их из одной церкви на нужды другой допускаются с разрешения архиерея (до 300 р). или Св. Синода (свыше 300 р.).

г) Духовные учреждения могут строить свои дома или приобретать недвижимое имущество покупкой не только для собственных нужд, но и для извлечения из них постоянных доходов. Монастыри, архиерейские дома и церкви могут покупать недвижимость при соблюдении того же порядка, который указан для закрепления за ними недвижимости, полученной в дар или по завещанию. Сдача в аренду всякой церковной недвижимости совершается с теми же условиями, как и при сдаче в аренду земель (см. выше). Недвижимое имущество, предназначенное для обеспечения церквей и причетов, может быть заложено (кроме земель) в кредитные учреждения, с разрешения Св. Синода (опр. Син. 14 Июня 1876 года).

Примечание. Для лучшего обеспечения причетов, еще указами Петра I требовалось, чтобы при церквах, на собранные церковные деньги, устраивались дома для проживания причета и чтобы эти дома составляли церковную собственность. Позднейшие постановления возлагают заботу об этом также и на прихожан. По действующим постановлениям, при поступлении просьб об образовании новых приходов, епархиальное начальство должно давать ход этим просьбам не иначе, как после получения от прихожан обязательства устроить дома для причета (кроме особо уважительных случаев). На устройство домов причета епархиальному начальству предоставлено право ходатайствовать в Мин. Гос. Имущ. о бесплатном отпуске леса из казенных участков. Постройки, возведенные на цер-

ковной земле на собственные средства кем-либо из членов причета, составляют его собственность; но при замещении его другим лицом должны быть проданы последнему или снесены. Строения, воздвигнутые внутри монастыря монашествующими, за свой счет, или посторонними вкладчиками, остаются во владении монастыря после смерти их устроителей.

д) Право на обращение недвижимого имущества в собственность на основании безконфликтного, бесспорного и непрерывного владения ею в течение земской давности распространяется и на церковные учреждения; на введение во владение такого рода имуществом не требуется испрашивать Высочайшего соизволения.

е) Центральное духовное управление получает доход от двух *синодальных типографий*, — С.-Петербургской и Московской, находящихся в непосредственном распоряжении Св. Синода. Им предоставлено исключительное право печатать книги св. Писания и богослужебные, а также листы бланков для церковных документов. При типографиях существуют книжные лавки. Из прибылей от продажи книг и бланков образуется специальный типографский капитал.

Примечание. Типографии существуют еще при Киево Печерской и Почаевской Лаврах; доход от них идет в пользу этих обителей. Богослужебные книги они могут печатать только с разрешения Св. Синода.

ж) К собственным имущественным средствам центрального дух. управления нужно отнести и прибыль от других, кроме типографского, особых капиталов, находящихся в распоряжении Св. Синода. Самый большой из них — духовно-учебный капитал, образовавшийся из остатков сумм от свечной прибыли, которые расходовались на духовно-учебные заведения, а также — из отобранных у церковей (1809 — 1810 г.г.) свободных сумм. (Этот капитал достигает 25 миллионов руб.).

Особые права церковного имущества.

Из уважения к целям, для которых предназначено церковное имущество, наши гражданские законы предоставляют ему некоторые льготы и преимущества, по сравнению с собственностью частных лиц, как это делали законы христианских греко-римских Государей.

а) Тяжбы об имуществе архиер. домов, монастырей и церковей производятся тем же порядком, который установлен для казенных дел. Имущество, поступающее безвозмездно в собственность церковей, монастырей и церк. причетов, освобождается от оплаты пошлины.

б) Земли и земельные угодья, принадлежащие монастырям, архиерейским домам и церквам, а также рыбная ловля (озера), данные им правительством, не подлежат земским сборам. Этим правом пользуются земли и угодья не только данные указанным учреждениям правительством (независимо от количества десятин), но и отведенные церквам от прихожан, взамен казенной земли. В последнем случае (т. е. земли, отведенной прихожанами) земля свободна от земских сборов только в количестве 99 десятин (высшей пропорции, узаконенной для землеотвода на содержание причетов). Исполнение дорожной повинности на землях, свободных от земских сборов, лежит на прихожанах. Не подлежит взиманию каких-либо налогов и оценочных сборов вообще все то недвижимое имущество церковных учреждений, которое, по своему свойству, не может приносить дохода, без различия того, отдано ли это имущество правительством, или приобретено этими учреждениями иными способами.

в) Церковные земли составляют неприкосновенную церковную собственность, не подлежат отчуждению и ограждены от всяких посторонних притязаний. Пользующийся землей причет есть непосредственный охранитель неприкосновенности и сам по себе не имеет права уступать, закреплять или закладывать ее кому-либо, или менять ее на другую; никакие акты об этом от имени причета не имеют силы (Св. Зак. IX, ст. 401 и д.). Только в особо уважительных случаях (когда, напр., продажа или обмен церковной земли или ее части предоставляет церкви существенные выгоды) допускается ее отчуждение с особого, каждый раз, Высочайшего соизволения, испрашиваемого через Совет Министров (это правило относится вообще ко всему недвижимому церковному имуществу). В случае упразднения монастыря или церкви, монастырские земли присоединяются к другим монастырям, а церковные – к другим церквам (к которым приписываются прихожане упраздненной церкви). В случае превращения приписанной к другому приходу церкви в самостоятельную, или восстановления упраздненной, ей должны быть возвращены ее земельные наделы или же капитал, образовавшийся от продажи этого надела, либо приобретенная на этот капитал другая земля. При отчуждении каких-либо участков церковной земли для государственных или общественных нужд, они заменяются другими участками из казенных и городских владений, либо за них выплачиваются деньги, в соответствии с имеющимися расценками (Св. Зак. X, ч. 1, ст. 577, 599).

Примечание. Для 9-ти западных губ. существует закон, по которому, в случае возникновения тяжбы о церковной земле, рассматривается, имеет ли церковь, с которой ведется спор, узаконенную пропорцию земли, и если не имеет, то истец (если его права доказаны) получает удовлетворение в иске от прихожан, ввиду их обязанности наделять церковь землей (Св. Зак. IX, прил. к 411, п. 17).

Управление церковным имуществом.

Общие канонические постановления. По общим каноническим постановлениям, церковное имущество должно быть учтено по описи, тщательно и добросовестно охраняемо и не смешиваться с частной собственностью церковных властей (Апост. 40; Ант. 24; Карф. 42). Управление им предоставлено власти епископов; ибо, — как говорит правило, — если им вверяется большая драгоценность – души человеческие, то тем более должно быть поручено попечению их вещественное церковное достояние (Апост. 41). Первоначально, когда епархия не делилась на особые приходы, все церковное имущество составляло одно целое при кафедре епископа и находилось в его ведении и распоряжении. Но для большей верности, дабы не случилось какого-либо нарекания на высокий сан епископа, он обязан был вести церковное хозяйство гласно, с ведома своего клира, и притом не иначе, как через экономов, назначенных из местного клира их избранием последним (4 всел. 26; Ант. 24 – 25; 7 всел. 11; Феоф. 10). За незаконное распоряжение церковной собственностью епископ нес ответственность перед Собором (Ант. 25).

Впоследствии, с образованием приходских церквей и особых причетов при них, каждая такая особая церковь стала иметь свое собственное имущество, заведывание которым должно было принадлежать местному клиру, но, конечно, под вышестоящим наблюдением епископа (Карф. 42). Общие постановления, касающиеся церковного имущества, отнесены и к монастырям, когда они были причислены к церковным учреждениям.

Отчуждать церковную собственность позволялось только в случае настоятельной потребности и для большей церковной выгоды: епископы могли это делать с позволения Собора и с согласия своего клира (7 всел. 12; Карф. 35 и 42; Кирил. 2). Проданное пресви-

терами, при отсутствии у них епископа, должно было возвращаться Церкви (Ант. 15). Доходы церквей могли быть употреблены, кроме как на удовлетворение потребностей богослужения и других церковных нужд, также и на содержание служителей Церкви (По апостольск. правилу, которое постановляет, чтобы служащие алтарю питались от него (1 Кор. 9:13-14).) и на благотворительные дела – на подаяние странникам, вдовам, и убогим, и вообще нуждающимся (Апост. 41; Ант. 25; Феоф. II), на устройство благотворительных учреждений. Законом Юстиниана было позволено продавать священные сосуды для выкупа пленных (Новел. 120, 10).

Действующие русские законы. При их рассмотрении нужно сказать о юридических лицах, признаваемых собственниками церковного имущества, о хранении церковного имущества, распоряжении им и отчетности по церковному хозяйству.

А) Собственниками церковного имущества являются те церковные учреждения, которым наше законодательство дает право приобретать имущество. Наши законы признают таковыми: а) монастыри (кроме приписанных к другим) и архиерейские дома (последние – независимо от того, помещаются ли они в монастыре, или нет); монастырское братство в отдельности не признается, по закону, юридическим лицом, имеющим право на приобретение имущества; б) самостоятельные церкви. Имущество, приобретенное хотя бы и на имя причета, но составляющее постоянный источник его содержания (напр., земельные угодья, капиталы, положенные на вечный оборот), причислется к имуществу той церкви, при которой этот причет состоит, как подлежащее хранению и должному учету. Другие приходские учреждения, как напр., церковные попечительства, церковно-приходские школы и сам приход, как церковная община, могут закреплять имущество только на имя церкви. Все епархиальное духовенство, в качестве корпорации, не признается юридическим лицом, хотя имеет свое представительство в некоторых церковно-хозяйственных епархиальных делах (через духовно-училищные Съезды депутатов) (Когда само духовенство устраивает какие-либо учреждения с разрешения правительства (напр., женские духовные училища, вдовьи дома, эмерительные кассы и т. п.), то юридическими лицами становятся управления этих учреждений, но не корпорации епархиального духовенства.); оно не имеет своего постоянного органа. Св. Синод, обще-епархиальные учреждения (Консистории, духовно-учебные заведения и пр). рассматриваются как казенные учреждения. Недвижимое имущество, жертвуемое на церковно-приходские школы целой епархии или уезда, закрепляется за епарх. начальством, с указанием его назначения (Ук. Син. 09 Авг. 1892 г.)

Б) Церковное имущество составляет неотъемлемую и неприкосновенную собственность духовных учреждений; в случае закрытия какого-то из них, принадлежащее ему имущество должно быть обращено на церковные же нужды, соответствующие назначению этого имущества. Непосредственное заведывание и распоряжение имуществом каждого церковного учреждения принадлежит администрации последнего. В приходских церквях оно ведется их причетами и церковными старостами, причем в нем могут участвовать и прочие прихожане; значительные расходы на церковные нужды должны производиться с их согласия; представители прихожан приглашаются также присутствовать при ежемесячной проверке прихода и расхода церковных сумм и своей подписью свидетельствовать об этом. Иски и ответы по делам своего имущества каждое духовное учреждение должно представлять в общих судебных местах от своего имени, будучи уполномоченным Консисторией, через своих уполномоченных, каковыми могут являться его должностные лица духовного звания.

В управлении своим имуществом отдельные духовные учреждения, согласно с каноническими постановлениями, подчиняются надзору и распоряжениям высшей цер-

ковной власти, в зависимости от которой они состоят, — епархиальному начальству и Св. Синоду. Наблюдение за церковным имуществом в епархии сосредоточено в местной духовной Консистолии. Св. Синод действует в управлении ими через свое Хозяйственное Управление. Высшее духовное начальство обязано: 1) иметь подробные сведения о всяком имуществе и доходах подведомственных ему духовных учреждений (которые должны заносить свое имущество в данные начальством описи и в др. установленные ведомости); 2) наблюдать за сохранностью этого имущества, за его правильным и целесообразным употреблением и расходом, в чем и требует отчета от надлежащих мест и лиц, по установленной форме; только с его разрешения может быть произведен расход, значительный для средств учреждения (Без разрешения своего высшего начальства могут производиться только единовременные мелкие расходы: сельские церкви – до 50 руб., городские – до 150 р., кафедр. соборы и столичные церкви – до 300 р., монастыри – до 500р., Лавры и ставропиг. монастыри – до 2000 р.); 3) вникать в хозяйственное положение подведомственных учреждений, принимать меры к его благоустройству и улучшению, ограждать его интересы и т. п. Церковные суммы и отчеты не подлежат ревизии общегосударственных контрольных учреждений, за исключением сумм, отпускаемых казной духовному ведомству (на содержание архиерейских домов, монастырей, церквей и причетов, на церковные постройки).

Примечание 1. Ввиду надлежащей охраны церковных сумм от хищения, закон вменяет, кому следует, в непременную обязанность не оставлять при церкви, без необходимости, более 200 руб., но вносить свободные суммы и процентные бумаги с купонами в государственные кредитные учреждения на имя церкви.

Примечание 2. Денежные суммы цервей, состоящих при казенных и общественных учреждениях, как отпускаемые им от казны, так и приобретаемые самой церковью от продажи свечей, пожертвований и др., находятся в ведении и распоряжении управлений этих учреждений и не подлежат ведению духовного начальства.

в) Приходские церкви пользуются для собственных потребностей не всеми своими доходами, — известная их часть должна идти на обще-церковные потребности. Как было сказано выше, правительство предоставило церквам исключительное право на розничную продажу церковных свечей с тем, чтобы вся прибыль от нее поступала на содержание духовно-учебных заведений. Приходские церкви были обязаны прежде, через местные Консистолии, отсылать весь этот свой свечной доход в центральное управление Св. Синода, причем епархиальное начальство должно было строго следить, чтобы он не только не уменьшался, но увеличивался год от года, а за случившееся в какой-либо церкви уменьшение дохода, по сравнению с прежними годами, привлекать виновных к ответственности. На содержание церкви должны были идти другие доходы (сравнительно с предыдущей статьей весьма незначительные). С 1871 г. законом установлено: все доходы по каждой приходской церкви, различные по источникам приобретения, объединить в одну общую сумму (за исключением пожертвований с целевым назначением) и отчислять от нее, взамен прежнего свечного сбора, установленный процент для перечисления в Хозяйственное Управление Св. Синода на потребности духовно-учебной части. (Размер этого процента различен для разных епархий: по определению Св. Синода (1880 г.) одни из них должны вносить 14%, другие 25%, некоторые же, состоящие на особом положении, совсем освобождены от этого сбора.) Этим процентом определен (по доходам каждой церкви, взятым за 1868 г.), постоянный взнос от нее, и вместе с этим от каждой епархии назначена определенная сумма взносов особой раскладочной ведомостью. Чтобы эта сумма не могла где-либо уменьшиться, и тем самым привести к путанице в определенных сметой расходах, постановлено, чтобы недоимки назначенного сбора по каким-либо церквам, случившиеся по уважительным причинам, были

покрыты раскладкой недостающей суммы на другие церкви епархии (Не свыше 4% с первоначально обозначенного дохода каждой из церквей.).

Кроме того, епархиальное начальство может назначить, по представлениям и раскладке епархиального Съезда депутатов от духовенства, обязательные взносы из средств каждой приходской церкви на сверхштатные расходы духовных училищ, на женские духовные училища (они должны содержаться исключительно на местные средства епархии) и другие обще-епархиальные нужды. Все монастыри и их подворья, с церквями и часовнями, кафедральные и некоторые другие соборы, все церкви вне-епархиального ведомства, а также домовые и безприходные церкви при различных учреждениях, освобождены законом от означенных сборов, также как прежде их свечной доход не подлежал отчислению в центральное управление; но им предоставлено право назначить из своих средств определенные ими и постоянные пожертвования на обще-епархиальные потребности, в особенности – на училища и благотворительные учреждения епархиального ведомства.

Примечание. Само собой разумеется, что деньги, пожертвованные церкви с определенным назначением и указанным жертвователем, не могут быть употреблены на др. церковные потребности, за исключением случаев, когда выполнение этого назначения станет невозможным (тогда назначение изменяется на основании общих законов).

Свято-Троицкая Православная Миссия
466 Foothill Blvd, Box 397, La Canada, Ca 91011, USA
Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(pravo_pevtzov.doc, 07-07-2001)

Edited by	Date
Vladimir Kriger (for comments look at the attached file tableofc.doc	11/16/01